

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 9 (680) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

Евгений КАМИНСКИЙ.....	3
Сергей ГОНИКБЕРГ.....	30
Сергей СМИРНОВ.....	61

ПРОЗА

Сергей БЕЛОРУСЕЦ ЗАПИСКИ ДОШКОЛЬНИКА Повествование в сюжетах, с хэппилогом.....	13
Дмитрий ИГУМНОВ НЕБЕСНЫЙ КОЛЯ Маленькая повесть.....	39
Николай ЖЕЛЕЗНЯК ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ Повесть-Роман (продолжение).....	73

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ / ТЕМА НОМЕРА

Андрей МАЛАЕВ-БАБЕЛЬ: «В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ НЕТ РУССКОГО НАДРЫВА...» (беседовал Игорь Михайлов).....	6
---	---

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР

Елена САЗАНОВИЧ ЖОРЖИ АМАДУ: МЕЧТЫ ИЗ ПЕСКА	11
---	----

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ АКТУАЛЬНОСТЬ ПОПРИЩИНА	29
--	----

НАСЛЕДИЕ

Славяна БАКУНИНА КОНСТАНТИН ВЕЛИКОРОСС — ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ	35
---	----

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

// **Пожалуйста, говорите по-русски!** //

Марианна ТАРАСЕНКО В ПЛЕНУ У ПЛЕОНАЗМОВ	59
---	----

20-Я КОМНАТА (ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ)

Роман НЕУМОЕВ: «И ЧЕРНЫЕ ПИРАМИДЫ БУДУТ ЛЕТАТЬ НАД КРЕМЛЕМ...» (беседовал Ярослав Литвиненко).....	65
---	----

ПУТЕШЕСТВИЯ

Феликс ШВЕДОВСКИЙ ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК (продолжение).....	87
--	----

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ Воспоминания (продолжение).....	90
---	----

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Питер Генри ЭМЕРСОН СКАЗКА ИЗ УЭЛЬСА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВАЛЛИЙЦЕВ Перевод Евгения Никитина.....	96
---	----

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Арина КАЛЕДИНА Люксембург.....	99
Ирина КОПАЕНКО г. Москва.....	111

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// **Детектив на ночь** //

Валерий ИЛЬИЧЕВ АГЕНТУРНЫЙ РОМАН (продолжение).....	116
---	-----

// **Зеленый портфель** //

Надежда ГЛУШКОВА ФОРУМ САМИЗДАТА, ИЛИ «ПИСУЧИЕ ЛЮДИ» В ИНТЕРНЕТЕ	124
--	-----

// **«До востребования»** //

Галка ГАЛКИНА ТЫ У МЕНЯ ЗАПОЕШЬ ЛАЗАРЯ!	127
---	-----

// **VERIORA VERIS** //

Шалун ГЕО, человек-слон ЛЕВ ТОЛСТОЙ — ТЕПЕРЬ ОТСТОЙ!	128
--	-----

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность предоставленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,

ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Евгений Каминский — поэт, прозаик, член СП СССР (ныне Союза писателей СПб.).

Родился в Ленинграде в 1957 году. Окончил Ленинградский государственный университет. В журнальной периодике публикуется с 1986 года (стихотворная подборка в журнале «Нева», № 8).

Участник нескольких поэтических антологий, наиболее известные из которых — «Поздние петербуржцы» и «Строфы XX века».

Автор многочисленных (более шестидесяти) журнальных публикаций, в том числе в журналах «Звезда», «Нева», «Аврора», «Октябрь», «Волга», «Урал», «Литературная учеба», «Северная Аврора», «Литературус» (Хельсинки) и др. Публиковался в «Литературной газете», в отечественных и зарубежных альманахах, в частности в альманахах «Поэзия», «День поэзии» «Истоки», «Подвиг», URBI, «Васильевский остров», «XXI век» (Германия) и др., а также во многих коллективных сборниках.

Лауреат литературной премии независимой преподавательской ассоциации (1992 г.) за поэзию. Лауреат премии Гоголя (2007 г.) за роман «Князь Долгоруков».

Автор семи поэтических сборников: «Естественный отбор», «Толпа», «Исход», «Процесс», «Командированный», «Память смертная», «Из мрамора».

УЧАСТЬ И СЧАСТЬЕ

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» — начинает евангелист свое повествование, утверждая, что нет ничего большего в мире, нежели Слово. Когда наша цивилизация погибнет, что неизбежно, от нее в геологической истории Земли останется лишь полутораметровый слой железистого песчаника. Все рассыплется в прах — и небоскребы, и гиганты индустрии, и миллиарды машин и механизмов. Все исчезнет, кроме Слова, которое и есть «самая твердая вещь». Лишь оно одно несжимаемо, неуничтожимо, негленно. Правда, речь не о словах вообще, не о грязной мелочи словечек, поскольку они, конечно, тленны. Слово является в мир навсегда и существует в нем вечно, и лишь оно в конце концов послужит оправданием существования человечества.

Дар слова — удел избранных. Но этот дар все не счастливый билет в эмпирии, не пропуск к

жизненным благам. Скорей, наоборот — это некая участь, тяжесть, крест, который сей избранный всю свою жизнь несет на голгофу.

Вначале поэт с восторгом берется за Слово, владеет им, распоряжается по своему усмотрению, но постепенно Слово берется за поэта, прибирает его к своим рукам, мнет его, как глину, лепит из него удобную для себя дудку, а потом бросает ее в печь — в огонь испытаний, утрат, страданий, чтобы глина наконец затвердела и зазвучала.

И вот уже поэт — невольник Слова. Оно ведет его за собой, вынуждает его искать общий язык с Богом, потому что поэзия — это и есть разговор с Богом на Его языке.

Поэт — это хрупкий фарфор, ведь у той дудки, через которую Творец выдувает свою музыку, должны быть тонкие стенки, чтобы мелодия не оказалась пустым звуком, но стала выражением надежды,

веры и любви. И потому судьба поэта всегда — трагедия.

Лишь гонимый своим временем — подлинный. Как хорошее вино, для того чтобы созреть, должно томиться во мраке под спудом десятилетия, так и все подлинное, настоящее должно быть отвержено, отторгнуто своим временем.

Спросите, отчего ж Он так жесток к своим избранныкам? Думаю, что Его больше интересует Мелодия. А для того, чтобы в ней не было ни ноты фальши, сии тончайшие дудочки должны стать еще тоньше. Нет, не бывает благополучных поэтов. Но есть и им утешение — возможность в этой жизни поговорить с Богом на Его языке.

Таковы участь и счастье поэта.

Евгений Каминский

Блудный сын

В дом, где некогда с волей отца
воевал он, до славы голодный,
нынче тайно, как гад подколотный,
с бесприютной душой мертвеца,

нес он тяжкое сердце свое,
одержимое тьмой и страстями,
шел, безвольно сверкая костями,
сквозь последний позор и рванье.

И паскудный азарт игрока,
и талант, что трудом не был тронут,
вниз тянули... Утопленник в омут —
шел он, дна не достигший пока.

Шел — что корни ему, что тростник? —
без обиды и жалоб, но вместе
с тем уже без стыда и без чести —
по грязи босиком напрямик.

И когда наконец-таки лбом
он в ворота уперся, как пьяный,
за душою его окаянной
только пыль поднималась столбом.

Ликом Хама темнее, в тени
он стоял меж волом и ослицей...
«Где ж отец? Нет, чужие все лица...
А ведь чуть не изрек: “Прокляни!”»

Чуть не ляпнул: «С проклятьем не так
больно это — с волом и ослицей
кров последний деля, удавиться...»
Говорить он всегда был мастак.

Думал он: «Вот полезешь вперед
со своим “Прокляни, авва отче!”,
а папаша — не клонет. Короче,
здесь прилюдно и впрямь проклянет...»

Но удача не вышла в тираж,
снова выигрышный выкинув номер.
Он вдруг понял: папаша-то помер!
И почуял в поджилках кураж.

Гостем каменным ставя стопу,
победителем (вылитый Каин!)
в отчий дом он вошел, как хозяин,
раздраженно раздвинув толпу...

Оставались совсем пустяки:
слез сыновних на публике траты,
тяжбы, взятки судье, адвокаты,
и — наследство, всему вопреки.

В желтой прессе два-три интервью,
с примадонной заезжей интрижка,
Johnny Walker, модельная стрижка,
шлейф дешевеньких шлюх, «I love you!».

Ночью — пьяной гитары лады,
утром — вновь с кредитором дебаты,
и попытка пролезть в депутаты,
чтобы выйти сухим из воды...

Все уже как резина на вкус —
даже в кляре лиловые дивы...
Право, стоит ли плыть на Мальдивы,
чтоб себя убивать а-ля рус?!

Жизнь — как форма удушья, и смерть —
как исход в неподсудное детство...
А укол героина — лишь средство,
чтобы море раздвинуть суметь.

Андрей МАЛАЕВ-БАБЕЛЬ

Педагог по искусству актера. Профессор мастерства актера театральной школы «Асоло» при Университете штата Флорида (г. Сарасота, США).

Член совета директоров и педагог Ассоциации Михаила Чехова в Нью-Йорке.

Автор книг и статей, посвященных творчеству мастеров русского театра — Евгения Вахтангова, Михаила Чехова и Николая Демидова.

В 1998 году Андрей Малаев-Бабель стал одним из основателей Театра-студии имени К. С. Станиславского в Вашингтоне, художественным руководителем которого он являлся до 2005 года.

В 2000 году был выдвинут на соискание американской театральной премии им. Хелен Хейз «За выдающуюся режиссерскую работу» в спектакле «Идиот» по роману Достоевского.

Список актерских работ Андрея Малаева-Бабеля включает в себя такие роли, как роль Моцарта в «Маленьких трагедиях» Пушкина, Рогожина в «Идиоте» по роману Достоевского, Фауста в «Фаусте» Гете, Санчо Пансы в «Дон Кихоте» (сценарий Е. Шварца по роману Сервантеса), Тригорина в «Чайке» Чехова и Ивана Федоровича Карамазова в «Братьях Карамазовых» по роману Достоевского.

Выступил в качестве режиссера большинства постановок Театра им. Станиславского, включая такие спектакли, как «Хороший доктор» по пьесе Нила Саймона, «Отцы и дети» по пьесе Брайена Фриеля (по роману Тургенева), «Мертвые души» Михаила Булгакова (по роману Гоголя), «Мнимый больной» Мольера и «Преступление и наказание» по роману Достоевского.

Спектакль в постановке Андрея Малаева-Бабеля по пьесе Л. Малюгина «Насмешливое мое счастье» открыл программу Восьмого международного фестиваля им. Ф. Волкова в Ярославле в 2007 году.

Моноспектакль по рассказам Исаака Бабеля «Бабель: как это делалось в Одессе» в исполнении Андрея Малаева-Бабеля неоднократно входил в программы международных фестивалей. В сентябре 2011 года он был представлен на сцене Одесской филармонии в сопровождении Национального одесского филармонического оркестра под управлением американского дирижера Хобарта Эрла.

Андрей Малаев-Бабель окончил Театральное училище им. Щукина при Театре им. Евг. Вахтангова в Москве. На протяжении пяти лет был учеником и сотрудником Алексан-

дры Исааковны Ремизовой, режиссера и актрисы Театра им. Вахтангова, одной из основательниц театра, ученицы Е. Б. Вахтангова и К. С. Станиславского. В 1985 году совместно с Давидом Шнейдеровым основал Московский театр камерных форм, где работал главным режиссером до 1993 года.

Поводов побеседовать с Андреем множество. Даже не знаешь, с чего начать. Внук Исаака Бабеля и Антонины Пирожковой — первого конструктора московского метро, театральный режиссер, актер. Как все это сочетается в одном человеке? Насколько созвучны творческие искания деда контексту современной литературы, культуры? Об этом разговор Игоря Михайлова с Андреем Малаевым-Бабелем.

АНДРЕЙ МАЛАЕВ-БАБЕЛЬ: «В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ НЕТ РУССКОГО НАДРЫВА...»

— Андрей, Ваша бабушка, Антонина Николаевна Пирожкова, супруга Исаака Бабеля и первая женщина — конструктор московского метро, перед своей кончиной закончила книгу мемуаров. Какова ее судьба?

— Книга сейчас готовится к печати в московском издательстве «АСТ». Выход намечается на ноябрь-декабрь этого года. Отрывки из нее были опубликованы в прошлом году журналом «Октябрь» (9-й и 12-й номера за 2011 год). История книги примечательна. Антонине Николаевне было восемьдесят семь лет, когда она по моему настоянию согласилась переехать из России в США вместе с моей мамой, Лидией Исааковной. (Я к тому времени уже три года жил в Америке.) Шел 1996 год. Антонина Николаевна уезжала из России невзирая на советы друзей, что в таком возрасте-де устраивать жизнь на чужбине поздно. И вот Антонина Николаевна очутилась в предместье Вашингтона в уютном американском коттедже. Каждый день аккуратным почерком заполняла она листок за листком ученические тетради в линейку, толщиной в двести страниц. Ко времени окончания работы над воспоминаниями таких тетрадей набралось шесть. Инженерная память Антонины Николаевны поражала всех, кто ее знал. Память оставалась ясной до последних лет ее жизни. В новой книге Антонина Николаевна пополнила написанные ранее воспоминания о Бабеле. Страницы о Бабеле — это сердце книги. Кроме того, бабушка написала подробные воспоминания о детстве и юности в Сибири, в том числе и о начале своей инженерной карьеры на легендарном Кузнецкстрое. Она поведала и о том, как работала ведущим конструктором Московского метрополитена. Причем она сумела рассказать о технических вещах так, что читаешь с увлечением. Жизнь Антонины Николаевны, ее инженерная судьба, несмотря на трагическую потерю мужа, походит на сказку. Все ее инженерные проекты были осуществлены — и это в то время, когда целые организации и многие крупные архитекторы и инженеры работали «на корзину».

На страницах книги — несколько портретов людей, с которыми она была дружна: Авель Енукидзе,

Илья Эренбург, Екатерина Михайловна Пешкова (жена Горького и одна из первых советских правозащитниц), Николай Эрдман... Арест Бабеля, произошедший на ее глазах, ожидание мужа в течение пятнадцати лет, попытки узнать правду о его судьбе, процесс реабилитации Бабеля в начале 50-х годов — все эти хождения по мукам Антонина Николаевна описала в книге.

Выйдя на пенсию, бабушка в течение тридцати лет, до самого отъезда из России, сражалась за публикацию наследия Бабеля, за розыск конфискованных его рукописей. Она по крупицам собирала архив мужа, с которым работали десятки исследователей творчества писателя. Она поддерживала память о муже несмотря на сопротивление Союза писателей и других структур власти. Над книгой воспоминаний Антонина Николаевна продолжала работать все четырнадцать лет своей жизни в Америке. Она закончила ее незадолго до своей кончины в сентябре 2010 года. Ей шел 102-й год.

— Насколько полно изданы произведения Бабеля, что-нибудь осталось из неопубликованного?

— Если принимать во внимание двадцать четыре папки с рукописями, которые забрали при аресте Бабеля органы НКВД и после реабилитации писателя нам не возвратили, то полного Бабеля у нас

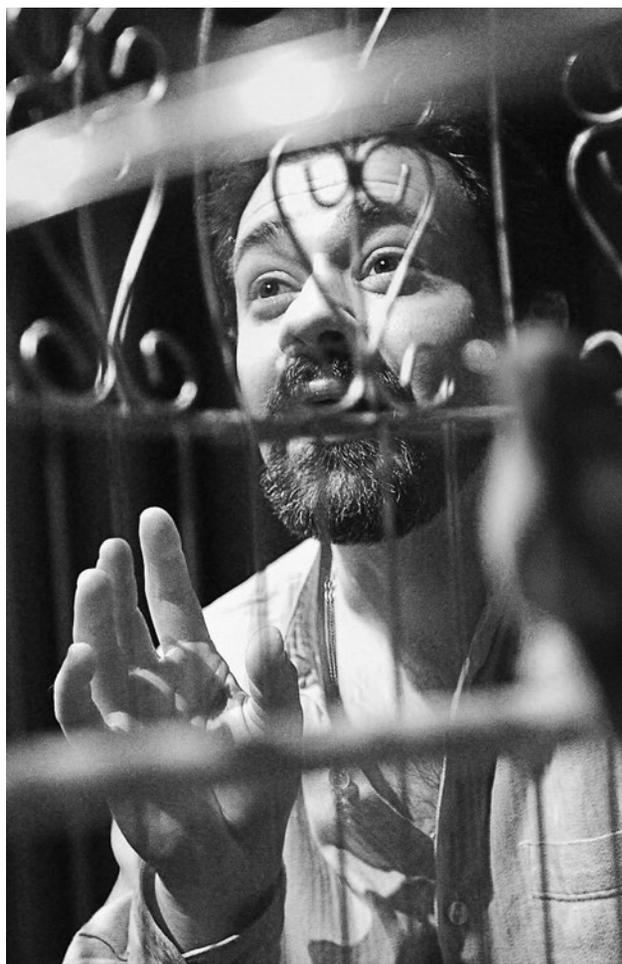
Антонина Николаевна Пирожкова с правнуком Николаем. Витон, штат Мэриленд, 2001

нет и быть не может. В числе материалов, которые содержались в этих папках, были подготовленная к печати книга «Новые рассказы», дневники, письма и записные книжки, переводы рассказов Шолом-Алейхема, повесть «Коля Топуз», практически законченная новая пьеса, черновики многих произведений, в том числе и черновики романа о чекистах (Бабель работал над ним в середине 20-х годов), многое другое. По подсчетам некоторых специалистов, найдись эти рукописи, полное собрание сочинений Бабеля заполнило бы несколько томов. В настоящее же время наследие писателя при желании можно уместить в один толстый том. Конечно, бабушка при публикациях старалась не включать в сборники «Избранного» некоторые незаконченные или ранние произведения Бабеля, которые, на ее взгляд, не соответствовали высокой требовательности писателя к себе. Вероятно, существуют еще сценарии, или инсценировки рассказов, которые до сих пор не издавались. Но они мало что могут прибавить к творческому портрету Бабеля. Необходимо создать фонд Бабеля, в который вошли бы влиятельные писатели, художники, музыканты, политики. Благодаря инициативе этих людей, быть может, удастся разыскать и вернуть читателям конфискованные рукописи Бабеля. Речь идет не только о русском читателе — Бабель сегодня переведен на множество иностранных языков.

— Сложно себе представить, каким образом произведения этого уникального писателя можно перевести на другие языки. При переводе, как мне кажется, Бабель много потеряет. Есть ли удачные переводы? Бабель известен американцам?

— Безусловно, такого неординарного писателя, как Бабель, переводить трудно. И все же я назову три качества, присущие рассказам Бабеля, которые делают адекватный перевод его произведений возможным. Во-первых, даже не очень художественный, но просто аккуратный перевод Бабеля всегда доносит общечеловеческое содержание его произведений. Ведь Бабель писал о жизни и смерти, о любви, о страсти — темы эти понятны и без перевода. Во-вторых, в любом языке можно отыскать колоритные оттенки, иногда порожденные проживающими в стране национальными меньшинствами, иногда связанные с диалектами основного языка. С помощью этих оттенков можно добиться более адекватного перевода Бабеля. Утверждал же Набоков, что Гоголя когда-нибудь по-настоящему переведет на английский язык писатель-ирландец. И наконец, тот факт, что Бабель в совершенстве знал восемь иностранных языков, тоже помогает переводчику. Ведь языки эти подспудно присутствуют в бабелевском письме. Например, прошлым летом

Андрей Малаев-Бабель в спектакле по рассказам Бабеля (рассказ «Ди Грассо»). Вашингтон, США

я разговаривал с парижской переводчицей Софи Бенеш, которая недавно перевела на французский собрание сочинений Бабеля. Когда я спросил ее, трудно ли переводить Бабеля, она ответила: «Очень просто. У него построение фразы — французское».

Бабеля часто переиздают в Америке, как и во всем мире. У него свой умный и верный читатель — т. е. точно такой читатель, которому и адресовал свои произведения Бабель. Он ведь никогда не стремился к тому, чтобы нравиться всем, быть популярным у «широких кругов читателей». Вероятно, это его качество позволило ему выдержать испытание временем.

— Вы известный театральный режиссер, работали в России, в Америке, преподаете актерское мастерство и ставите спектакли в театральной школе «Асоло» при Университете штата Флорида. Вы пробовали ставить на сцене произведения деда?

— К произведениям деда я пришел сравнительно недавно, в 2004 году, в год столетия Бабеля. Тогда я впервые вышел на сцену моего театра в Ва-

Андрей Малаев-Бабель берет интервью для фильма о Бабеле у Марины Влади. Париж, 2011

шингтоне в моноспектакле по шести его рассказам. Спектакль этот, в несколько сокращенном виде, я сыграл уже более пятидесяти раз. Давно интересует меня пьеса Бабеля «Мария». Прошлым летом, в ходе съемок американского документального фильма о Бабеле, я с парижскими актерами и филологами провел двухдневный мастер-класс, посвященный этой пьесе. Работая с актерами над текстом пьесы импровизационным методом, я кое-что для себя уяснил. Многие открыла мне работа над текстом письма главной героини, Марии, с замечательной французской актрисой Мариной Влади.

— *Какие российские авторы популярны у американского театрального зрителя?*

— Прежде всего Чехов. Инсценируются время от времени романы Толстого, Достоевского и Тургенева. Я ставил инсценировки этих авторов в моем театре в Вашингтоне. Кроме того, я ставил спектакли по киносценарию Евгения Шварца «Дон Кихот» и по пьесе Булгакова «Мертвые души». В последнее время американские театры заинтересовались новой русской драмой — т. е. такими драматургами, как Василий Сигарев и Олег Богаев. Вышедшая из Екатеринбурга плеяда российских драматургов известна и в Европе.

— *Насколько разнится интеллектуальная среда в России и в Америке, есть что-то общее?*

— Интеллектуальная среда в Америке сыта и благополучна. В Америке даже диссидентство «воспитанное» — с годами к людям приходит некоторое успокоение, они более или менее хорошо устраиваются. Одним словом, в американской интеллектуальной среде нет русского надрыва.

— *Следите ли Вы за литературным процессом в России, читаете ли толстые литературные журналы? Каких авторов могли бы отметить?*

— Я не могу назвать себя человеком сведущим в этом вопросе. В последнее время я сотрудничаю с журналом «Октябрь», и этим, пожалуй, ограничивается мое знание толстых литературных журналов. Летом прошлого года журнал «Октябрь» во главе с главным редактором Ириной Николаевной Барметовой принял участие в организации в Одессе Первого международного литературного фестиваля. Неофициально этот фестиваль был посвящен Бабелю; он сыграл, на мой взгляд, свою роль в том, что в сентябре 2011 года в Одессе открыли памятник моему деду работы московского скульптора Георгия Франгуляна. На фестивале я встретился с группой российских писателей, которых я, конечно же, знал и ранее — именно потому, что они, в свою очередь, интересовались творчеством моего деда. Среди них — Вячеслав Пьецух, Асар Эппель (к сожалению, недавно ушедший из жизни) и Дмитрий Быков. К группе писателей, интересующихся Бабелем, можно отнести и еще двоих московских писателей — Михаила Веллера и Михаила Левитина. На фестивале и на открытии памятника Бабелю в Одессе присутствовал писатель Михаил Жванецкий. Он президент Всемирного клуба одесситов, по инициативе которого были устроены конкурс и всенародный сбор средств на памятник Бабелю. Насыщенная, тугая мысль миниатюр Жванецкого в чем-то родственна бабелевскому творчеству. Большое уважение я испытываю к личности поэта Евгения Евтушенко, с которым мне тоже посчастливилось недавно пообщаться в связи со съемками фильма о Бабеле.

— *Вы автор книг о Вахтангове и, можно сказать, пропагандист его идей, как сказали бы раньше, на Западе. Русская театральная школа сильно отличается от американской? Следите ли Вы за тем, какими путями развивается и развивается ли вообще российский театр? Какие постановки Вам наиболее запомнились?*

— Процесс перевода наследия Евгения Вахтангова и написания первой монографии о Вахтангове на английском языке изменил мои взгляды на творчество Евгения Багратионовича. Я пришел к выводу, что тот Вахтангов, которого нам преподавали в театральном институте при Театре им. Вахтангова, ничего общего не имеет с истинной личностью этого режиссера, педагога и актера. Примерно такой же переворот произошел во мне и по отношению к творчеству Михаила Александровича Чехова, пропагандистом наследия которого я тоже являюсь на Западе. Я думаю, что Россия еще до конца не осознала свою собственную театральную школу и ее возможности. Не используются секреты Мочалова, Ермоловой, Мамонта Дальского и других великих

российских трагиков. Дело в том, что Станиславский в этом отношении только поманил в область вдохновенного актерского творчества, вовсе не сказав при этом своего последнего слова. Ну а мы решили, что Константин Сергеевич открыл для нас все секреты, и на этом успокоились. Такая картина просматривается и в американском театре, который находился и находится под серьезным влиянием системы Станиславского. Любимейшие театральные художники, имеющие высокие идеалы, должны признать, что в чистом виде приемы Станиславского, так называемая система, приносят неудовлетворительные результаты. Вот почему и в Америке, и в России пришли сегодня к убеждению, что, поработав на первом курсе по Станиславскому (т. е. как бы по школе переживания), дальше нужно все-таки «показывать», «представлять». Так и говорят сегодня ведущие российские режиссеры и педагоги (а с ними и их американские коллеги): «Надо, конечно, переживать, но при этом надо еще немножко показывать, чтобы доходило до зрителя». Так они смешивают идеалы Константина Сергеевича с приемами школы типа «Комеди Франсэз» — школы, в корне несовместимой с самой природой идеалов Станиславского. Это происходит сегодня, как я уже заметил, и в американских театральных школах (а следовательно, и в театрах), и в российских, включая и МХАТ. Но дело в том, что области актерского творчества, не разработанные Станиславским, разработал его соратник Николай Васильевич Демидов. Имя этого человека до сих пор мало известно даже в российских театральных кругах. Между тем наследие Демидова несет в себе ответы на все не выясненные до сих пор вопросы внутренней техники актера — на те самые вопросы, которые в первую очередь должны были бы занимать русский театр. Ведь театр этот испокон веков был театром переживания. Тем более что творческое наследие Николая Демидова на сегодняшний день полностью опубликовано; его издание осуществила Санкт-Петербургская театральная библиотека совместно с издательствами «Нестор-История», «Гиперион» и «Балтийские сезоны» в период между 2004 и 2010 годами. Только освоив Демидова, американская и российская театральные школы смогут по-настоящему приняться за Вахтангова, Михаила Чехова, Гротовского, Тадаши Сузуки и всех других мастеров, которые оказывают на них сегодня влияние.

— В последнее время появилось немало художественных фильмов по мотивам одесских рассказов Бабеля. Насколько они, на Ваш взгляд, удачны?

— У меня редко хватает сил на то, чтобы досмотреть эти фильмы до конца. Дело в том, что актеры и режиссеры в этих фильмах уходят в еврейский, одесский колорит и соответствующую им речевую и физическую характерность. В этой характерности они и теряются, а вместе с ними и Бабель. Дело в том, что Бабель — писатель трагического темперамента, его произведения насыщены общечеловеческими вопросами и шекспировскими страстями. Местечковость в любой форме Бабелю резко противопоказана. Как видите, мой взгляд на Бабеля отличается от взглядов других его интерпретаторов. Конечно, играя Бабеля, я тоже совершаю какие-то ошибки, но по крайней мере стараюсь не устраивать на сцене эдакую эстрадно-концертную Одессу.

— Каковы Ваши творческие планы?

— Планов множество — это и документальное кино, и постановки классики, и выпуск новых книг о театре и не о театре. На все это нужны силы, да и времени не хватает. С возрастом меня все больше интересует человеческий облик Бабеля. Мне хотелось бы когда-нибудь сыграть деда в кино — о его жизни и о жизни моей бабушки, Антонины Николаевны, можно снять удивительный фильм. Если я действительно похож на деда, в чем меня продолжают убеждать люди, начиная с Леонида Осиповича Утесова, то, может, что-нибудь и получится. Мне посчастливилось общаться с интереснейшими людьми старшего поколения, моими учителями и товарищами. Среди них были писатель-историк Георгий Петрович Шторм, режиссер Вахтанговского театра Александра Исааковна Ремизова. Много из творческого наследия этих незаурядных личностей до сих пор не издано. Мне порой кажется, что кроме меня сделать это некому. Совершенно забыта сегодня выдающаяся актриса Вахтанговского театра Лариса Алексеевна Пашкова. Незадолго до смерти Лариса Алексеевна попросила меня написать для нее цикл стихов о театре, о загадочной судьбе актера, счастливой и трагичной. Это своеобразные монологи актрисы. Монологи эти я положил на музыку, и Лариса Алексеевна начала эти песни со мной репетировать. Мне было тогда девятнадцать лет, ей шестьдесят шесть. Вскоре Ларисы Алексеевны не стало, и задуманная ей концертная программа осталась не осуществленной. В память об этой выдающейся актрисе мне хотелось бы когда-нибудь опубликовать мои юношеские стихи. С годами мне кажется, что у меня накапливается все больше и больше долгов, которые необходимо отдавать.

От редакции

«Юность» открывает новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что сейчас идут споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только затем, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Особенно на такой огромной планете и за столько великих или не очень веков. Но эту сотню книг почитать стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей. И еще — чтобы уважать себя. Учитывая, что время сейчас движется назад. Да и планета сжимается. А мы зачастую идем и против времени, и против планеты. И нас не хватает даже на 100 книг. А бывает, и на одну.

Возможно, не совсем правильно начинать с далекой Бразилии, в которой большинство из нас даже не побывает. Возможно, правильнее начать с наших, русских писателей. Но все проще... Самому известному писателю этой далекой солнечной страны в августе исполнилось ни много ни мало 100 лет. Жоржи Амаду. Сто лет одному из ста... Впрочем, в сегодняшнюю эпоху «железного занавеса», которая завоевала весь мир; в эпоху, когда избыток информации порождает духовную безграмотность и душевную бедность; в эпоху, когда земной шар сузился до рамок пяти, ну, пусть десяти стран, которые мы можем указать на карте; в эпоху, разделившуюся на страдания и безразличия к этим страданиям, — почему бы не начать познавать мир с солнечной и не

очень, загадочной и не очень, далекой, хотя сегодня уже и не очень, страны. Почему бы не начать изучать мир с Жоржи Амаду... Не просто писателя, но и общественно-политического деятеля. Его книги были переведены на сорок девять языков мира, он награжден шестнадцатью интернациональными литературными премиями и восемнадцатью бразильскими. Друг СССР. И недруг постперестроечной России. Которую он так и не сумел простить. Или не успел...

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

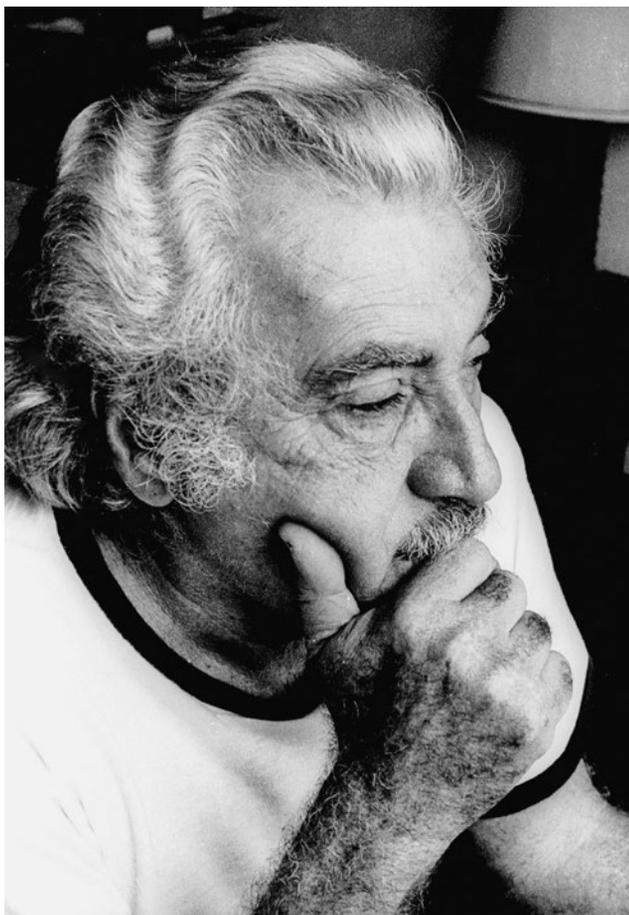
Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008–2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

ЖОРЖИ АМАДУ: МЕЧТЫ ИЗ ПЕСКА

Судьба писателя отобразила в себе судьбу противоречивого, бурного, жаркого XX века. Судьбу не только Бразилии, но и всего мира. Жоржи Амаду стал типичным представителем своего поколения.

Бунтующего, непокоренного, бесстрашного. Представителем времени, когда самые лучшие и талантливые люди, не раздумывая, вступали в компартию. Чтобы изменить мир к лучшему. Когда, не раздумыв-

Жоржи Амаду

вая, сражались с бесправными режимами. Чтобы сохранить мир. Когда подвергались многократным арестам, пыткам, изгнанию из родной страны. Чтобы вернуться и победить. Среди них был Амаду. Он видел, как полыхают в огне его книги на площади в Сальвадоре. В огне обыкновенного фашизма. С которым он обыкновенно боролся. Штыком и пером.

Жоржи Амаду (Жоржи Леал Амаду ди Фария) написал около тридцати романов. Но одним из наиболее известных стал его ранний — «Капитаны песка», который он написал в двадцать пять лет, ровно семьдесят пять лет назад (и по которому американский режиссер Холл Бартлетт снял фильм «Генералы песчаных карьеров», ставший культовым в СССР). Это — не магический реализм, это — не солнечный реализм Амаду. Это — реальность Бразилии. И не только. Для Союза он казался чем-то нереальным. Ведь с беспризорностью мы покончи-

ли раз и навсегда. Как нам тогда казалось... Не предполагая, что за считанные годы она вернется к нам с удвоенной и более беспощадной силой. В эпоху желанной свободы. Только какая страна желает подобной свободы для своих детей? Когда их мечты, как песок, сочатся сквозь пальцы.

Это роман о юности и детстве. Куда для многих вход закрыт. А без детства и юности нет и Родины. И далеко не каждый назовет это время прекрасной порой. В классовом обществе детство и юность тоже поделены на классы. Ад и рай. Для одних, сытых и разбалованных, на улице — праздник. Другие, голодные и ненужные, наблюдают за улицей из песчаных карьеров, подворотен, подвалов. А эта улица слишком шумна, весела, пестра. В мороженом и шариках. В каруселях и аттракционах. В особняках и дорогих лимузинах. Но это чужой праздник. И эта улица может толкнуть на разбой и убийство, на смерть под пулями и самоубийство. И, конечно, на революцию. И войну.

Сила художественного произведения заключается в вечности темы. Причем для всех стран. «Благодарительностью эту проблему не решить... Капитаны песка по-прежнему существуют. Одни вырастают, на их место приходят другие, их с каждым годом все больше и больше...» Сегодня как никогда этот роман интернационален и актуален. К сожалению. А вечность темы, возможно, неизбежна. Похоже, это понял Жоржи Амаду в 90-е. Когда вместе с СССР вдребезги разбилась его мечта о том, что там, в далекой стране, где снега и метели, есть приют и для его загорелых ребят, где все мечты сбываются. Где свобода — это не помойки, разбой и нищета. А равенство и право. Право на детство и юность в том числе.

Еще в 30-х годах, когда дипломатические связи с Бразилией не были установлены, мы открыли Амаду для мира, позднее наградив премиями. В 90-е мы его для мира закрыли, отметив лишь бранью в прессе. Сегодня пришло время вновь его открывать. Чтобы праздник был и на нашей улице. В том числе — на улице детства. Чтобы исправить ошибки. Чтобы Амаду сумел нас простить. Правда, уже после смерти... Как и еще 99 писателей.

Сергей БЕЛОРУСЕЦ

Сергей Белорусец родился в 1959 году в Москве. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСИТ). Печатался в «Новом мире», «Октябре», «Дружбе народов», «Арионе», «Литературной газете» и многих других изданиях.

Автор книги лирических стихотворений «Магический квадрат» (2007) и около десятка детских книжек, среди которых «Игростов» (2003, 2005), «Веселая аРИФМетика» (2005) и «Парикмахеры травы» (2011).

Лауреат национального конкурса «Книга года» в номинации «Вместе с книгой мы растем» (2011). Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии «Венец» Союза писателей Москвы (2008), премии имени Самуила Маршака (2011), премии журнала «Кольцо А» (2000).

Обладатель почетной грамоты и памятной медали Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей и юношества «Алые паруса» (2006).

Председатель оргкомитета фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского. Президент Фонда поддержки творчества разножанровых детских авторов «РАДА».

Член Русского ПЕН-центра и Союза писателей Москвы.

Эксперт по проблемам детства Общественной палаты РФ.

Рисунок Елизаветы Горяченковой

ЗАПИСКИ ДОШКОЛЬНИКА

ПОВЕСТВОВАНИЕ В СЮЖЕТАХ, С ХЭППИЛОГОМ...

– Сережа! Сейчас же вынь изо рта карандаш!

– Это не карандаш, это молоток!..

1. Серж де Валера

Меня тогда еще не было.

Вернее, уже был, но еще не родился.

А мои будущие Папа с Мамой гуляли по Москве.

Разговаривая.

Мама и Папа были тогда студентами разных институтов.

Познакомились же мои грядущие родители несколько раньше.

Когда мужская и женская школы (в лице своих взрослеющих питомцев) стали искать легальные

пути сближения, приведшие в итоге к организации совместных тематических вечеров...

Познакомились, когда оба учились в девятом классе.

Хотя жили на одной улице, в домах напротив, каждый со своих пяти лет.

В общем, гуляли мои будущие Папа с Мамой по городу-герою, которому это звание присвоили намного позже, и разговаривали.

И зашла у них речь о том, как назовут они своего ребенка.

Когда тот явится на свет.

Зашла, чтобы моментально завести в тупик.

Обоих.

Ибо ни одна из двух сторон, оказывается, об этом не задумывалась.

Впрочем, выход из тупика нашелся почти сразу.

Папа огляделся — и увидел на ближайшем рекламном щите (или тумбе) веселенькую афишу, на которой значилось:

Гастроли французской эстрады. Серж де Валера.

— Вот, — сказал Папа, — и ответ на вопрос о том, как мы назовем ребенка.

Если родится мальчик — он будет зваться Серж.

Ну а если девочка — то Валера.

Валера.

В смысле, Валерия...

И родительская прогулка продолжилась под знаком объединившего Папу с Мамой марксизма-ленинизма: ведь одну сторону звали Марк, а другую Лена...

Через несколько месяцев — московским вторничным утром, отметившим дюжину суток со дня триумфальной кубинской революции, совершенной молодыми барбудос, в канун старого Нового года родился я.

Папа в это время находился в военном лагере, на сборах.

От своего мирного института.

Получая чин младшего лейтенанта советской армии.

Исключительно для того, чтобы впоследствии не иметь с несокрушимой и легендарной никаких пересечений.

В город Козельск, где базировался военный лагерь (правильнее сказать — лагерь), отправилась поздравительная телеграмма из Москвы, информирующая Папу о моем рождении, а заодно дающая ему драгоценную возможность быть откомандированным сроком на три дня в распоряжение предсказуемо разросшейся семейной ячейки.

Мне было две недели, когда здорово уставший от холода и дороги Папа приехал на свою короткую побывку.

Войдя в квартиру, Папа первым делом собирался увидеть Маму и меня.

Но не увидел.

Потому что Мама меня в это время купала — и дверь в ванную была закрыта.

Папа намеревался пройти в ванную.

Но Бабушка не пустила, мотивируя отказ антисанитарностью тех условий, в которых Папа вынужденно и продолжительно пребывал.

Что автоматически повышало риск инфекционного заражения всяческого рода вредными бактериями,

особенно опасными для здоровья младенца и его кормящей матери.

Требовалось вредные бактерии с себя смыть.

Но ванна — правильно! — была занята.

Ибо в ней кормящая мать купала двухнедельного младенца...

— Угу! — сказал серьезно вымотанный Папа, присел на кухонную табуретку — и сразу крепко уснул.

Здесь же, в спящем виде, его и обнаружила Мама.

Наконец-то вышедшая из ванной с завернутым в махровую розовую простыню мной.

Обнаружила — и смертельно обиделась, что Папа, приехавший навестить жену и ребенка, вместо этого спит в кухне на табуретке.

Папа был разбужен, пристыжен и отправлен в ванную.

Когда он оттуда выбрался — состоялось примирение, по итогам которого Папа взглянул на меня и поинтересовался у Мамы:

— Ну и как мы его назовем?

— Уже назвала. Как ты хотел.

— Я? А как я хотел? — аккуратно спросил Папа.

— Если мальчик, то Серж! — сказала Мама.

И добавила, обращаясь к сопящему мне.

Словно за поддержкой:

— Да, Сережик?!

2. Прогулки по крыше

— Люди добрые, смотрите, что делается! — ревя во всю глотку, я цеплялся за кожаные сиденья, хватался за металлические поручни поверх их спинок и яростно рвался продолжить свое пребывание в салоне двадцатого троллейбуса, подъезжавшего к остановке

— Ребенка в сад ведут! — истошно орал я, вызывая смешанные чувства у пассажиров и откровенный ужас у Дяди, которому впервые — по дороге в институт — было поручено отвести (а точнее, отвезти) меня в детский сад.

Детский сад, куда меня отдали, когда мне исполнилось три, находился от нашего дома далеко, на Садовом кольце, между станциями метро «Маяковская» и «Краснопресненская».

Зато он располагался довольно близко к Дедушкиной работе.

Поэтому чаще всего в детский сад я отправлялся на персональной машине, полагающейся Дедушке как Большому Начальнику.

Сначала Дедушка забрасывал в сад меня, а потом уже ехал на работу.

Или — наоборот — если Дедушке на работе требовалось быть пораньше, он сначала держал путь туда, а уже следом сменный водитель (Коля Муко-

молов, которого я считал Мухоморовым, или Борис Гаврилыч, впоследствии оказавшийся Борисом Григорьевичем) завозил меня в сад.

Но иногда Дедушке с утра нужно было куда-то в другое место — и кто-нибудь из Старших Родственников вез меня в детсад на троллейбусе.

Обычно — Бабушка, трудящаяся у себя на работе посменно.

Такая служебная деятельность подразумевала и суточные дежурства, и полусуточные, при этом давая некоторые возможности для использования во благо семьи свободное от себя время...

Однако все хозяйственные семейные ниши Бабушка закрыть не могла.

При всем желании и крепчайшей крестьянской закваске...

Собственно, из-за этого и возник в моей жизни такой социальный институт, как детский сад.

В который ходить (и ездить) я категорически не желал.

Тем более что меня укачивало.

И в Дедушкиной персональной машине, и в общественном троллейбусе.

В любом городском наземном транспорте, включая трамвай.

А в электропоезде метро (да и в обычной пригородной электричке) ездить я любил.

Но добираться от нашего дома до детсада посредством метрополитена всяя Москвы было бы крайне утомительно.

Не говоря уже о пригородной электричке, вариант с которой не проходил даже теоретически...

Впрочем, оставлять меня дома все равно было не с кем.

Мой первый детский сад запомнился мне смутно: несколько имен и фамилий.

Общая спальня, где моя кровать стояла рядом с постелью черноволосой красавицы Светы Дроздовой.

Света, тронувшая мое сердце сразу, видимо, подспудно заставила меня запомнить не только ее имя и фамилию, но и то, что регулярно мы обменивались неофициальными визитами.

Чаще в девическую Светину кроватку перебирался я — и мы лежали, взявшись за руки.

Молча.

На протяжении всего тихого часа, словно подчиняясь магии этого странного названия...

Года через два с половиной случилась у меня и другая постельная сцена.

Эпизодическая и однократная.

Мне доставили мою троюродную сестру, одеситку Ларису.

Из Москвы да в Подмосковье — прямо на (государственную Дедушкину) дачу.

Нас познакомили — и мы тут же схватились за руки и не захотели расцепляться.

Даже когда подоспело время сна.

Не дневного — ночного...

Нас пытались разлепить взрослые.

Словесно.

Но мы держались.

Держались за руки — и добились того, что нас положили вместе — на две примыкающие вплотную одна к другой казенные кровати с панцирными сетками.

На веранде второго этажа.

Так мы и уснули — взявшись за руки.

А когда я проснулся — рядом никого не было.

Это Старшие Родственники постарались, чтобы сладкий детский разнополюсый сон сложился максимально гигиенично...

У Светы Дроздовой папа был военный капитан, пограничник.

Он забирал Свету из детского сада, приходя за ней в форме.

Майской весной, незадолго до того, как детсад переехал на дачу, в Черную Грязь, его дирекция устроила добровольно-принудительный родительский воскресник по благоустройству дачной детсадовской территории.

Мама и Папа захватили меня с собой.

Капитан Дроздов, которого я не узнал по причине его ковбойки и техасов, тоже принял участие в воскреснике и тоже захватил с собой ребенка.

И жену.

Другие немногочисленные родители прибыли налегке, без чад, чем весьма порадовали меня и Свету, надеющихся весь долгий выходной день провести наедине.

Отдыхая на фоне вкалывающих предков.

Однако родители рассудили иначе — и опять захватили нас с собой.

На этот раз — в близлежащий лес, на родник.

А по дороге Папа с одетым в штатское капитаном Дроздовым обнаружили бомбу.

Настоящую неразорвавшуюся фашистскую бомбу.

Или мину.

И ничего лучшего капитан погранвойск и младший лейтенант запаса не придумали, как тоже захватить эту бомбу (или мину) с собой.

Чтобы, чуть погодя, взорвать ее, проклятую, вдалеке от людей в каком-нибудь открытом поле.

Лишь бы никто не подрывался, наткнувшись в лесу на это лежачее безобразие...

Бомбу (мину) укутали в Папину коричневую куртку от старого лыжного костюма, в котором он шеголял на воскреснике, и понесли взрывать.

Бомба (мина) весила немало, посему ее несли по очереди: то капитан Дроздов, то Папа.

Шествие, продлившееся несколько часов (открытого поля вблизи не наблюдалось) замыкали перепуганные жены и счастливые дети...

Безлюдное поле — в конце концов — все-таки обнаружилось, предоставив капитану Дроздову и Папе привести задуманное в действие.

Женам несколько расслабиться, а нам со Светой традиционно взяться за руки...

Через месяц детский сад переехал на дачу.

В Черную Грязь.

Вместе со мной, но почему-то в отсутствие Светы. Да и я на детсадовской даче не задержался.

Пару недель спустя приехавшая в будни на Дедушкиной машине проведать меня Бабушка меня же и забрала домой.

Не прошло и получаса с момента приезда.

Настолько моя антисанитарность бросилась ей в глаза.

Черная Грязь — одним словом.

Точнее, двумя...

Из-за того, что Дедушкина работа находилась в непосредственной близости от детского сада (а может, и вне связи с этим), посещения Дедушкиной работы, куда я попадал вроде бы и не так часто, воспринимались мной скорее как нечто повседневное, чем что-то праздничное.

Хотя бывал я там с удовольствием, перманентно купаясь в благожелательности, которую расточали мне и Дедушке все встречные-поперечные.

Начиная нежно улыбающимися девушками-милиционершами, поставленными в дверях проверять пропуска.

У всех.

Кроме Дедушки.

А шестиэтажное длинное здание, состоящее из двух разностильных половинок, представлялось мне громадиной.

И чтобы не потеряться в ней, я придерживал Дедушку за полу его пиджака.

Дедушка же все время норовил убежать вперед, не боясь сбиться с пути и потерять ориентировку в пространстве...

Как правило, Дедушка вел меня в свой кабинет, где выдавал пачку белой бумаги и массивные карандаши (для разноцветных начальственных резолюций?), которыми я с упоением рисовал.

Пока Дедушка решал какие-то дела с подчиненными или разговаривал по телефону.

Тем временем Дедушкина секретарша приносила из буфета чай и бутерброды.

Чтобы мы с Дедушкой могли перекусить...

Водил меня Дедушка и в разные редакции, и во всякие аппаратные.

В одной из них по Дедушкиной просьбе я даже прочитал наизусть нравоучительный стишок про Гришу, чьи карманы ломились от уймы ненужных вещей, но в которых не было «пустяка — носового платка!..».

Звук «р», произносимый мной с дефектом, обозначенным в логопедическом реестре как боковое «р», в стихах про Гришу повторялся многократно.

Что и приняла на себя магнитная лента, записанная тогда оператором.

Коричневая лента, хранившаяся потом у нас дома, на верхней полке секретера в Большой Комнате.

Без малейшей возможности быть прослушанной.

Ведь магнитофона у нас — как и у большинства соотечественников — не водилось.

А когда он все-таки возник — в качестве части комбайна, преподнесенного к шестидесятилетию Дедушке его подчиненными сослуживцами, магнитная лента уже размагнитилась...

Тема подарков яркой праздничной ленточкой вплеталась в мою дошкольную жизнь.

Они мне полагались на день рождения, Новый год, 1 Мая и 7 Ноября.

В качестве подарка подразумевалась игрушка.

Желательно мягкая.

В виде зверя.

Либо мяч.

Либо что-то из одежды.

Причем я рассчитывал на подарок от каждого Старшего Родственника.

И — небезосновательно.

На день рождения собирались гости.

Разумеется, взрослые.

По линии Бабушки — Баба Маня и Баба Настя.

По линии Дедушки — Дядя Юра, Тетя Тамара, Тетя Фима, Тетя Адя.

И тем и другим я приходился внучатым племянником, но Бабушкины сестры шли как Бабушки, в отличие от Дедушкиных сестры, брата, его жены и ее сестры...

Врезался в память такой несколько нетипичный случай.

За пару недель до 7 Ноября Дедушка пообещал сходить со мной в недавно открывшийся «Дом игрушки».

Но у Дедушки по причине директорской занятости все никак не получалось.

А сроки поджимали.

Тогда он договорился с моей детсадовской медсестрой, что она ходит со мной в магазин — и я выберу подарок сам, по своему вкусу.

Мы вышли из ворот детского сада и пешком — через проходные дворы — довольно быстро добрались до места назначения.

А дальше я столкнулся с серьезными непредвиденными трудностями.

Пресловутая проблема выбора встала передо мной, трех с половиной летним, во весь свой гигантский рост...

Выбрать я имел право лишь одну игрушку.

Мучительно захотелось реветь.

Потому что выбрать было не в состоянии.

Свобода выбора подавляла...

И тогда я решил выбрать не мягкую игрушку, а какую-нибудь другую.

Пожестче.

Чтобы обидно не было...

Чуть поколебавшись между грузовиком (машинки меня интересовали не слишком) и сборно-разборным пирамидальным Московским Кремлем, я остановился на макете державной святыни.

Решающим аргументом посчитав такой: подарок преподносится мне отнюдь не на мой личный праздник.

На государственный, символом коего Кремль и является...

Кстати, о Кремле и подарках.

Съедобных (которые я и за подарки-то не считал...).

По работе Дедушке постоянно приходилось бывать на всевозможных правительственных мероприятиях и партийных съездах.

Оттуда (из Кремля и Кремлевского Дворца съездов) он каждый раз притаскивал мне «Апельсиновые и лимонные дольки» — конфеты в жестяной вертикальной, обклеенной синей бумагой с рисуночками коробочке.

Невесомая коробочка напоминала баночку изпод маринованных огурцов, радуя глаз (и руки) своей круглой легкой зеркальной крышечкой.

Эти конфеты можно было принести лишь откуда — из Кремля.

Вместе с другими, которые назывались «Клюква в сахаре» и тоже обладали изысканным (для не очень избалованного советского дошкольника) вкусом.

Что до выбора подарка самому себе — в аналогичную ситуацию я попал, когда Папа абсолютно неожиданно перед обедом забрал меня из детского сада (не этого, первого, а второго в моей жизни и последнего).

Чтобы повезти в магазин «Детский мир», куда мы порой выбирались с Мамой (там на последнем этаже в продаже имелось теплое мороженое!).

Где бы я мог сам приглядеть нужный мне подарок.

Любой.

Но — опять же — всего один.

И — снова — возникла проблема выбора, когда — после разъедающих душевных терзаний — я выбрал защитного цвета румынский пыльник.

В него был одет белолицый невзрачный манекен, изображавший мальчугана моего возраста.

Плащ этого манекена мне и достался.

Снятый с него продавщицей, на груди которой сиял комсомольский значок.

Выбор в пользу плаща я сделал, повинувшись ощущению, что я уже взрослый, раз мне доверили столь ответственное самостоятельное решение, а стало быть, я просто обязан выбрать вещь стоящую, полезную, целесообразную...

Нечто подобное произойдет со мной, одиннадцатилетним, в пионерлагере «Артек», всесоюзной детской здравнице, когда в канун окончания майско-июньской смены нас, пионеров десятого отряда дружины «Кипарисная», повезут на экскурсию по ЮБК — Южному берегу Крыма.

В курортном городе Ялте пионервожатые предложат нам купить сувениры для дома.

Я и куплю.

Русско-английский словарь.

На семьдесят пять, что ли, тысяч слов.

Габаритный, тяжеленный.

За пять рублей ноль-ноль копеек (англо-русский-то семидесятипятидесятничек мне к тому времени уже успеют подарить Старшие Родственники).

А на покупку ковбойской шляпы денег у меня — увы — не останется...

Однако это будет уже потом, в моем школьном детстве...

Поход в «Детский мир» с Папой ознаменовался для меня и посещением ресторана.

Вроде как метрополитен, да слегка иначе.

«Метрополь».

Где был метродотель...

Папа явно хотел произвести на меня ошеломляющий эффект.

Нетрадиционными действиями.

Впечатлить, разбив изжившие (временно) себя собственные поведенческие стереотипы.

По крайней мере, если иметь в виду его привычные отношения со мной.

И ко мне.

Папа старался выглядеть чрезвычайно положительным, лишенным хулиганских черт.

Особенно в свете назревающего развода с Мамой. Назревающего, но и так и не состоявшегося...

Свобода выбора, предоставленная мне в тот день, касалась и ресторанный выбор.

Официант в клоунской жилетке и с артистической бабочкой на шее принес меню.

Папа кивнул в мою сторону — и меню оказалось у меня в руках, перед еле-еле умеющими читать глазами.

Кеу-рео-пе-атка (куропатка), две бутылки лимонада и черная икра — таким был мой самостоятельный выбор.

Черная икра — это да!

Бутерброды с ней мне делала Бабушка.

Черная была совсем не то, что красная, вкус которой я тоже знал...

Выбором своим я остался доволен — здоровский заказ!

Вместо навязшего на зубах всегдашнего детского обеда!

Никакого первого!

Никакого второго!

Даже никакого компота из свежих сухофруктов!

И — уж точно — никакого питья рыбьего жира перед едой!

Детский сад на Садовом кольце я почти не помню.

Не помню интерьерера, не помню лиц, не помню игр.

Но хорошо помню, что все наши прогулки проходили на крыше.

Соседнего с детским садом дома.

Сначала нас, парами, приводили туда и запускали в подъезд.

По узкой винтовой лестнице, гуськом, воспитательницы вели нас вверх, где на крыше была оборудована детская площадка для гуляния.

— Почему ты не любишь ходить в детский сад? — спрашивали меня дома Старшие Родственники.

— Потому что там заставляют строиться в пары! — отвечал я.

Насильно строиться в пары я не любил.

А вот прогулки по крыше меня привлекали.

Очень-очень!

Вы спросите:

— Чем?

Нет, вы не спросите.

3. Шпион Мартынов

— У него в паспорте написано, что он шпион? — живо поинтересовался я.

— В паспорте такой информации не пишут! — ответил Папа и улыбнулся.

— А как же наши контрразведчики узнали, что он — шпион?

— Такой информации у них пока нет.

— А ты откуда знаешь, что он шпион?

— У меня есть надежный тайный источник информации.

— И что сообщает этот источник?

— Что Мартынов к нам заброшен.

Мы с Папой гуляли вблизи дома, и я сразу же представил заброшенного к нам (в кухню с самолета, на парашюте!) иностранного шпиона Мартынова — мартына — мохнатую обезьянку в клетчатых штанах на ляпочках и с расческой в руке — мою новую заводную игрушку.

— А где шпион Мартынов был раньше?

— Под видом Дона Лимона работал журналистом. В газете «Желтый лист».

Про Дона Лимона — американского журналиста из газеты «Желтый лист» — мы вечерами читали с Папой книжку.

Вернее, папа мне ее читал.

А я слушал, притулившись к нему.

Тоненькая книжка, которая очень нравилась Папе (ну и мне, конечно, тоже), была выпущена издательством «Детский мир».

Кроме «Дона Лимона» Папа мне ничего не читал.

Правда, рассказывал историю про смелого мангуста Рикки-Тикки-Тави и пересказывал мультфильм про циркового слоненка Тимку, которого называл «слон Тишка».

Причем в одно слово — «Слontiшка»...

И декламировал стихи (отчасти собственного сочинения) про некоего утенка времен своего детства:

Вышел прогуляться

Знаменитый Тим.

Реки и озера

Раскинулись пред ним.

Только он собрался

Сигануть в воду,

Как Страшное Чудище:

— Хау ду ю ду!

Или — иначе, преобразая западного утенка в передового деятеля советской науки:

Вышел на прогулку (прогуляться)

Академик Тамм.

Горы и поляны (долины)

Жевали чаингвам...

Далее — по предыдущему тексту.

А еще — показывал картинки — комиксы, живописующие приключения не менее знаменитого Пифа — французской рисованной журнальной собаки.

Когда я проходил приемные испытания перед зачислением в мою будущую английскую школу, от меня потребовали, чтобы я сочинил рассказ по картинке, чего я терпеть не мог.

На картинке был изображен легендарный Пиф. Которого я тоже недолюбливал...

Сочинением рассказа по картинке приемные испытания (иначе — собеседование), проходившие в директорском кабинете, не ограничились.

Молодая напористая женщина в ярком платье спросила у меня, на каком этаже я живу.

— На пятом.

— А я — на девятом. На сколько этажей я выше?

Я сообразил — и через несколько часов нам с Бабушкой сообщили, что я принят.

Она потом станет моей первой учительницей — эта молодая напористая женщина, мастер спорта по плаванию, дочь художника, делавшего иллюстрации для детского юмористического журнала «Веселые картинки», который выписывал Папа якобы для меня...

Учась во втором классе, я окажусь у нее дома, на девятом этаже, где перед входом в квартиру мы столкнемся с ее ближайшим соседом.

Она шумно расцелуется с ним.

С ним — первой скрипкой силантьевского оркестра, карликово малорослым человеком, благодаря грандиозным связям которого меня приняли во второй детский сад...

Видимо, и своим поступлением в среднюю школу с преподаванием ряда предметов на английском языке я был тоже обязан ему.

Тем более что наш дом относился совсем к другому микрорайону...

Написал книжку про «Дона Лимона» Генрих Сапгир — и речь в ней шла о визите в Советский Союз начала шестидесятых годов последнего века прошлого тысячелетия американской неправительственной делегации, куда включили (внедрили?) и Дона Лимона.

Журналисту его руководством было дано задание, сформулированное (примерно) так:

В край советский поезжай
Поглядеть на урожай.

В деталях же сдобренное зарифмованными нежными напутствиями и зловещими угрозами руко-

водства задание для Дона Лимона выглядело даже несколько пародийно.

Хотя весьма конкретно:

Провожал его Шеф, Грейпфрут:

— Поезжай, гуд бай, мой друг!

Жду статьи о сорняках,

О колючках и песках.

А о прочем ни полслова.

Кожуру сдери с живого!..

Американская делегация прилетела в Союз Советских Социалистических Республик, чтобы ментально отправиться на экскурсию по бескрайним колхозным полям:

Вот в машине серебристой —

Иностранцы. Интуристы:

Дон Лимон, Джон Маис,

Ананас и юный Рис.

За рулем сидит шофер —

Наш колхозный Помидор.

А вот перед глазами американцев расстилаются и сами поля времен правления Никиты Сергеевича Хрущева на фоне чуть рассосавшегося закордонного Карибского кризиса.

Сплошная кукурузная культура.

То-то Джон Маис выглядит столь обрадованным:

— Здравствуй, штат родной Айова!

Говорят ему: «Здорово!»

Здоровенные ребятки —

Кукурузные початки:

— Только это не Айова.

Это курские поля.

Это русская земля!

Хрущевская агитка для детей, талантливо отработанная помаленьку входящим в опалу Сапгиром, нам с Папой ужасно нравилась.

Мне — вдобавок — потому, что Генрих Сапгир (вместе с Геннадием Цыферовым) являлся автором сценария мультфильма «Паровозик из Ромашково», а подмосковное местечко с этим цветочным названием находилось всего в нескольких остановках от платформы «Беговая», откуда Папа с Мамой иногда ездили кататься на лыжах.

Как раз в Ромашково.

Или в Рабочий поселок.

Без меня (я на лыжах катался в скверике, рядом с домом, и, естественно, под присмотром сменного Старшего Родственника).

Кстати, однажды зимой под конец прогулки, когда лыжи уже находились в руках у Старшего Родственника, я решил (с его позволения) забраться на чугунную скульптуру черной лошади, установленную недавней осенью посредине заметенной сейчас снегом клумбы.

Лошадь поставили (видимо, с символической целью) аккуратно напротив здания ипподрома, где на башне со шпилем издавна хозяйничали бронзовые (или — какие там?) фигуры скульптурных скакунов.

На скверной (в смысле — хорошей, но приписанной к скверу) лошади удобно примостился голый черный чугунный мальчик.

Мальчик внесезонно купал черного коня в летней речке и немного мешал мне удобно сидеть на спине одной с ним лошади.

Наконец я устроился максимально удобно — и в знак признательности жизни за такое радужное развитие событий, за такую хорошую лошадь, вдруг долговременно возникшую — буквально — в двух шагах от нашего дома, да и вообще — от переизбытка чувств — лизнул языком то ли гриву, то ли морду четвероногой.

На морозе (пусть даже легком) язык мой накрепко прилип к одушевленному мной предмету.

И отлипать явно не хотел.

Вернее, не мог.

Хоть — через боль, пронзившую всего меня и сопровождаемую моим яростным ревом — я пытался его отлепить.

Было очень страшно, что язык никогда не отлепится.

Но он — все-таки — отлепился...

Дон Лимон занимал меня настолько, что я многожды (впрочем, однозначно безуспешно) пытался рисовать портреты продажного журналиста, а Папу частенько заставлял делать Дона Лимона.

Почему-то не из лимона.

Из апельсина.

С помощью перочинного ножика Папе каким-то чудесным образом удавалось освободить апельсин от его съедобных внутренностей (они употреблялись нами в пищу), а оставшуюся кожуру, сохранив форму фрукта, вырезав на ней глаза, нос и рот, превратить в объемного стихотворного персонажа.

Чтобы — завершающим штрихом — вставить ему в рот спичку.

Вместо положенной (согласно книжной картинке) сигары.

Если честно, наши с Папой Доны Лимоны (их было изготовлено в общей сложности с десяток) больше смахивали на их лукаво-сурового Шефа — Грейпфрута.

Самый настоящий гибрид получался...

— Сначала под видом Дона Лимона он работал журналистом в газете «Желтый лист», — повторил Папа, — после чего шпион Мартынов на некоторое время ушел в подполье.

Про подполье я знал наизусть стишок Маршака — начало его знаменитой «Азбуки», состоящей из двустий:

Аист жил у нас на крыше.

А в подполье жили мыши.

Старшие Родственники объяснили мне, что такое подполье, и я, творчески переработав стихи Маршака (а заодно — превратив их в прозу), предложил миру нижеследующую версию, отчасти принадлежащую перу (еще не умеющего к тому времени писать) городского дошкольника, живущего на пятом этаже шестиэтажного дома:

Аист жил у нас на крыше,

А в подполье жили Кузякины.

Кузякины — это была фамилия наших соседей снизу.

— А потом? — спросил я, в буквальном смысле сидящий на Папиной шее и с аппетитом уплетающий яйцо вкрутую, только что им купленное (вместе с кружкой разливного пива) в хлипкой типовой будочке «Голубой Дунай», которая примостилась между забором нашего дома и входом на ипподром.

— Шпион Мартынов был заброшен к нам под видом заводного игрушечного мартына.

— Чтобы что?

— Чтобы, не привлекая к себе внимания, собирать важные агентурные сведения.

— А как же он их собирает — он же все время сидит дома?

— Ночью, когда в квартире все ложатся спать, он сам себя заводит ключом, открывает форточку и выпархивает через нее....

Про форточку — чистейшая правда.

Она только снизу маленькой кажется...

Однажды — опять же — зимой — случай был.

Проснулся я ночью.

А заснуть снова никак не выходит.

Мешает что-то.

Да так сильно мешает это что-то, что просто невмоготу...

Разревелся я в итоге по-настоящему — Маму с Папой разбудил.

Подбегает ко мне Мама, что, мол, с ребенком происходит?

И тут я понял, что.

— Неудебная подушка! Жаркая!

— Переверни ее на другую сторону, — говорит Мама.

— Я уже переворачивал, — реву я, — все равно неудобная, горячая!

— Ладно, — говорит подскочивший к моей кроватке Папа, — давай подушку сюда.

Дал я ему подушку, а Папа форточку открыл — и туда подушку высунул.

И обеими руками держит, чтобы она во двор не выпала.

Подержал ее пару минут на морозе — и мне протягивает обратно — холодную, для сна удобную...

— Чтоб собрать важные агентурные данные, в смысле — сведения, — нудновато уточнил Папа.

И чуть погодя с радостным облегчением добавил:

— Или днем, когда мы на работе, а ты в детском саду, шпион Мартынов поступает тем же макаром...

Макаром звали бульдога из третьего подъезда.

«Ага! — подумал я. — Значит, шпион Мартынов, когда его никто не видит, еще и лает».

Хитер, матер и опасен этот Мартынов.

А с виду такой симпатичный, мохнатый.

Сам расческой себя причесывает.

Если его ключом завести...

4. Мужчина № 8

Меня, четырехлетнего, сфотографировали в ателье.

Причем сделали это весьма удачно.

Меня и раньше фотографировали здесь, у Никитских ворот, в доме, где находился Кинотеатр повторного фильма, и тоже получалось весьма удачно.

Однажды даже серию моих снимков (мне было тогда около двух) выставили в витрине фотоателье на всеобщее обозрение — вот, мол, как отлично ребенок выглядят, когда его профессионал снимает.

Умиляйтесь, граждане!

И не забывайте об этом привлекательном виде услуг!

Совсем крохотный, десятимесячный, веселый и здоровый, по итогам другой фотосессии, выглядел я более чем презентабельно, словно приглашая социум выбрать именно мою физиономию для размещения на упаковке полезной молочной смеси, вроде той, что продавалась в магазине «Детское питание» на углу Ленинградского проспекта.

Хотя магазин «Детское питание» привлекал меня совсем другим.

Огромным аквариумом с подсветкой, в котором плавали всамделишные золотые рыбки.

В магазин мы ходили с Мамой, чаще после успешного съедения на завтрак манной каши.

Чтобы каша была съедена, Мама играла со мной в игру, что я снегоуборочная машина нового поколения, безотходно перерабатывающая весь встреченный снег.

А выданная мне десертная ложка — универсальный ковш снегоуборочной машины.

Это было, когда я уже несколько подрост.

В младенчестве же я питался исключительно материнским молоком.

Его у Мамы было так много, что она его продавала толпам страждущих, выстраивавшихся к ней в очередь.

Ежемесячно Мама зарабатывала на этом сумму, превосходящую ее институтскую повышенную стипендию раза в полтора...

И еще — про еду.

И — про меня.

Однажды Папа взял меня в гости к своему институтскому приятелю.

Вернее, к его бабушке.

А бабушка была очень хлебосольная.

Стала она меня кормить.

Причем не абы чем — сосисками, которые считались тогда дефицитом.

Съел я, двух с половиной летний, две сосиски — и благосклонно улыбнулся чужой бабушке.

— Что нужно сказать? — спросил меня слегка сконфуженный Папа.

— Еще сосисочку! — радостно выдохнул я...

Но вернемся к теме моей фотогеничности.

Очень хорошо вышел я и на снимках, вмонтированных внутрь пластмассовых шариков, внешне напоминающих шары для сбивания кеглей.

Особенно фото, где я в темно-синей матроске.

Чудесно получился на карточках, отщелканных в доме отдыха «Плесково», на Пахре, куда отправлен был с Бабушкой.

Довольно моложавой, многие там принимали ее за Маму, что меня тяготило.

А во время фотографирования меня, посаженно в траву, больно кусала крапива...

И во второй детский сад приходил к нам платный фотограф.

На черно-белом портрете в ковбойке я одухотворен и задумчив.

К тому же зачесан набок влево, а не вправо — как я всегда носил.

По личной инициативе.

Собственными руками с общественной в них расческой...

Пожалуй, это одна из лучших моих фотографий.

На протяжении всей жизни...

Впрочем, три заключительные истории с фотографиями случились потом, а пока — меня, четырехлетнего, сфотографировали в ателье у Никитских ворот — и сделали это весьма удачно.

Во всяком случае, Бабушке снимки очень понравились.

Бабушка даже показала их соседке, с которой тесно общалась (мы и наши соседи сверху дружили семьями).

Соседке карточки приглянулись тоже — и она отнесла пачку фотографий к себе на работу, чтобы там показать сослуживицам.

А работала соседка на телевидении, в литературно-драматической редакции.

Как раз когда соседка вынула мои фото, чтобы продемонстрировать разновозрастным тетенькам из литдрамы, в комнату вбежал Леонид Ленч, популярный тогдашний юморист и сатирик, который, кроме всего прочего, был телевизионным режиссером и сценаристом.

С ходу попались ему на глаза мои фотографии, чему он чрезвычайно обрадовался.

Потому что аккурат в то же самое время искал товарищ Ленч дошкольника на роль мужчины в передаче, посвященной Международному дню солидарности трудящихся женщин всех стран Восьмое марта...

Ну и запал мой образ Ленчу в душу.

Да так крепко запал, что уже через день я оказался в телецентре на пробах, куда был привезен Бабушкой.

На Дедушкиной служебной машине.

Пробы прошли успешно.

Но какой в точности будет моя роль, Ленч пока не придумал.

Время, чтобы придумать, у него еще оставалось — и мы с Бабушкой на дождавшейся нас машине отбыли домой.

Миновало несколько недель.

А может, месяцев.

За будничными детсадовскими и воскресными домашними играми я даже умудрился запомнить, что меня утвердили на роль в грядущем праздничном телепредставлении.

И не вспомнил бы, наверное, никогда.

И Бабушка, полагаю я сейчас, не напомнила бы.

Ведь, скорее всего, она тогда решила, что от моих услуг Ленч по известной ему и не известной нам причине надумал отказаться.

И не сообщил нам об этом.

Из человеколюбия и дабы не травмировать детскую психику.

Вот и Бабушка, похоже, не желала травмировать мою детскую психику...

Однако время — как оказалось — уже подпирало, и нужно было опять ехать на телевидение.

Причем не для того, чтобы принять участие в генеральной репетиции (про которую шла речь несколько времени назад), а чтобы в прямом эфире вечером 7 марта 1963 года сыграть роль настоящего мужчины.

Мужчины № 8.

Из шоу «Двенадцать внимательных мужчин».

Так называлась развлекательная телепередача.

Информация о прямом эфире и сопутствующая ей явились к нам на дом за пару дней до предстоящего события — и, кроме снегом свалившегося на головы общего переполоха, потребовали (по большей части от Бабушки) массы конкретных оперативных действий.

Неожиданно выяснилось, что почему-то именно мы должны найти и привезти в студию сибирскую кошку для интермедии, которую должна была исполнить артистка Ольга Аросева.

Также на нас возлагалась задача по нахождению двух бантов: одного (голубого) на шею мне, другого (розового) на шею кошке...

Кошка отыскалась во втором подъезде — и после сложных многочасовых Бабушкиных переговоров с ее хозяйкой начались поиски бантов.

Эти поиски, к счастью, не заняли много времени и сил.

Разноцветные банты (проще говоря, обычные девчачьи ленточки) нашлись в том же подъезде, но этажом ниже.

Мне же предлагалось выучить припев из шлягера начала шестидесятых — песни «Солнечный круг» композитора Аркадия Островского и поэта Льва Ошанина.

А припев, якобы послуживший основой для создания песни — как гласила народная легенда, озвученной на всю территорию одной шестой части мировой суши в воскресной радиопередаче «С добрым утром!», — сочинила какая-то малолетняя девочка...

Припев был коротеньким: всего четыре строчки.

Причем его можно было не учить.

Потому что слова песни, каждодневно тиражированной основными программами Всесоюзного радио и Центрального телевидения, я знал наизусть (дополнительное спасибо певице Тамаре Миансаровой)...

Короче, урочным вечером на такси (Дедушкина служебная «Волга» по неведомым для меня причинам в мероприятии задействована не была) мы

выдвинулись в сторону Шуховской башни — места обитания главного телецентра Советского Союза той поры.

Мы — это Бабушка с двумя разноцветными бантами, сибирская кошка и я.

Когда наш автомобильный коллектив прибыл на телевидение, он сразу же был разбит бдительным редактором на составляющие.

Кошка поступила в распоряжение артистки Ольги Аросевой.

Бабушку посадили на продавленный кожаный диван в редакторской комнате.

А меня, минуя предварительные инстанции, отправили напрямик к Леониду Ленчу.

— Выучил про круг? — по-моему, даже не поздоровавшись, поинтересовался напористый Ленч.

— Да! — бойко и лаконично соврал я.

— Тогда продекламируй! — потребовал тот.

Призванный на суд Ленча, я продекламировал.

— Сначала Небо, а потом Солнце! — суровый Ленч прервал меня на середине припева

Я знал песню — включая припев — как облупленную.

Назубок.

Солнце там было сначала, а Небо потом.

Что я и попытался объяснить Ленчу.

Но ему мои объяснения были ни к чему.

Ему было нужно, чтобы сначала было Небо, а Солнце потом.

Как я понимаю сейчас — по его, Ленча, взрослой логике выходило: Небо больше Солнца.

Да и вообще, Солнце находится на Небе.

Поэтому Небо главнее и первичнее Солнца...

Маленький, я еще раз попробовал объяснить Ленчу, что Солнце сначала, а Небо потом.

Так в песне — и не я это придумал.

Однако пожилого сценариста, режиссера и многое прочее мое видение (и слышание) ситуации не интересовало.

Совсем.

Что мне оставалось делать?

Я не знал — и — скрепя сердце — подчинился воле взрослого.

Небо теперь у меня шло сначала, Солнце потом.

Дальше следовали Мама и Я.

По старшинству и роста-весовым параметрам...

Несколько раз я продекламировал припев, стоя на полу.

Затем творческий экспериментатор Ленч предложил мне вскарабкаться на стульчик, чтобы те же строчки могли прозвучать с возвышенности.

А заодно, произнесенные устами почти младенца и подкрепленные его органичными телодвижениями при вскарабкивании на поверхность, могли (чуть

позже) умилить среднестатистического советского телезрителя.

Строчки и прозвучали.

Еще пару-тройку раз, подменяя собой так и не состоявшуюся вовремя генеральную репетицию.

По завершении репетиционной работы со мной Ленч переключил свое режиссерское внимание на артистку Ольгу Аросеву и сибирскую кошку, а я нежданно-негаданно очутился вне поля его зрения и внимания.

Да и вне поля зрения и внимания всех прочих здешних.

Предоставленный самому себе, я сперва заглянул во все студийные уголки, после чего стал гулять вдоль-поперек коридора, заглядывая в приоткрытые двери.

Одна из дверей была открыта настежь: перед большим зеркалом сидела знакомая мне по телепередачам и давно мне нравящаяся диктор центрального телевидения Аза Лихитченко, одетая почему-то в костюм гусара.

Возле нее на столике стоял (не лежал же!) настоящий гусарский кивер.

«Вот бы примерить!» — вожаделенно подумал я.

Я тогда неровно дышал ко всяческого рода головным уборам..

Особенно это касалось шапок военизированных: фуражек, пилотов, папах.

Как-то по телевизору показывали кинокомедию «Цирк» режиссера Григория Александрова, которую Старшие Родственники разрешили посмотреть и мне.

Однако спокойно посмеяться я им не дал.

Потому как начал плакать.

Впрочем, Старшие Родственники все-таки вволю посмеялись.

Потом.

Когда выяснили причину моих слез.

Оказывается, артист Масальский, исполнявший главную отрицательную роль, в приступе гнева сорвал буденовку с головы негритенка (его играл будущий русский советский поэт Джим Паттерсон) и бросил ее на пол.

Чем вызвал мою бурную продолжительную реакцию...

Но — вернемся к нашим баранам.

Как я понимаю сейчас, диктор Аза Лихитченко, облаченная в мужское платье (ха-ха!), перед большим зеркалом гримировалась, готовясь дружески отпародировать в праздничной телепрограмме, посвященной Женскому дню, очень юную актрису Ларису Голубкину, мгновенно ставшую знаменитой с появлением на широком киноэкране лирико-геро-

ической комедии режиссера Эльдара Рязанова «Гусарская баллада»...

Обо мне все-таки вспомнили, схватили в охапку и тоже принялись готовить к эфиру.

Пока ловкие гримерши в четыре руки меня гримировали, а приставучий Ленч давал мне очередные наставления, я думал о том, что здорово было бы примерить кивер перед большим зеркалом.

И о том, что диктор Аза Лихитченко нравится мне в гусарской форме ничуть не меньше, чем в одежде обычной дикторши...

Тем временем передача «Двенадцать внимательных мужчин» уже началась.

Не за горами маячил и мой выход.

Согласно строгой очередности — ближе к концу, ведь в титрах, которые, впрочем, должны были пойти (и пошли) еще позже, по завершении прямого эфира телешоу, я значился как «мужчина № 8».

В ожидании выхода на сцену (то есть — на студийный пол) я вдруг стал думать о том, что, может, все-таки не нужно слушаться этого Ленча, а проговорить со стульчика припев известной песни про солнечный круг правильно: чтобы сначала Солнце и лишь потом Небо.

Или — лучше — взять да прочитать стихи про доктора Айболита.

Немножко переврав.

Как их Папа мне дома читает.

Когда диссертацию не пишет:

Злобный Догтор Влигалит.

Он за теремом бегит!..

Кстати, о Папе, Папиной диссертации и другом его занятии.

В качестве очень небольшого лирического отступления.

Диссертацию Папа писал вечерами, после работы. Сидя за своим письменным столом.

Под лампой с желтым абажуром, свет которой не давал мне, каждый раз к тому времени уже уложенному в кровать, спокойно уснуть.

Тоже каждый раз...

Заснуть при свете никак не выходило.

Вести же себя требовалось тихо-тихо.

Потому что «Папа занимается!».

Так это называла Мама.

А с утра Папа тоже занимался.

Громко-громко!

Зарядкой.

Многократно выжимая двухпудовые гири.

Одновременно обеими руками, ладони которых были предварительно вывалены в тщательно рас-

толченном дома меле, позаимствованном на институтской кафедре...

Тем временем холодная ванна ждала своего часа, набираясь ужасающе медленно.

До нашего пятого этажа вода доходила плохо.

Особенно по утрам и вечерам...

Но — опять — вернемся к нашим баранам.

Свободолюбивые мысли так и остались мечтами, выветрившись из моей головы без остатка в момент, обусловленный сценарием появления перед работающими телекамерами.

В качестве мужчины № 8.

Мужчина № 8, непосредственно озираясь по сторонам, прошагал к загодя приготовленному для него ассистентом режиссера стульчику, очаровательно повернувшись мальчиковой попой к телезрителям, вскарабкался на него и звонким детским голосом продекламировал четыре строчки припева в той последовательности, какая требовалась настырному Ленчу: сначала Небо, потом Солнце...

Отчеканив положенное, мужчина № 8 (голубой бант, белая рубашка, синие короткие штаны с бретельками, чулки-носки, сандалеты на вырост) повторно (и опять же абсолютно произвольно) повернулся той же попой к уважаемым телезрителям, дабы проследовать в непростреливаемую операторами часть телестудии...

Здесь меня поджидал неумный Ленч, которому пришлось в голову, что по окончании передачи именно я должен вручить цветы артистке Ольге Аросевой — единственной женщине, принимающей участие в телевизионной программе.

Не считая диктора Азы Лихитченко, пародирующей актрису Ларису Голубкину в роли корнета Азарова...

Против артистки Ольги Аросевой я не имел ничего.

Даже запомнил, как она репетировала сама с собой (и кошкой) интермедию, в которой то и дело (рефреном?) произносилось словосочетание «Мневники-тебевники».

Против артистки Аросевой я ничего не имел.

Однако диктор Аза Лихитченко выглядела намного привлекательнее — и нравилась мне гораздо сильнее.

И форма ее гусарская тоже мне нравилась.

Особенно кивер...

Поэтому я сказал Ленчу, что цветы, конечно, вручу.

Но не артистке Ольге Аросевой, а диктору Азе Лихитченко.

Честно говоря, это был не совсем бескорыстный порыв.

Я подспудно надеялся, что, получив от меня букет красивых цветов, диктор растрогается и разрешит мне примерить свой кивер.

Ленча моя идея почему-то не устроила.

Он безальтернативно настаивал на кандидатуре актрисы Ольги Аросевой.

Как получательницы букета.

Я же затравленно молчал.

Вопрос повис в воздухе.

Впрочем, до конца действия оставалось время — и мне хотелось верить, что расслабленный удачно складывающимся прямым эфиром седовласый Ленч хоть в чем-то уступит четырехлетнему ребенку...

Получилось иначе.

Когда передача практически закончилась, но прямой черно-белый эфир еще продолжался, яркий и пышный букет цветов актрисе Ольге Аросевой вручил сам Ленч.

А мы — Бабушка, сибирская кошка с розовым бантом и я с голубым — вскоре отправились домой на любезно предоставленном нам Ленчем телевизионном рафике.

Назавтра я проснулся знаменитым.

О чем и сообщили мне мои Старшие Родственники.

Через много-много лет.

5. Волочаевский козел, или Боковое «р»...

Будучи младшим дошкольником, если рядом пели «В лесу родилась елочка», я плакал.

Всегда.

Плакать я начинал не с самого начала старинной новогодней песни, а с того места, как появлялась «мошноногая лошадка».

Страдальчески морщась и повторяя «толепится-безит», я еще хныкал, постепенно переходя на стопроцентный плач.

Плач же автоматически переходил в откровенный рев, достигая своей высшей ноты, когда материализовывался едущий «музичок» — тот, что мгновением позже «слюбил ёлечку».

Оптимистический заключительный куплет о приходе нарядной елочки на праздник сути дела не менял, и рева я не прекращал.

Срубленную под корешок елочку (аж пару лет подряд) мне было очень жалко.

До слез...

Да и вообще в дошкольном детстве песни меня интересовали.

Я предпочитал сюжетные, с постепенно разворачивающимся действием — и крайне легко их запомнил.

Помню песню про девушку-партизанку Женьку.

С трагическим финалом, который почему-то воспринимался мной просветленно и ожидаемых Старшими Родственниками слез у меня не вызывал.

Помню песню про Щорса, у которого «голова обвязана, кровь на рукаве» и за здоровье которого я очень переживал, ведь за ним, раненым, «след кровавый стелется по сырой траве...».

Папа, когда пел песни, часто перевирал их слова. Например, каждым утром раздавалось:

На зарядку по порядку
Через пень, через колоду становись!..

Либо — вне зависимости от времени суток:

Тронутые ласковым завгаром
Ноги обожженные твои!..

На помывку едет
Молодой моряк!..

А если Папа вдруг не перевирал и пел правильно, все равно бывало смешно.

Скажем, спрашивал Папа потенциального слушателя, маму или меня (или нас обоих):

— Какая песня начинается на «мыло»?

— Не знаю! — отвечал потенциальный слушатель (или оба вместе).

— Мы лошадок напоили.

Их почистили, помыли! —

выделяя начало, с выражением пел Папа.

Потенциальный слушатель (или оба) заходил в хохоте.

А Папа не думал на этом останавливаться и снова спрашивал:

— Какая песня начинается на «ухо»?

Естественно, никто не был готов ответить.

Тогда Папа, с ударением на первом слоге, торжествуя, заводил:

— Уходили комсомольцы

На гражданскую войну!

Мне становилось весело, но действительности Папино заявление явно не соответствовало, ведь песня начиналась со строчки «Дан приказ ему на запад», что я Папе и выкладывал, предварительно отхохотав.

Папа такие мелочи пропускал мимо ушей.

И, пропустив, заинтересовывающе продолжал:

— Между прочим, другую такую песню еще поискать. В ней героиня — говорящая собака!

После чего Папа выдерживал мхатовскую паузу и только затем пел своим приятным (но не габтовским) баритоном, выделяя собачью голосовую составляющую:

— И родная отвечала:
«Я же лаю всей душой!»

Почему-то сильнее всего доставалось от Папы песням о Гражданской войне.

Партизанскую дальневосточную песню на слова Сергея Алымова «По долинам и по взгорьям» Папа, полноправно разделяя авторство со стихотворцем (и будучи в своем репертуаре), завершал одним и тем же им бесконечно любимым куплетом:

И останутся как сказка,
Как манящий ореол —
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевский козел!..

Бабушка Папиных вольных отношений с песнями советских композиторов (в реальности — поэтов) активно не одобряла, поэтому свои версии общеизвестных песен Папа старался петь, когда Бабушки поблизости не было.

Остальные Старшие Родственники (Дедушка и Дядя) препятствия Папе в его словесных действиях не чинили.

Возможно, по причине пресловутой мужской солидарности.

А вернее всего, из-за очевидной и повсеместной нехватки свободы.

Пусть даже иллюзорной...

У меня тоже порой получалось перевирать песенные слова.

И тоже получалось смешно.

Правда, в отличие от Папы — не нарочно.

За мной такое в принципе водилось.

Например, борную кислоту, хранившуюся в нашем туалете, я называл «уборной» кислотой, полагая, что так она называется из-за места своего хранения...

С песнями в моем исполнении нечто подобное случалось сплошь и рядом.

«Сормовскую лирическую» на слова Евгения Долматовского я пел так:

Под городом Горьким,
Где ясные зорьки,
С рабочим в поселке
Подруга живет!..

Особенно трогательно это выглядело применительно к слову «подруга», которое в моем исполнении звучало как «подлюка».

Ведь букву «р» я тогда не выговаривал, заменяя ее буквой «л»...

Я потом стал заменять так называемым боковым «р», когда язык во время произнесения звука «р» не касается нёба, а грубо отклоняется от генеральной линии.

Вбок.

В моем случае — язык шел направо...

Мне — изнутри — казалось, что мое выдаваемое миру «р» звучит идеально.

Но бдительные Старшие Родственники — были в ужасе.

Ужас трансформировался в принятое решение о необходимости появления логопеда, кой вскорости посетил нашу квартиру.

Правильнее сказать, посетила.

Потому как логопед оказался весьма привлекательной молодой женщиной.

Впрочем, меня проинформировали лишь о том, что к нам едет логопед...

А что логопедом (логопедшей) окажется очаровательная девушка, я выяснил минут через пятнадцать после ее прихода.

Ведь с того момента, как раздался дверной звонок визитерши, до момента появления дивы в Маленькой Комнате я прятался под Папиным Письменным Столом, демонстрируя Старшим Родственникам мое нежелание заниматься с логопедом.

Старшие Родственники мой протест проигнорировали.

В отличие от случая с преподавательницей фортепьяно, которая так же, как девушка-логопед, однажды очутилась на пороге нашей квартиры, дабы начать со мной индивидуальные занятия...

Очутилась, но до Маленькой Комнаты, где, сидя под Папиным Письменным Столом, я бойкотировал ее приход, так и не добралась.

Ибо Старшие Родственники сыграли пианистке отбой...

Логопедше они — напротив — предоставили зеленую улицу для занятий в Маленькой Комнате, выходящей окном во двор...

Но — по-видимому — красавица курила.

Я чувствовал запах табака сквозь ее духи.

В нашей же семье Старшие Родственники не курили (потом я узнал, что Дедушка был злостным курильщиком на протяжении четверти века, в одночасье бросив буквально за пятилетку до моего рождения), и курение чужих взрослых молчаливо не одобрялось.

Ну я и брякнул домашним после седьмого, что ли, занятия с очаровательной логопедшей, мол, смущает меня то, что тетя, похоже, курящая...

Брякнул не сразу, поскольку откровенно колебался, нужно ли доводить до сведения Старших Родственников это обстоятельство — девушка-то мне нравилась...

Но чувство долга (или чего там?) чувство симпатии пересилило.

Старшие Родственники среагировали на мое донесение чрезвычайно чутко, оперативно лишив меня общения с длинноногой красавицей, приходившей к нам в моднящем тогда плаще-болонье...

Довольно скоро — через знакомых — отыскался другой логопед (опять же логопедша).

Внешне малоинтересная и не слишком молодая.

К тому же теперь не логопедша приходила ко мне, а меня возили на занятия к ней.

Всего в течение двух недель — при помощи зубной щетки с отрезанной щетиной — она преврати-

ла мое боковое «р» в нормальное, общепотребительное.

Сказав на прощание, что благодарить мы должны ее предшественницу, сделавшую самую сложную и важную часть работы.

Однако Папа считал, что отучил от бокового «р» меня он.

Ведь именно он, Папа, придумал фразу, где практически в каждом слове наличествовало «р».

И нежно вынуждал меня эту фразу произносить.

В день по несколько раз.

Фраза была такая: «Сережа Белорусец играет на трубе!»

А еще папа меня спрашивал (не умеющего ни читать, ни писать):

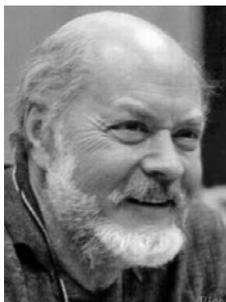
— Как правильно надо говорить: кремаль, кремль или кремоль?

Я был московский «акающий» мальчик, поэтому, скорее, склонялся к первому варианту...

Продолжение следует.

Лев АННИНСКИЙ

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОПРИЩИНА

Целый час артист Сергей Рудзевич держит зал монологом на Малой сцене театра «Сфера».

Конечно, у него славные помощники. Режиссер — Александр Парра. Я уж не говорю о Николае Гоголе, который 178 лет назад метнул в мыслящую Россию свои «Записки сумасшедшего».

Да ничуть этот герой не сумасшедший! Никаких клинических признаков ненормальности! С собачками заговорил? Так тотчас из-за сцены собачий вальс удостоверяет, что это просто шутка веселого разума. Насчет испанского престола рассуждает? Очень разумно, прилагай хоть к египетскому диктатору (куда делся и чем теперь занимается), хоть к сирийскому (куда бы ему деться), не говоря уже о ливийском. Прозвучи этот монолог со сцены в 1975 году, когда после Франко встал в Испании вопрос о короле, цены бы не было поприщинским комментариям.

А что Китай и Испания «совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства» — тоже правда, надо только подставить на их места Украину и Россию.

Да какой же он сумасшедший! Нормальный современный житель эпохи гласности, упоенно обсуждающий мировые и отечественные новости.

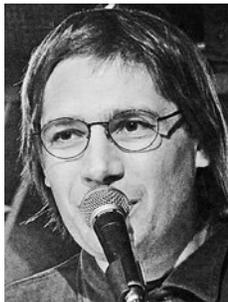
«Ты что делаешь?» — спрашивает строгий начальник. «Как что? Ничего не делаю». Ответ в самую точку.

Только в финале, нарушая все привычные законы театрального действия, начинает Аксентий Иванович что-то «делать»: дирижирует поведением зала, а потом вытягивает из публики ликующих зрителей и отплясывает с ними что-то вроде общего твиста. Безумие, наконец?

Ничуть. Современное артистическое общение через рампу. Отменяющее границы зрелища. Сцепляющее концы и начала. Объединяющее души и тела.

Сергей ГОНИКБЕРГ

Сергей Гоникберг родился в Ленинграде в 1977 году. Занимается режиссурой кино и театра. Петербуржец в третьем поколении. С детства мечтал переехать в деревню и растить хлеб. Стихи пишет редко, придерживается убеждения, что автор должен полно и честно жить своей жизнью и тогда уж об этом писать. По политическим убеждениям православный монархист и сталинист.

БИТВА С АНТИЖИЗНЬЮ В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

Издревле мчится Крокодил за Солнцем, а когда догонит и проглотит, свершится последняя битва, в которой каждый покажет свою подлинную и страшную суть, но и явит Образ и Подobie Божье в своей душе.

Хотя я православный (пусть и недостойный и грешный, но на Бога уповающий), меня зацепило это предвосхищенное скальдами сказание о разворачивающемся у наших современников на глазах конце мира, когда-то полного веры, жизни, любви — подлинности; в котором люди были людьми, деревья — деревьями, народы же — народами. Мира, в котором жила Сказка.

Однажды я понял, что все Творение — деревья, камни, животные и птицы — состоит из запечатленной Божьей Любви, такой сильной, что она приняла форму предметов.

Землю делает живой Вера, Надежда, Любовь. Которые, начиная со школьной скамьи, так стараются вытравить из народной и человеческой жизни. Поэт, художник — тот, в ком система образования, социума, рекламы в метро etc не сумела уничтожить Дар, в ком живет подлинно человеческое и, значит, и Божие, и народное.

(Полагаю, представление о моем отношении к оконченному мною «по приколу» Литературному

институту можно составить на основе вышесказанного. Несмотря на мою огромную благодарность И. И. Ростовцевой, А. К. Антонову и нескольким другим мудрым педагогам, являющимся в этой системе исключением, говоря об Литинституте в целом, я просил бы читателя при обнаружении им достоинств в моих виршах не считать оные достоинства говорящими в пользу данного заведения.)

Однако я все же не считаю себя пессимистом; я лишь говорю, что битва с антижизнью начинается, идет. Даже с надеждой отмечаю перемены к лучшему, едва намечающиеся в России, робкие пока первые ее шаги в сторону от содома и вавилонского демократического безумия.

Как знать, Бог даст, если явит нам Свою милость, и Россия в последние времена восстанет в святости, силе и славе под скипетром Православного Государя...

Словом, я назвал бы себя глашатаем битвы, а не поражения в ней, как можно подумать из некоторых стихотворений. Кажущееся поражение бывает для «лирического героя», менестреля, для многих тонко чувствующих людей, потому что в этом их судьба и победа. Скромный вклад в грядущую победу Небесного.

Сергей Гоникберг

КОЛОМБИНА

...Пришла — пришла — пришла!
Расстегивая пуговицы плаща,
И плащ был мокр, и пулеметом капли
Считали время, падая в ковер.
— Как вы намокли.
Лужи на полу, волнуясь,
Отражали отблеск лампы,
Но не твое лицо, как в кинофильме
О Дракуле.
Я руку протянул,
Чтоб осознать твое существованье
И не наткнуться, взяв тебя за нос,
На форму из картона, под которой,
Возможно, был радар...

...В мозгах кипело море
Приемника, машин, собак, людей,
Рекламы банка,
Фужера, из которого мы водку
Зачем-то пили, взявши из буфета
Хрусталь богемский, как воспоминанье
Минувшего рождения из пены
И возвращенья в пену же.
Не плачь! Былое
Расплавилось и стало воском вновь...

Потом включили телевизор,
Смотрели «Вести».
Президент в Париже,
Но дядька в Киеве,
И это придает
Надежду горькую отрадному порыву
Последних мыслей,
Скачущих вразброд.

Как жалобно мурлыкал серый кот
О том, как одинок я в этом мире,
О том, что я не та,
А ты не тот,
О том, что дважды два равно четыре,
Но солнца луч взрезал поверхность вод,
И море плавилось, и кот играл на лире
Фокстрот без нот.

Когда синее море и в эфире
Пожар разлит — молчи, пиит,
И не играй на лире,
Молчи, мой бедный, сбивчивый пиит!

О, красоты ничьих ланит
Не воспевай, молчи, мой сбивчивый пиит,
Не умирай! —
Мой сбивчивый пиит молчит.
— Молчи, мой сбивчивый пиит, молчи, мой сбивчивый пиит, молчи, мой
сбивчивый пиит!

Из цикла «РАГНАРЕК»

* * *

Выбор идиотский и нетрудный —
Почему тогда в ненастный час
Ты не спишь, ворочаясь под утро,
Рассуждая, грязь ты или князь.

Время напоило нас отравой
В предпоследний век, в ненастной мгле,
И кружится сонм немой, усталый,
Нас, обретших слово, на земле.

* * *

От последних римских времен
Нам осталась ржавая сталь.
Мы уходим — наш легион
Поглощает тоска-печаль.
Это Канны — повсюду лязг,
Вой слонов, барабанов дробь.
И вокруг полоумный враг,
И последний неравный бой.

Я остался последним — Стикс
Перейден, и хмельная тоска
Одиноких смурных долин
В стратегических пляшет тисках.

№ 6

Мир в немых сердцах застыл
И уехал электричкой.
Мы уже лишились крыл,
К полу табурет привинчен.

Наш корабль у серых скал —
Одинокое виденье.
Колобродный нереал —
Немота, тоска, смятенье,

Где за тридевять земель —
Мушкетеры от Парижа —
Замелькала круговерть —
Люди, знаки, кони, лыжи.

И на сердце только грусть,
И в глазах усталость века.
Кто-нибудь счастливый пусть
Остается человеком.

СТРАННИКИ

Наше небо разорвано в клочья,
И его не сшить. Слишком малы мы ростом,
Чтобы достать иглой.
Смерть уже наступила, а ты порываешься жить —
Ты тысячу раз права, вот и я иду за тобой.

Бубен шаманский сломан, струна мертва —
Просто юродивый, больше не менестрель.
Я приношу к костру сырые дрова,
И трещат они, рвется нить и сгорает твердь.
Что же, давай и дальше смотреть в огонь,
Вера, что дарит жизнь он нашим глазам,
Шляться лесами подобно паре волков
И уходить под вечер навстречу забытым снам.
— Так для чего связалась ты с мертвецом,
ну, отвечай, паскуда, луч света мой!
Я, говоришь, живее, это город наш мертв?
Смешно.
— Да, ты живой, мой любимый, живой, живой, живой!

* * *

Когда не осталось смыслов и остались только слова,
Мы будем, их составляя в память о прошлых днях,
Играть в рулетку и кубики день или два
И букочки плавить на голубых огнях.

Улица скрипит, громкая,
И за окном
Пишет перо,
Готовое рифмовать
Все, что душа захочет,
Но ничего
Больше не хочет она,
Разве что поиграть.

Вот на обоях пятна.
Среди теней
Волки крадутся и овцы,
И рыцари вскачь;

Будь же собой и не смолкни среди этих дней,
Музыкой упивающийся
Мой трубач.

Славяна БАКУНИНА

Славяна Бакунина родилась в Москве в 1979 году. Окончила Московский гуманитарный университет по специальностям «культурология» и «реклама».

Интерес к языковым и культурным особенностям привел к опыту литературных переводов. Публиковалась в журнале «Перевод и переводчики». Работала в рекламе в качестве копирайтера.

Преподавательская деятельность в московских вузах и колледжах сопровождалась стремлением познакомить молодых людей с наследием русского народа. Посещение древних городов и работа с артефактами культуры нашей страны стали обязательным моментом в общении со школьниками и студентами.

В настоящее время — ректор Института гуманитарных и технических наук, основная задача которого — сформировать образованного человека с пониманием своих истоков и уважением к родному языку.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКОРОСС — ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ

...нужно вернуться к истокам родного языка и родной поэзии, освобождая былую силу и былой возвышенный дух, который дремлет в памятниках национальной древности.

Константин Васильев

История Родины создается поступками, замыслами и действиями разных людей, а сохраняется в памяти народа благодаря силе, боли и таланту его творцов.

Константин Великоросс (таков художественный псевдоним Константина Васильева) — творец от народа, пробуждающий память об истоках, а значит, о могуществе, правде и свете каждого живущего на русской земле.

Третьего сентября 2012 года исполнилось бы 70 лет со дня рождения Константина Алексеевича Васильева — русского художника, обладателя редкого дара наполнять душу зрителя природной радостью и гордостью за свое Отечество, готовностью к великому служению.

Более четырехсот живописных и графических произведений было создано рукой талантливого художника. Прослеживается особое отношение Васильева к композициям мифологического и былинного толка — «застывшей музыке».

Интерес к родной земле и потребность к ее прославлению возникали естественно, как желание вдохнуть воздух и радоваться солнечному свету.

Детство художника пришлось на военные и послевоенные годы, но благодаря внимательному отношению в семье Константин Васильев удивительно скоро открыл в себе редкий дар видения красоты и света окружающего мира. Безусловно, этому способствовал переезд семьи Васильевых под Казань

Константин Васильев. 1974 г.

в поселок Васильево, расположившийся на берегу Волги. Инициатором такого перемещения стал отец — Алексей Алексеевич Васильев, влюбившийся в красоту этих мест во время рыбалки и охоты.

Память рода также заявляла о себе, так как Константин Васильев по линии матери, Клавдии Парменовны, принадлежал к семье известного русского художника И. И. Шишкина.

Константин Васильев с детства предпочитал некоторую отстраненность и уединение. Именно в такие моменты в его руках появлялись лист бумаги и карандаш.

Многое в жизни решает случай. Так произошло и с маленьким Костей, когда в 1954 году художественная школа при институте имени В. И. Сурикова в Москве объявила конкурсный набор талантливых детей из области. Были приняты шесть человек, среди них — Константин Васильев.

Во время двухлетней учебы в Москве, которую пришлось прервать по причине смерти отца, Костя удивлял учителей умением работать с акварелью, а также прозорливо улавливать детали.

Известная работа того времени — натюрморт с гипсовой головой — сохранилась благодаря сверстнику Васильева, который вытащил картину из музея, куда ее отправил автор.

Князь Игорь. 1969

Клавдия Парменовна Шишкина — мать Константина Васильева. 1977 г.

Обучение Константин Васильев продолжил в Казанском художественном училище, которое блестяще окончил в 1961 году дипломным проектом в виде эскизов декораций к опере Римского-Корсакова «Снегурочка».

Заигрывая с модными направлениями — сюрреализмом, абстракционизмом, экспрессионизмом, — Васильев своевременно остановился, ибо понял, что теряет духовную связь с миром, оставляя себе только формы.

Константин Васильев является блестящим выразителем национального духа, особенно в образах русских людей. Его картины воспитывают чувство патриотизма, и они должны занять подобающее место в Третьяковской галерее.

А. М. Жюрайтис, народный артист России

К нему пришло понимание своей роли как художника — находить свет и рассказывать о нем.

Одним из самых близких его идейных соратников была, безусловно, младшая сестра Людмила, погибшая в юном возрасте. Благодаря ей художник вновь и вновь обращался к былинной тематике. Так, идея создания картины «Рождение Дуная» полностью принадлежала Людмиле.

Интерес Васильева к русской традиции не ограничивался изучением былин и мифов. Народную песню и народную музыку он определял как источник очищения и силы.

С юности до самой гибели большую роль в исканиях художника играла личность Федора Михайловича Достоевского. Писатель явился неким

Константин Васильев во время интервью на персональной выставке. 1974 г.

камертоном, определяющим истинность духа, надличностное стремление человека ступить по единственно верному пути.

Любимым символом художника была свеча — светоч. Простой и ясный смысл лейтмотивом проходит по полотнам: пылание человеческого духа и способность согреть, но не опалить.

Сколько в картинах Васильева поэзии, любви к природе, изумительной музыкальности и с каким чудесным живописным мастерством он умел все это выразить! Я совершенно очарован творчеством этого большого истинного художника.

Н. А. Бенуа, художник

Плодом постоянных поисков Константином Васильевым архетипа русского человека стала работа «Человек с филином» («Грядущий»). Картина была закончена за несколько дней до гибели автора. Если старик, поднимающийся вверх и оставляющий за собой леса замерзших душ, погасивших в себе огонь, остановится или замедлит шаг — его ждет та же участь. Плеть — стремление отсечь порочное начало, мудрый филин показывает путь, и неизменная свеча, непременно свеча... И, наконец, свиток в очистительном огне с именем Константина Великогорова и цифрой «1976» — датой гибели русского гения.

Наследие Константина Васильева получило название «Иконы XX века». И это не удивительно.

Символический реализм — именно так принято называть направление, средствами которого поль-

зовался художник. Сам он предпочитал обозначение «северный реализм», особенно по отношению к поздним работам — «Северный орел», «Ожидание», «Человек с филином», «Осень», «Лебеди».

Символизм Васильева — это стремление выразить действительность ее же средствами, не приукрашивая и не умаляя истинного значения. Действительность как она есть, выраженная архетипами. Архетипическое основание работ Константина Васильева и создает ту целостность образов, неразделимость физического, духовного и надличностного. Благодаря этому сочетанию зритель и испытывает удивление от узнавания родного и светлого. Один из друзей Константина Васильева, Юрий Михалкин, делился своими размышлениями: «Человек погружен в свет, и свет идет изнутри. Но глаза потом невольно приковываются к другому, более энергичному источнику света. Проблеск в небесах. Свет бьет сильно, но сзади, и не может осветить лица, а лицо все-таки светится своим собственным светом. Итак, два источника, а между ними... темная прослойка между истинным, единственным источником света и живой личностью, которая отражает этот свет и усиливает его».

Анатолий Доронин

Значимым человеком в сохранении творчества Константина Васильева стал Анатолий Доронин — военный переводчик, получивший благословение от матери погибшего художника, Клавдии Парменовны, на организацию выставок и пропаганду его наследия. Первая выставка прошла под Казанью в 1978 году в здании Знаменского собора.

Анатолий Доронин несколько десятилетий утверждал ценность К. Васильева, его значимость в русской традиции через организацию выставок, творческих вечеров и, наконец, создание музея — Клуба любителей живописи Константина Васильева. К сожалению, в 2009 году здание музея в Лианозовском парке горело при невыясненных обстоятельствах, местонахождение многих подлинников до сих пор неизвестно...

Тем не менее Анатолий Доронин продолжает дело своей жизни — рассказ о русском гении: «Нечасто в истории России духовными лидерами становятся не философы и писатели, а живописцы. Нечасто кисть художника так волновала русского человека».

В настоящее время Анатолию Ивановичу удалось создать Центр славянской культуры им. Константина Васильева, где преданных друзей и поклонников

таланта художника ждут сохранившиеся подлинники и высококачественные копии.

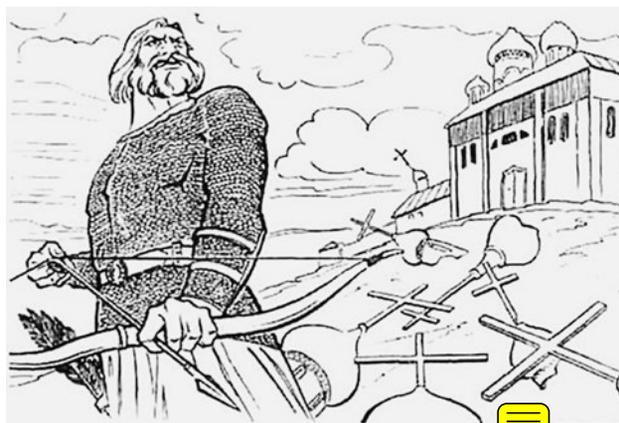
Еще одной знаковой фигурой в сохранении наследия Константина Васильева стал друг со студенческой скамьи — Геннадий Васильевич Пронин, директор Казанской галереи Константина Васильева. Геннадий Пронин всегда пытался подчеркнуть искусствоведческие особенности работ Константина Васильева. Так, в картине «Северный орел» Пронин обозначает характерные элементы васильевского стиля: «...метафизико-онтологический реализм, многозначный, многоуровневый символизм и суровый романтизм. Особенность нового метода художника — в уникальном синтезе реализма с символизмом и романтикой».

Васильев — безвременно погибший молодой художник, душа которого тосковала по древним корням и истокам славянства. Его обращение к мифам и поиск точных реалистических форм вызывает мое уважение.

И. С. Глазунов, народный художник СССР

Неоднозначность оценки работ К. Васильева с профессиональной точки зрения Пронин нивелирует следующим фактом. На сайте Профессионального союза художников в номинации «Живописцы и графики» по категории «Художники-профессионалы высокого класса, пользующиеся безусловным спросом и популярностью» первое место среди 3000 мастеров досталось Константину Алексеевичу Васильеву. В одном ряду с ним — И. Глазунов, Д. Налбандян, Э. Неизвестный, М. Шемякин.

Интересную трактовку личности художника — «духовный вождь народа» — дал историк, этнолог и религиовед Роман Багдасаров. В своей книге «За порогом» он говорит: «...именно творчество Васильева, а, скажем, не Глазунова... сыграло решающую роль в этнической идентификации русских после падения идеологии коммунизма и распада Союза. Была на то и более веская причина. Ангажированное искусство еще не успело переварить к середине 80-х годов васильевского героя, который отличался вызывающим нордизмом и свободомыслием. Благодаря этому образы Васильева, пройдя сквозь идейный водораздел, стали мощным “историческим заклинанием”, не растворившимся затем в кислоте перестроечного нигилизма. Их надвременная мифологичность об-

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром. 1974 г.

ращена к интуитивно ощущаемой европейской архаике, где былины киевского цикла смыкаются с легендами о короле Артуре и скандинавскими сагами. В этом плане Константин Васильев — кость от кости и плоть от плоти русского модерна, символизма и мифотворчества В. М. Васнецова, И. Я. Билибина. Через монументальные постановки Корина и Дейнеки образы богатырей обретают титаническую пластику Сикстинской капеллы, что порождает не столько душевные, сколько религиозно-духовные ассоциации».

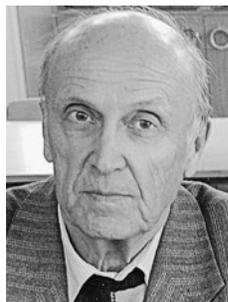
Константин Васильев всегда искал в зрителе творца, подобного художнику. Внезапность ухода русского гения в очередной раз подтвердила надличностное начало мастера. Как известно, нелепый случай на железнодорожном переходе унес жизнь художника и его казанского приятеля Аркадия Попова.

В последний путь Константина Великоросса провожали под звуки траурного марша Вагнера «На смерть Зигфрида».

Необыкновенную мысль, записанную рукой Васильева, обнаружили его близкие: «Художник испытывает наслаждение от соразмерности частей, наслаждение при правильных пропорциях, неудовлетворение при диспропорциях. Эти понятия построены по закону чисел. Воззрения, представляющие из себя красивые числовые соотношения, — прекрасны. Человек науки выражает в числах законы природы, художник созерцает их, делая предметом своего творчества. Там закономерность. Здесь — красота. Искусство постоянно возвращается к своим истокам, пересоздавая все сызнова, и в этом новом вновь возрождая жизнь. Наследное как спасающая сила».

Дмитрий ИГУМНОВ

Дмитрий Игумнов родился в 1937 году в Москве. Служил на Балтийском флоте, в морской авиации. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт.

Печатался в журналах «Наш современник» и «Юность» и альманахах. Работает в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики.

Рассказы Дмитрия Игумнова — это правдивые истории, полные иронии и драматизма.

Рисунок Дмитрия Горяченкова

НЕБЕСНЫЙ КОЛЯ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Вспышки просветления были неясными и кратковременными. Густая темнота не отступала. Проходили часы, а лейтенант Захаров все еще пребывал под глубоким наркозом. У его кровати в тревожном ожидании сидела совсем еще не старая женщина — медицинская сестра Елена Дмитриевна, которая иногда прощупывала пульс и приоткрывала глаза пациента, внимательно вглядываясь в них. Временами подходил дежурный военврач и коротко справлялся о его состоянии.

В какие-то моменты и сам лейтенант пытался открыть глаза, но картинка была расплывчатой и нечеткой. Тем не менее сознание все же начинало оживать, и он постепенно стал различать окружающую обстановку и ощущать свое израненное тело.

Николай Захаров попытался слегка согнуть колени и почувствовать старые травмы в ногах, полученные почти месяц тому назад. Это ему удалось, и боль проявилась весьма терпимо. Гораздо худшие ощущения были в груди — на нее словно водрузили тяжелые гири, так что дышать было трудно и больно.

Не столько увидев, сколько ощутив рядом с собой присутствие человека в белом халате, Николай с натугой спросил:

— Где это я?

Звук его голоса был очень тихим и каким-то слабым, но медсестра среагировала моментально:

— В госпитале вы, в госпитале. Вас прооперировали. Все будет хорошо...

Она тут же позвала врача, который подошел очень быстро: похоже, ждал этого момента. Он слегка приложил свою ладонь к забинтованной голове Николая, внимательно посмотрел в его глаза и спокойным тоном поинтересовался:

— Как вы себя чувствуете?

— Вроде живой, — прозвучал слабый ответ.

— Не обращайтесь внимания на свой голос. Это временно. Когда мы делали операцию, то в ваше горло вводили трубки, которые и задели голосовые связки. Со временем голос должен восстановиться, — подбадривал тяжелораненого летчика военврач, а медсестра утвердительно кивала головой и ласково улыбалась.

Николай закрыл глаза и с грустью подумал: «Опять госпиталь. Сколько я здесь проваляюсь?» Это было его второе тяжелое ранение. От легких ранений, для лечения которых хватало помощи полковой санчасти, остались лишь отметины, небольшие шрамы, которые почти не вызывали неприятных ощущений. А вот первое тяжелое ранение, полученное в конце битвы за Москву, иногда напоминало о себе болью в правом боку.

II

«Москва, Москва, как много в этом звуке...»

Этот город был для Николая не просто главным городом страны, а колыбелью юности, где уже не один век просвещала народ российский, а потом советский его альма-матер.

Родился и вырос Коля Захаров в небольшом городке, приютившемся в верховьях Волги. Его отец и дед были рабочими-металлистами, трудившимися на местном машиностроительном заводе. Мама тоже работала на этом заводе в бухгалтерии, но происходила она из «нетрудового сословия», из купеческого рода.

По понятиям того времени она была женщиной образованной и весьма начитанной. Эта провинциальная интеллигентка изо всех сил старалась привить любовь к познанию и двоим своим сыновьям. Ее первенец, Николай, оказался любознательным и прилежным мальчиком, имеющим незаурядные способности к точным наукам, а вот младший, Васек, был почти полной противоположностью старшему: для него учеба в школе являлась сущей каторгой.

Отлично окончив среднюю школу и получив рекомендательные письма от местных знаменитостей, Николай поехал в Москву поступать в университет. Хотя подготовка его и не полностью отвечала высоким требованиям главного храма науки нашей страны, все же его приняли на первый курс физического факультета. В те годы одаренность абитуриента ценилась выше простого «натаскивания» по профильным предметам. Другим не менее важным фактором явилось его социальное происхождение. В соответствующей графе анкеты Николая Захарова значилось «Из рабочих».

Начался самый светлый, самый счастливый этап в жизни, пожалуй, любого человека — студенчество. В первый год учебы, и особенно в первый семестр, было трудновато. Однако природная одаренность, умноженная на упорство и любознательность, быстро дали положительные результаты. Начиная со второго курса и до самого выпуска студент Захаров оставался одним из лучших на потоке.

В предвоенные годы повальным увлечением молодежи, и не только молодежи, стало покорение неба. Огромное количество авиационных клубов и секций предоставляло желающим овладеть навыками воздухоплавания. Многие юноши и девушки мечтали стать планеристами, парашютистами, летчиками. Не остался в стороне и Николай. Сначала он все испробовал, а затем остановил свой выбор на спортивном пилотировании. Постепенно постиг искусство высшего пилотажа и стал участвовать в соревнованиях. Выдающихся успехов пилот Захаров не достиг, но все же на небольших второстепенных турнирах иногда попадал в призовую тройку.

Именно увлечение полетами и стало основной причиной появления, а затем и закрепления за ним студенческого прозвища Небесный Коля. В студенческой группе будущих физиков было несколько

ребят с одинаковым именем — Николай. Чтобы их как-то различать, сначала называли фамилии, а потом — прозвище.

Одной девушке из параллельного потока очень нравился авиатор Коля, но он не отвечал ей взаимностью. У него просто не оставалось времени на амурные увлечения. Может, из-за этого она и стала так называть своего сокурсника, пусть с небольшой, но все же подковыркой. Ведь слово «небесный» можно понимать по-разному: и как что-то очень высокое, светлое, а может, что весьма характерно для того времени, и как заносчивость, как отрыв от коллектива. В общем, прозвище это со временем закрепилось за студентом Захаровым и не вызывало у него никаких эмоций: ни положительных, ни отрицательных.

Блестяще окончив университет, Небесный Коля получил рекомендацию для поступления в аспирантуру. Однако стать аспирантом ему было не суждено — началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны он вместе со многими людьми разных возрастов и профессий подал заявление на фронт.

На призывном пункте была явная неразбериха: толпы народа, очереди. Только к вечеру, после многочасовых ожиданий, Николай предстал перед офицером, занимающимся подбором добровольцев. Это был серьезный и ответственный человек. Несмотря на крайнюю усталость, он провел обстоятельную беседу с очередным новобранцем. Следствием этого явилась срочная отправка Николая, но не на фронт, а на Восток, в учебную часть истребительной авиации.

Умом, конечно, понятно, что следует получить необходимую подготовку военного летчика, хотя бы теоретическую, но душа молодого человека рвалась в бой.

«Умей ждать и терпеть» — вспоминалось еще в детстве полученное наставление отца. Несмотря на свой небольшой жизненный опыт, Коля уже усвоил эту мудрость и научился ждать и терпеть.

Так и не окончив положенный курс, младший лейтенант Захаров вместе с другими молодыми пилотами, получившими в основном лишь сержантские звания, был переброшен на оборону Москвы. Это возвращение в любимый город было очень грустным. Проезжая знакомые места своей студенческой юности, Коля с нарастающей тревогой отмечал разительные перемены в облике столицы. Светомаскировка, патрули на улицах, крайняя сумрачность людей, молоденькие девчонки у зенитных орудий... Порой комок подступал к горлу: «Ничего, ничего, мы еще покажем им Русь-матушку во всей красе».

III

В авиационном истребительном полку Колю определили в ведомые к асу капитану Пушкову, тоже Николаю. Первым, что подумал про своего ведущего младший лейтенант, было: «Вот это и есть настоящий Небесный Коля». Да, Пушков был первоклассным летчиком-истребителем. В общем, повезло Коле с Колей, как одному, так и другому.

— Ты, тезка, не спеши, придет и твое время, —ставлял командир. — Твердо усвой одно: ты должен защищать хвост, и только! Не рвись никуда, не отвлекайся. Усвоил?

— Так точно!

— Ну и хорошо, — суровое лицо капитана осветила улыбка.

Первые боевые вылеты дались младшему лейтенанту Захарову непросто. Страшно было видеть, как дымящимися факелами падают сбитые фашистами наши самолеты. Порой нестерпимо хотелось пойти в атаку на стройные ряды вражеских эскадрилий. Да, очень хотелось, но Николай четко знал свою задачу и беспрекословно выполнял приказ. Однако такая пунктуальность нравилась далеко не всем. Нашелся все же отчаянный парень, который прямо обвинил его в трусости. Больно было слушать несправедливые упреки. Едва сдерживая свой гнев, Николай все же смолчал и только крепче стиснул зубы. Не прошло и суток, как Коля похвалил себя за выдержку — его критик героически погиб в ночном бою. Даже после этого грустного события младший лейтенант продолжал четко выполнять наставления командира, твердо зная, что «прежде чем придут победы, нужно научиться воевать», а учиться он умел и любил.

И вот совершенно неожиданно пришел к молодому пилоту его первый большой успех. Во время очередного воздушного боя он лишь слегка подотстал от своего ведущего, и вдруг из-за облака выскочил мессер. Стремясь зайти в хвост самолета капитана Пушкова, враг на несколько мгновений оказался прямо перед носом ведомого ястребка. Оставалось только вовремя нажать на гашетку, что Николай и сделал. В результате в неприкосновенности остался хвост ведущего, а список боевых побед Небесного Коли получил свое начало.

Однополчане поздравляли младшего лейтенанта, а в столовой он получил незапланированные сто грамм, традиционно выдаваемые победителю в воздушном бою. Капитан Пушков тоже сердечно поздравил своего подчиненного и даже обнял его.

— Верь моему слову, Николай! Получится из тебя настоящий ас. Только не форсируй события. Всему свое время.

После несколько дней жестоких боев, во время очередной оперативной разборки, командир наконец согласился с настойчивыми просьбами Николая Захарова и дал добро на его участие в основных фазах воздушных сражений. Первые результаты этого решения не заставили себя ждать: с огромным трудом удалось младшему лейтенанту дотянуть до своего аэродрома и посадить покалеченный в бою ястребок. Хорошо еще, что сам пилот не получил тяжелых ранений, только небольшие царапины. Это был хороший урок, который бывший студент постарался усвоить.

Фронтвые будни были наполнены ежедневными многократными боевыми вылетами, редкими успехами, частыми потерями. Словом, кругом война: и на земле, и в небе. У Небесного Коли побед больше не случалось, а вот неприятности — постоянно. Но все эти небольшие проигрыши предстали перед молодым парнем в виде сущей ерунды после того, как понес он первую очень большую потерю. На подступах к Москве в ночном воздушном бою погиб его командир и учитель капитан Пушков.

Список личных потерь Коли Захарова становился все длиннее. Вскоре получил он письмо, в котором мама сообщала, что пришла похоронка на отца, и младший брат Васек, еще совсем мальчишка, убежал из дома на фронт мстить за него.

Уже приближалась решающая фаза битвы под Москвой, и тут, как выразился комэск, младшего лейтенанта Захарова прорвало. Одна за другой с интервалом лишь в несколько дней стали приходить долгожданные победы в воздушных боях. Всем однополчанам стало ясно, что среди них появился новый удачливый ас. Вот и наступило время умелого и терпеливого, отважного и прагматичного Небесного Коли. Понимал это и он сам, с благодарностью вспоминая своего наставника — незабвенного капитана Пушкова.

«Последний бой — он трудный самый...» Именно так и случилось. Уже стала для всех очевидна победа в битве под Москвой. И вот в одной из последних схваток с врагом в небе любимого города Николай получил очень тяжелое ранение. Его ястребок пострадал незначительно, а сам пилот после получения первичной медицинской помощи от полкового фельдшера был срочно отправлен в центральный военный госпиталь. Рана действительно оказалась очень серьезной: были повреждены внутренние органы. Особая опасность состояла в том, что вражеская пуля задела печень.

Николаю, конечно, повезло, что он оказался в лучшем госпитале страны, в руках прекрасных военных хирургов. За первой операцией уже через несколько дней последовала вторая, более сложная и

многочасовая. Но и она не предвещала благоприятного прогноза. Однако силы молодого организма, а может, и филигранное мастерство хирургов все же с течением времени одержали еще одну победу. Николай начал поправляться. Зловещая желтизна тела постепенно стала блекнуть. Вновь появился интерес к жизни, а с ним и страстное желание встать в строй защитников Отечества.

IV

Еще будучи ребенком, Коля временами замечал, что видит мир несколько иначе, чем другие люди. Особенно это проявлялось во время болезней и даже небольших телесных недомоганий. Так, еще учась в четвертом классе, мальчик заболел скарлатиной и был помещен в местную больницу. Там он и стал наблюдать свечение вокруг головы, а порой и всего тела, как у больных, так и у медицинского персонала. Свечение это было разным, меняющимся у выздоравливающих пациентов. Было интересно осознавать, что он временами слышит, а вернее, чувствует обрывки мыслей некоторых людей. Проанализировав эти странные явления, смысленный мальчик испугался. Ему, конечно, хотелось с кем-нибудь поделиться своими открытиями, но страх, что его не поймут, будут смеяться над ним, а то и прозовут сумасшедшим, психом, останавливал.

И все же после выписки из больницы Коля решил и рассказал об этих своих странностях самому близкому человеку — маме. Выслушав сына, она грустно улыбнулась и, обняв его, стала не спеша рассказывать про родню, про семейные предания и особенно подробно про свою мать, то есть Колину бабушку:

— Все были уверены, что она самая настоящая колдунья-ворожея. Говорили, что она, простая крестьянка, околдовала купеческого сына и заставила его жениться на ней.

— Кого? Моего дедушку? Да?

— Да, Коленька, говорят, что было так. — Мама ласково погладила сына по голове. — Может, через меня и тебе передались ее чары.

— А ты, мам, тоже можешь ворожить?

— Нет, сынок, только если совсем немного. Тебе же, похоже, дано больше.

Коля попросил маму рассказать об известных ей тайнах, научить его хотя бы немножко узнавать спрятанное от глаз простых людей. Сначала она не хотела этого делать, но по прошествии нескольких дней уступила настойчивым просьбам своего любознательного сына.

— Но ты мне, сынок, должен твердо обещать, что об этом никто и никогда не узнает. Это во-первых.

И, во-вторых, ты не будешь использовать эти знания и чары во вред людям. Никогда!

Коля искренне обещал. Потом, в дальнейшем, он иногда проверял свои чары в различных жизненных ситуациях, но делал это скрытно от людей, даже самых близких. Относительно часто он, глядя на фотографию, чувствовал, жив изображенный на ней человек или нет. Для этого нужно было поднести ладонь правой руки к фотографии и уловить исходящее от нее излучение. Если ладонь чувствовала своеобразное тепло, то значит, человек жив, а если от фото шел холод — то, стало быть, умер. Пассы играли лишь вспомогательную роль.

И в отрочестве, и в юности Коля больше никому не доверял своей тайны. Однако во время учебы в университете единственный раз он отступил от этого правила, о чем очень пожалел в дальнейшем.

В студенческом общежитии с Колей жил молодой человек родом из южной республики. У этого парня тяжело болел отец, и сын, естественно, постоянно справлялся о его здоровье. Сделать это бывало непросто, поскольку больница, где лежал его отец, находилась далеко от Москвы. Видя терзания своего соседа, Коля — добрая душа — опрометчиво предложил провести диагностирование. Как только ладонь руки оказалась вблизи фотографии, то сразу почувствовала колючий холод. Все стало ясно, и Коля, не став лукавить, рассказал об этом. Реакция последовала незамедлительно:

— Кто ты такой? Кто дал тебе право, шакал, хоронить моего отца?

Никакие объяснения и увещания помочь не могли. Из приятеля в один миг Коля превратился в лютого врага. Через несколько дней, когда смерть подтвердилась, ненависть соседа только увеличилась.

Это был тяжелый урок с очень неприятными последствиями. Хорошо еще, что комендант общежития, женщина пожилая и сердобольная, пошла навстречу просьбам и расселила враждующих студентов по разным комнатам.

V

Поправляясь после тяжелого ранения в центральном госпитале, Николай вновь ощутил яркое пробуждение своих чар и желание хотя бы как-то помочь людям, переживавшим за судьбу своих близких. Это были и соседи по палате, такие же, как и он, тяжелораненые офицеры, и младший медперсонал, в основном женщины разных возрастов.

Да, возраст у них был разный, но душевные муки весьма схожие. Их беспокоила судьба близких муж-

чин: мужей, сыновей, отцов, братьев... Были и женщины, получившие похоронку на родного человека, но отказывавшиеся верить в правдивость трагического сообщения.

Медсестры и санитарки любили показывать больным фронтовикам фотографии своих близких, рассказывать о них и задавать разные вопросы, от самых общих о войне до сугубо личных и наивных:

— Может, встречал ты, сынок, где-нибудь и моих родных?

Сначала Коля присматривался, прислушивался, но потом все же стал проводить свои опыты с фотографиями. Если человек был жив, то он так и говорил, причем весьма убедительно. Ну а если нет — то ничего не говорил, ссылаясь на некую неопределенность.

Одна старенькая нянечка, которую все звали тетей Катей, была совсем одинока: ее единственный сын погиб в боях под Москвой. Набожная старушка вроде бы уж и смирилась со своим горем, но было заметно: что-то не дает ей покоя. Чувствительный Коля улавливал тревогу сильнее других. С надеждой помочь ей он и спросил тетю Катю об этом.

— Страшно мне, Коленька, что сыночек мой где-то лежит не захороненным, неприкаянным, — проникновенно говорила несчастная мать. — А как это узнаешь?

Слегка поколебавшись, Коля все же решил попробовать и попросил тетю Катю принести фотографию сына. Как только увидел он фото, то сразу удостоверился в смерти изображенного на ней губастенького паренька. Но это было полдела. Нужно было получить ответ, хотя бы приблизительный, про место захоронения парня. Для этого фотография была аккуратно положена под подушку. Засыпая поздним вечером и манипулируя своим сознанием, Коля старался настроиться на нужную картину. Сначала появлялись неопределенные и смутные видения. Наступило некое подобие сна, а затем в преддверии транса появилась необыкновенная легкость во всем теле. Казалось, что Колина чувствительная натура перешла в бесплотное состояние. Стали появляться довольно внятные картины, которые быстро сменялись, будто кто-то листал страницы книги.

Внезапно это мелькание прекратилось, и Коля ощутил себя между опушкой леса и полем, еще сохранившим остатки подтаявшего снега. На противоположной стороне поля виднелось несколько изб, в окнах которых светились тусклые огоньки. У самой опушки леса вздымался еще довольно свежий бугор земли с врытой в него дощечкой. На этом импровизированном памятнике были написаны имена и фамилии захороненных здесь солдат, среди которых значился и сын тети Кати.

Пришедшее чувство удовлетворения затуманило картину. Тело вновь ощутило свое единство с душой, и вскоре наступил крепкий и здоровый сон выздоравливающего после ранения молодого мужчины.

На следующее утро, возвращаясь в палату после традиционного туалета, Коля увидел у своей кровати нетерпеливо ждущую его тетю Катю. Трудно определенно сказать, почему она так безоговорочно верила всему, что предсказывал молодой летчик. Возможно, что на его праведность указывало глубокое религиозное чувство.

— Ну что скажешь, Коленька? — Старенькая санитарка смотрела на него наивным взглядом малого ребенка, заранее соглашаясь со всеми его выводами.

Коля не стал отвечать тете Кате в присутствии других пациентов палаты, а пригласил ее пройти в небольшой холл, располагавшийся почти в центре госпитального коридора. Там, усевшись друг напротив друга, они и поговорили по душам. Коля все рассказал с подробностями о своих ночных видениях.

— Только что за деревня, я сказать не могу. Похоже, что это остатки какого-то поселка — всего три-четыре дома, уцелевшие после фашистского погрома. Что же касается остального, то все обстоит именно так. Я ручаюсь!

— Спасибо, спасибо, хоть этим утешусь. — Из небесно-голубых глаз тети Кати текли тоненькие ручейки слез. — Какой же ты, Коленька, необычный, божий человек, истинно небесный...

VI

Приближалось время выписки младшего лейтенанта Захарова из госпиталя. Он значительно окреп, и хотя последствия ранения не исчезли совсем, особенно беспокойства они не вызывали. С большим волнением готовился Николай к медицинской комиссии, которая должна была определить его дальнейшую судьбу. Чувство неопределенности не покидало его. То приходила уверенность, что он будет признан абсолютно здоровым, то накатывали сомнения и страх оказаться зачисленным в разряд инвалидов. И все же вердикт врачей прозвучал весьма обнадеживающе: «Годен к строевой службе с некоторыми ограничениями».

После выписки из госпиталя младший лейтенант был отправлен в профилакторий для летного состава на реабилитацию. Располагался спецсанаторий в гуще соснового бора в глубоком тылу. Для тяжелого военного времени местечко это было уголком рая, в котором имелись все условия для быстрого восстановления здоровья.

Значительная часть долечившихся офицеров с большой неохотой покидала профилакторий. Но были и другие, которые буквально считали дни, стремясь как можно быстрее уйти в действующую армию и снова бить ненавистного врага.

Николай Захаров не относился ни к тем, ни к другим. Да, он всей душой ненавидел посягнувших на его Родину фашистов, но в отличие от некоторых горячих голов стремился не просто воевать с врагом, а именно побеждать его. Но для этого нужно быть в надлежащей физической форме. Следовательно, надо долечиться, ведь просто глупо жертвовать собой ради призрачной надежды на победу. Стремясь восстановиться за короткий срок, Николай неукоснительно выполнял все рекомендации врачей. Кроме того, зная и чувствуя свой не совсем обычный организм, применял и мистические методики. Результат оказался весьма впечатляющим.

По истечении срока реабилитации младший лейтенант отбыл в учебный авиационный полк для дальнейшего прохождения службы. Николаю предстояло восстановить свои летные навыки и освоить новую технику, поступившую на вооружение Красной армии.

VII

В соответствии со званиями военнослужащих всех родов войск принято подразделять на три основные части: солдаты (матросы, сержанты, старшины), офицеры, генералы (адмиралы, маршалы). В народе широко бытует мнение, что основной, стержневой силой армии являются солдаты.

Любая наука имеет свои специфические определения, законы и параметры, с помощью которых она качественно и количественно описывает и анализирует процессы, изучаемые ею. У военных историков тоже есть своя статистика. Один из таких параметров иногда называют коэффициентом мужества, числовое значение которого довольно сложным образом зависит от множества факторов: общего количества участников боевых действий, количества убитых, раненых, сдавшихся в плен и еще ряда иных. Принято считать, что чем выше этот коэффициент, тем лучше солдаты. Этот параметр абсолютно беспристрастно расставляет всех по ранжиру.

Какие же солдаты обладают наибольшим коэффициентом мужества? Наши? Нет, немецкие. Наши лишь замыкают первую тройку.

У генеральского корпуса заслуги еще скромнее. Остряки утверждают, что один из сегодняшних российских генералов даже занесен в Книгу рекордов

Гиннеса как единственный в мире генерал, трижды побывавший в плену.

Ну а как оценивает история заслуги наших офицеров? Однозначно! Они имеют наивысший показатель мужества среди командиров среднего звена всех армий и всех народов. Как поется в песне:

Наш бывалый комбат капитан
Чисто выбрит и чуточку пьян.
Только гул перед атакой замрет —
Капитан раньше всех на секунду встает.

Сколько их полегло за землю нашу многострадальную! Да, офицерский корпус является стержнем любой боеспособной армии. Офицер не только тактик, организатор и воспитатель, но и самый непосредственный участник кровавого боя. В первую очередь именно офицерам мы обязаны победами на полях сражений Великой Отечественной войны.

VIII

После прохождения месячной стажировки в учебной воинской части в самый разгар лета Николай Захаров прибыл, наконец, в расположение полка фронтовой истребительной авиации.

Встретили его не очень-то приветливо. Постоянно хмурый командир полка майор Ковальчук и особенно комэск, носивший знаменитую фамилию Лещенко, вроде бы и не были рады пополнению своих рядов.

Полк вместе со всей армией отступал под напором превосходящих сил противника. Постоянно, через каждые пять-шесть дней, приходилось менять дислокацию фронтового аэродрома, все дальше уходя на восток. Помимо всего прочего это создавало массу трудностей для вспомогательных технических служб, не говоря уж о постоянной нервозности командного состава.

Первые вылеты младшего лейтенанта лишь условно можно было назвать боевыми. Он остерегался ввязываться в воздушные разборки с немецкими летчиками, а лишь продолжал восстанавливать и совершенствовать навыки пилотирования. Это не могло остаться незамеченным.

— Что, интеллигент, наложил в штаны со страху? — после возвращения с очередного задания по-хамски спросил комэск.

Обида обожгла Николая, но он не стал ничего объяснять, а лишь сумрачно опустил голову. Слова казались ему крайне несправедливым, но у Лещенко были свои резоны.

Уже потом, многократно побывав в разнообразных боевых ситуациях, Николай понял, что его не-

посредственный командир — храбрый и отчаянный человек, но весьма посредственный летчик. Результатом неумелых атак были не только многочисленные ранения самого пилота, но и большие повреждения его ястребка. Этот факт иллюстрировался знаками отличия: на груди Лещенко было несколько нашивок, свидетельствующих о полученных ранениях, и лишь один орден Красной Звезды. А вот грудь его подчиненного помимо нашивок украшали два ордена.

Недружелюбность командиров с лихвой компенсировалась за счет прикрепленного к его самолету отличного техника-механика и чудесного человека — старшины Ивана Кузьмича Демина. Техническое состояние самолета обеспечивает не меньше половины успеха в воздушном бою, а оно у Кузьмича всегда было безупречным.

Почти все однополчане именно так его и звали — Кузьмичом. А вот воспитанный молодой командир не решался фамильярничать, памятуя о том, что старшина по возрасту существенно старше. Ситуацию разрядил сам Кузьмич:

— Командир, — обратился он к Николаю, — перестань официальничать. Зови меня как все — Кузьмичом, по-простому...

— А вы не обидитесь?

— Чего же здесь обижаться? Да на тебя вообще-то обижаться нельзя. Ты ведь и муху не обидишь, — лукаво улыбаясь, убеждал Иван Кузьмич. — Правда, это только на земле, а там, в воздухе, ты герой, настоящий небесный воин...

Последнее утверждение старшины основывалось на недавнем событии: Николай сбил фашистского штурмовика.

Немецкий самолет барражировал над колонной наших танков, отступающих на восток, изредка поливая их из своих пулеметов. Наверное, основная задача немца заключалась в сборе разведывательных данных, а безнаказанная стрельба по колонне являлась просто забавой «сверхчеловека». Фашист был один, и Николай, быстро просчитав в уме его возможный маневр, с ходу, как на учебных занятиях, зашел ему в хвост и длинной очередью превратил вражеский самолет в факел.

Правда, при заходе ястребок младшего лейтенанта выполнил своеобразный малорадиусный кульбит, что тут же отозвалось болью в правом боку его командира, и на губах выступила кровь. Боль эта вскоре прошла, но заставила серьезно задуматься о себе.

Николай доложил о сбитом стервятнике, но радость победы омрачилась холодной реакцией командования. Слов похвалы победитель не услышал. Но если Ковальчук все же пожал ему руку, то комэск отвернулся с гаденькой улыбкой на лице. С каждым

днем мнение младшего лейтенанта о своем командире становилось все хуже и хуже.

Другие пилоты полка, в основном такие же молодые лейтенанты, гораздо радушнее встретили весть о победе Николая в воздушном бою, но больше всех радовался, конечно, его механик Кузьмич. Помимо выполнения ратного долга перед Родиной имел он и сугубо личный счет к фашистам. Уже несколько месяцев не получал старшина никаких вестей о своей семье, оказавшейся на территории, занятой врагом. Да и ранее из дома получал он лишь горестные известия: уже многие мужчины Демины пали на полях сражений.

Относительно успокоившись после воздушного боя, Николай поделился с Иваном Кузьмичом своей тревогой, вызванной болью в груди, возникшей при выполнении фигуры высшего пилотажа.

— Я в медицине не силен, — задумчиво рассуждал старшина. — Может, попробовать перетянуть живот, да и всю грудь чем-то вроде бинтов? Тогда все внутренности не будут ерзать, а останутся на своих местах даже при перегрузках? А? Давай попробуем!

Достать перевязочный материал для хозяйственного Кузьмича особой проблемы не составило. Он подошел к выполнению поставленной задачи ответственно и творчески. После нескольких не совсем удачных попыток появился лучший вариант — некое подобие бандажа-жилетки, сшитой в несколько слоев из плотной парашютной ткани. Со спины этот бандаж стягивался крепкими стропами-веревками.

Постоянное давление тугой стяжки создавало явный дискомфорт, но зато при крутых маневрах перегрузки переносились несравненно легче. Процесс привыкания к бандажу, который Николай стал называть «жилеткой Кузьмича», прошел без особых сложностей, хотя и не очень быстро. После нескольких тестовых проверок наступил и реальный случай проверить надежность бандажа. Произошло это в воздушном бою вблизи небольшой деревеньки у самого берега Волги. В поединке с мессершмитом Николай решил на очень крутую петлю, что и дало его ястребку решающее преимущество. В результате уже через несколько секунд младший лейтенант Захаров праздновал очередную победу. Он, конечно, понимал, что полноправным соавтором этого успеха был его верный Кузьмич.

Доложив после боя о своей победе, Николай рассказал и о «жилетке Кузьмича». Однако реакция однополчан была совершенно неожиданной. Только смех, остроты, подковырки — и все. Ничего серьезного.

— Что тут скажешь? — грустно рассуждал старшина Демин. — Какие мы есть — такие и есть. Нам не до хитростей...

Вообще отношения младшего лейтенанта со своим техником-механиком мало напоминали отношения командира с подчиненным. Это было дружеское сообщество, где старшим товарищем чаще выступал Иван Кузьмич.

Но был у Николая Захарова и явный доброжелатель. Им являлся комиссар полка майор Марк Иосафович Чистовский. Пожилой человек, бывший штурман, он еще в финскую войну получил тяжелое ранение, после чего его и хотели списать вчистую. Однако коммунист с большим партийным стажем сумел убедить высшее командование и остаться в армейском строю, правда, уже в качестве политработника.

У стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление, что комиссар практически не вмешивался в работу комсостава, а лишь наблюдал за ним. Да, он действительно редко высказывал свое мнение, но при этом однозначно добивался следования ему. С одной стороны, Чистовский вроде бы проявлял доброжелательность и даже снисходительность, но с другой — весь командный состав полка явно боялся его. Были у комиссара и еще какие-то скрытые задачи в полку, и не только. Временами он покидал расположение своей части и какое-то время, как говорили некоторые осведомленные офицеры, принимал участие в неких проверках на стороне.

К младшему лейтенанту Захарову Марк Иосафович испытывал отеческие чувства. Каждодневные встречи в дни отступления не располагали к неформальному общению, но все же иногда им удавалось поговорить по душам. Комиссара интересовало все: и Колино детство, и учеба в университете, и битва под Москвой... Порой темы коротких бесед уходили далеко от насущного. Так, один раз Марк Иосафович поинтересовался мнением Коли о поэзии Тютчева. В общем младший лейтенант понимал, что в случае чрезвычайной ситуации комиссар не даст его в обиду.

Тем временем положение наших войск становилось все тревожнее. Вот уже и берег великой русской реки — отступать дальше некуда.

Фронтной аэродром истребительного полка, в котором воевал младший лейтенант Захаров, передислоцировали на противоположный берег Волги. Комиссар Чистовский уверял, что это крайний рубеж, что здесь следует основательно закрепиться. Широкая река — хорошая защита, но опасная переправа. Поэтому основной боевой задачей полка стало прикрытие с воздуха этой переправы, по которой

постоянно наносили удары и вражеская артиллерия, и бомбардировочная авиация.

В первые дни Сталинградской битвы порой казалось, что в стыке двух огненных стихий образовалась гигантская адская мясорубка, выход из которой может быть только один — смерть. За каждые сутки боев авиационный полк безвозвратно терял по несколько самолетов. Не только солдат, но и офицеров стало охватывать отчаяние. Безысходность происходящего очень ярко проявлялась в поведении комэска Лещенко. Он и раньше никогда не отличался дружелюбием по отношению к своим подчиненным, а теперь стал просто агрессивным.

— Ты чего расселся в присутствии командира? Может, притомился с непривычки? — заплетаясь языком задирался он к младшему лейтенанту Захарову. — Я тебе покажу еще, как советскую Родину любить...

— Что вы от меня хотите? — тихо произнес смертельно уставший летчик.

— Хочу? Да меня тошнит, чистоплудный паршивый, от твоей вежливости, — и опьяненный не только водкой, но и безнаказанностью Лещенко замахнулся на Николая.

Увернуться от пьяного комэска не составляло особого труда, но выносить глумления над собой не было никакой возможности. Николай резко выпрямился и кинулся прочь из своей землянки.

Еще раньше, дважды, младший лейтенант Захаров обращался с просьбой к командиру полка перевести его в другую эскадрилью. Просьбы остались без ответа. Теперь в безутешности своей он решил обратиться к комиссару. Совесть молодому человеку очень не хотелось использовать в своих личных целях его благосклонность, но иного выхода не было.

— Расскажите мне все, Николай, поподробнее, — спокойным тоном попросил майор Чистовский, хотя он и так прекрасно знал сложившуюся в эскадрилье ситуацию. — Только без прикрас.

Коля, стараясь быть максимально правдивым и объективным, все рассказал и про прошлые обиды, и про сегодняшней недостойный офицера поступок комэска:

— Только не могу понять, чем я ему не угодил? Почему он так меня ненавидит?

— Эх, Николай, Николай! Это просто злобная зависть неудачника к настоящему небесному воину. Только и всего, — комиссар помолчал какое-то время, а затем улыбнулся своими впитавшими вековую грусть глазами. — Ничего, вам я обещаю помочь. А вот что делать с Лещенко, никак не могу решить. Не понимает он слов человеческих...

IX

На следующем утреннем построении полка было объявлено, что младший лейтенант Захаров и техник Демин переводятся в другую эскадрилью. Теперь их непосредственным командиром становится капитан Евгений Иванов.

Новый комэск был неплохим пилотом и отличным хозяйственником. Образцовый порядок в эскадрилье, дух фронтового товарищества, полный порядок и компетенция, разумная соревновательность и взаимовыручка — все это делало его боевую часть почти идеальной. Требовалось еще только одно: иметь в составе эскадрильи хотя бы одного высококлассного аса.

Раньше такой пилот, Герой Советского Союза, был, но после его гибели подходящей замены не находилось. Николай Захаров, конечно, еще не достиг высшего мастерства ведения воздушного боя, но его победы впечатляли.

В народе бытует мнение, что жизнь наша похожа на тельняшку, в которой чередуются темные и белые полосы. Как бы то ни было, но в эти кровопролитные дни сражения на берегах Волги у Коли наступила светлая полоса. Кроме перевода в другую эскадрилью в те же дни получил он еще один орден и очередное воинское звание — лейтенант. Теперь уже никто из однополчан не станет подшучивать над ним, называя микромайором. Но это было только начало.

Комиссар Чистовский проводил в полку какую-то невидимую, скрытую от глаз личного состава работу. В чем она заключалась, не знал никто, даже командир. Только иногда обращала на себя особая внимательность майора при наблюдении самых обычных эпизодов фронтовой жизни. Замечали, что он встречался один на один с офицерами НКВД, которые временами появлялись в расположении полка. И вот однажды, сразу после обеда, когда эскадрильи готовились к очередным боевым вылетам, лейтенанта Захарова вызвали к комиссару.

— Есть у меня к вам, Николай, просьба, не совсем обычная. — Чистовский говорил негромко, вполголоса. — Нужно отнести эту шифровку в центр связи армии и передать из рук в руки капитану Белову, удостоверившись, что он зафиксировал ее в своем рабочем журнале.

— Слушаюсь! Не беспокойтесь, Марк Иосафович, все будет выполнено в лучшем виде. — Николай был рад оказаться полезным искренне уважаемому им человеку. — Но когда следует идти в центр связи, ведь скоро у меня вылет?

— Идите сейчас, а о вылете не беспокойтесь. Это моя забота, — комиссар устало улыбнулся. — Сколь-

ко этих вылетов еще впереди? Так что передохните немного.

В относительной близости от аэродрома, примерно в двух километрах, располагался армейский центр связи со всякими сопутствующими службами. Коля раньше никогда там не бывал, но каждый день, и неоднократно, смотрел с высоты птичьего полета на распластанное по земле широкое одноэтажное здание непонятного цвета и понатыканные вокруг него блиндажи и землянки. К центру вела петляющая по пересеченной местности утрамбованная дорога, по которой изредка бегали машины.

Морозец в тот день был небольшим, но неприятный ветер зарядами выюжил над полем. Небольшая пороса временами оседала на дороге, однако очередной порыв ветра вскоре удалял и этот небольшой снежок. Коля ежился под напорами ветра и ругал себя за то, что надел шинель. Конечно, в привычной летной куртке было бы куда как уютнее и теплее. И все же настроение было неплохим — неожиданное поручение комиссара приятно разнообразило боевые будни.

Подходя к зданию центра связи, Коля стал взглядом искать вход. И вот тут произошло знаковое событие, которое напрочь вывело его из равновесия. По практически перпендикулярно протоптанной тропинке шла девушка в овчинном полушубке, да так быстро, что чуть не наткнулась на остановившегося под действием необычайного видения лейтенанта. Через несколько мгновений недоумение в угольно-черных глазах девушки-сержанта сменилось явным интересом.

— Вы кого-нибудь ищите, товарищ лейтенант? — игриво спросила она.

— Да, вот... не знаю... как-то так... искал, — лепетал ослепленный ее присутствием летчик-истребитель, но потом все же собрался и более или менее внятно объяснил цель своего визита.

— Я вам помогу, — зазывно, по-девичьи, засмеялась незнакомка. — Идите за мной. Не бойтесь, не пропадете...

Вход снаружи здания охранял солдат с автоматом, но похоже, что охрана эта была просто так, для проформы. Основной контрольно-пропускной пункт располагался за дверью, в теплом помещении.

Дежурный офицер внимательно просмотрел документы лейтенанта Захарова и выслушал его объяснения. Затем он позвонил по внутреннему телефону и вызвал на встречу капитана Белова. Все это время девушка-сержант находилась рядом с Колей и с озорной улыбкой продолжала рассматривать его. Только после того, как дежурный предложил пилоту

подождать и даже посоветовал присесть на лавочку, попутчица, смеясь, проворковала:

— Ну я пойду? Если соскучитесь, приходите, — и с похожей на танец припрыжкой устремилась по коридору вглубь здания. — Меня зовут Ритой, Ритой Малышевой.

— А я Коля Захаров, — сдавленно произнес лейтенант.

Вскоре появился капитан Белов, и Николай чет-ко выполнил поручение комиссара.

На обратном пути в свой полк лейтенант Захаров продолжал находиться под очарованием встречи с Ритой Малышевой, ее образ настойчиво будоражил сознание. «Какая симпатичная и озорная. Подумаешь, симпатичная! Ну и что? Сейчас все девчонки покажутся симпатичными: война...»

Однако попытки развеять эти чары не давали положительного результата. В его мятущейся душе появилось видение большой чаши, до краев наполненной каким-то благоухающим бальзамом. Жидкость эта бурлила и вот-вот могла вылиться через край. Внутренний голос хотя и ненастойчиво, но все же посоветовал остудить бальзам, не доводить его до бурлящего состояния. Убеждал, что не надо торопиться, что еще не пришло время. «Легко сказать — не торопись», — старался по-земному рассуждать Небесный Коля.

Подходя к месту дислокации своего полка, Николай постарался придать своему внешнему виду привычную собранность. Получалось это плохо, поскольку в душе не затихало почти броуновское движение. Состояние своего порученца не мог не заметить наблюдательный комиссар, и в ответ на доклад о выполнении задания, слегка улыбувшись, покивал головой:

— Хорошо, Николай, хорошо. Теперь, наверное, вы уже с большим желанием будете посещать центр связи?

— Так точно, Марк Иосафович! Буду рад выполнить любое ваше поручение.

«Молодой парень попал в цветник и, естественно, потерял покой. Все очень понятно», — подумал комиссар, а вслух произнес:

— Буду иметь в виду вашу готовность. Обещаю...

Х

Однако проходили дни, наполненные боевыми вылетами, поражениями и удачами, горькими потерями и победами, а майор Чистовский не спешил выполнять свои обещания. Душевное смятение Коли поутихло, но только слегка. Ему по-прежнему хотелось вновь заглянуть в смешливые черные глаза. В дни жестоких сражений, когда один боевой

вылет сразу сменялся другим, когда почти не оставалось времени даже на еду и сон, уйти из расположения части было никак нельзя. В общем-то терпеливый молодой человек находился в мучительном ожидании. И все же выход из этого положения неожиданно нашелся, да еще какой радостный...

В одном из каждодневных воздушных столкновений с врагом у самой кромки противоположного берега Волги лейтенант Захаров и его ястребок ухитрились в одном бою уничтожить сразу два немецких самолета. Причем были эти стервятники даже не мессершмитами, а вооруженными до зубов бомбардировщиками «Фокке-Вульф 200». Такая удача случается крайне редко даже у самых выдающихся асов. Конечно, и ястребок получил заметные повреждения, но его пилот, как заговоренный, вышел из воздушной мясорубки целым и невредимым.

Лейтенант Захаров прекрасно понимал, что заслуживает награды, да и Кузьмичу требуется время, чтобы залатать его самолет, так что все шло к увольнительной, хотя бы часа на два. Он обратился с этой просьбой к своему теперешнему комэску, с которым сложились нормальные товарищеские отношения.

— Постараюсь, Коля, — согласился помочь капитан Иванов. — Сейчас же пойду к командиру. Да не убеждай меня, и так знаю, что заслужил.

Результат похода комэска к командиру полка превзошел все самые лучшие ожидания: лейтенанту Захарову была выдана увольнительная на весь вечер.

Николай шел по слегка запорошенной свежим снегом дороге, убыстряя шаг. На одном дыхании дойдя до основного здания центра связи, он почти влетел в уже знакомую проходную.

На этот раз дежурил другой офицер. Лейтенант представился, показал свои документы и попросил вызвать Маргариту Малышеву. С некоторой задержкой и явно недружелюбно посмотрев на Николая, дежурный все же выполнил его просьбу.

Вскоре появилась и быстроходная Рита. Могло показаться, что она не вышла, а вынырнула из сумрачного пространства коридора.

— А, это вы, лейтенант, соскучились? — она кокетливо улыбнулась, и в ее глазах появились прыгающие чертики. — Я тоже хотела вас увидеть. Подождите меня немножко, я постараюсь найти замену...

Рита упорхнула, оставив Колю в ожидании под неприязненным взглядом дежурного офицера. Хорошо, что ждать пришлось недолго. Вскоре в накинутом на плечи полушубке появилась сержант службы связи.

Выйдя из здания, Рита с ходу пригласила Колю зайти к ней в гости в землянку, которую делила со

своими подругами, такими же, как и она, юными радистками.

— Да не стесняйтесь! Здесь так холодно, а я угощу вас чаем, с настоящей заваркой...

В девичьей землянке было тепло и уютно, не то что в общежитии ребят-пилотов, и Коля совсем растерялся.

— Только давай не шуметь, — Рита уже перешла на «ты». — Девчата отдыхают после дежурства.

За матерчатой занавеской угадывалось несколько лежачих мест: не то кроватей, не то топчанов. В небольшом закуточке, где расположились Рита с Колей, стояли стол, накрытый куском парашютной материи, и две табуретки. Рита пощупала чайник и, покачав головой, поставила его разогреваться на топившуюся рядом печку-буржуйку.

— Здесь тепло. Раздевайся, Коля, не стесняйся, мы же простые девчата...

Как только лейтенант расстегнул свою куртку и стал ее снимать, Рита, увидев его украшенную гимнастерку орденами, вскрикнула:

— Ой! Надо же, какого сокола я заловила.

За занавеской послышалось недовольное ворчание, и Рита, приложив палец к губам, уже молча, с помощью мимики, стала выражать свой восторг и удивление. Чертики в ее глазах теперь не просто прыгали, а выполняли какие-то замысловатые движения: не то танцевальные, не то акробатические. Коля продолжал молчать, а она внимательно рассматривала его награды. Ласково погладив указательным пальцем нашивки за ранения, Рита проникновенно прошептала:

— Беденький ты мой...

XI

Любовь человеческая разнообразна, а последствия ее порой просто поражают своей непредсказуемостью. Да и не у всех людей она случается. Чаще всего в мирской жизни встречается любовь плотская, похожая на физическое притяжение противоположных зарядов с разными знаками. Когда заряды достигают больших абсолютных значений, появляется непреодолимое взаимное влечение, а разум и воля отходят на второй план. Такая любовь побуждает людей к безумству. В истории много таких примеров.

Бывает и другая, приходящая свыше любовь. При возникновении этого душевного чувства исчезает само понятие эгоизма. Его обладатель боготворит объект своей любви, служит ему бескорыстно и самоотверженно. Смысл своего существования представляется ему только в виде поклонения этому несравненному божеству. При всем кажущемся бла-

городстве такого чувства оно делает человека самым настоящим рабом. И горе тому, кто усомнится в правильности его любви. Таких примеров тоже хватает в нашей истории.

Редко, очень редко встречается человек, объединивший в себе эти две ипостаси. В нем гармонично сочетается физическое и духовное. Причем не просто дополняя друг друга, а корректируя и устраняя фанатические язвы в любых их проявлениях. Возникает такая всеобъемлющая, лучезарная любовь в натурах не совсем обычных, у людей с душой, открытой миру. Вот именно такая любовь и посетила Колю Захарова.

XII

Уроженка юга России Маргарита Малышева выросла в небольшом поселке, уткнувшемся носом в самый берег Черного моря. Все население поселка по месту и роду своей деятельности делилось на две примерно равные части. Одна из них занималась выращиванием винограда в местном совхозе, а другая трудилась в расположенной поблизости широко известной всесоюзной здравнице.

В семье Малышевых росли три дочери, Рита была средней. В школе она хорошо училась почти по всем предметам, но особенно нравилась ей физика, позволяющая заглянуть внутрь вещей и явлений природы. Вместе с мальчишками умненькая девочка занималась в школьном радиокружке. Смонтированные ею детекторные радиоприемники даже выставлялись на местных выставках.

За несколько лет до начала Великой Отечественной войны обычный сносный быт семьи был нарушен арестом отца. Правда, через несколько месяцев он вернулся и вновь, мрачный и исхудалый, стал работать там же, в ремонтной мастерской. Толком никто не мог понять причину его ареста, а сам Ритин отец ничего не рассказывал. Тем не менее клеймо так и осталось на семье Малышевых.

После окончания школы Рите очень хотелось продолжить учебу в каком-нибудь техническом учебном заведении. Поэтому и решила она уехать в большой город центральной России. Однако поступить учиться в техникум ей не удалось: помешали анкетные данные. Неунывающая девчонка стойко перенесла эту неудачу и пошла работать на трансформаторный завод с надеждой, что в дальнейшем ей все же удастся продолжить учебу.

Вскоре началась война. Повинуясь общему порыву, Рита хотела уйти добровольцем на фронт, чтобы попасть в действующую армию. В призывном пункте после довольно длительной беседы коман-

дование приняло решение отправить ее на курсы радистов.

На этих учебных курсах Маргарита Малышева оказалась одной из самых лучших, отлично успевающих девушек. Ей уже грезилась засылка в тыл врага, участие в важных разведывательных операциях, но опять подвела анкета. В результате после окончания курсов Рита была отправлена в тыловые части. Места ее службы менялись, и вот оказалась она на берегу Волги в центре связи армии.

XIII

Про регулярность свиданий Риты и Коли говорить, конечно, не приходится, да и частыми их тоже не назовешь. Искра любви разгоралась все сильнее. Причем с каждым разом свидания становились все ярче и желаннее.

Коля всеми правдами и неправдами стремился вырваться за ограждения своего аэродрома. Там, в непосредственной близости от основного здания, его предприимчивая подруга сумела отыскать уголок в помещении склада обмундирования. По словам Риты, в этом полуподземном помещении служила ее лучшая подруга. Не только в укромном местечке склада, но и в Ритиной землянке, а порой и чуть в сторонке от дороги, соединяющей их войсковые части, где кучно росли молодые березки, проходили романтические встречи. Случалось, что, не дождавись своего сердечного друга, Рита приходила к его аэродрому и просила дежурного офицера вызвать к ней лейтенанта Захарова. Однако оба раза Николай был на задании, так что свидания с ним не получились.

В один из этих визитов к девушке-сержанту вышел старшина Демин, как он сказал, познакомиться с подругой своего командира. Рита однозначно понравилась Кузьмичу, хотя сначала его все же слегка насторожило ее бойкое поведение. «Нет, хорошая девушка, — успокоил себя старшина. — А побаиваюсь за Колю потому, что уж больно он мне дорог».

Конечно, весь личный состав полка знал о сердечном увлечении своего товарища, а многие молодые пилоты отчаянно завидовали счастливцу:

— Везет же этому Небесному Коле не только в воздухе, но и на земле...

Коля и Рита в большинстве своем виделись урывками. Тем не менее даже мимолетные встречи приносили Коле уверенность и радость, наполняли его фронтную жизнь силой физической и духовной. Теперь он бил фашистов не только по долгу сына Отечества, не только мстил за своих близких и поруганную землю предков, но и охранял свою любовь.

В редкие минуты, когда удавалось уединиться в теплом уголке интендантского склада, наступал пик счастья. Мечтательный Коля строил радужные планы на будущее, в чем-то несравненно хорошем убеждал свою любовь, но Рита ладошкой закрывала ему рот и, поплотнее прижавшись своим молодым телом, исступленно шептала:

— Мне, Коленька, ничего не надо. Только люби меня, только люби...

Однажды вечером по возвращении в расположение полка после счастливого свидания с Ритой Николаю сообщили, что его просил зайти майор Чистовский. В радостном, приподнятом настроении он незамедлительно появился в комиссарском блиндаже. Увидев вошедшего лейтенанта, политработник взмахом руки прервал его уставной доклад и, подойдя почти вплотную, улыбаясь, сказал:

— Хочу сообщить вам, Николай, приятную новость: наверх направлено представление вас к званию Героя Советского Союза.

— Спасибо, Марк Иосафович. Служу Советскому Союзу!

— Это, конечно, только представление, но полагаю, что наше мнение будет учтено, да и объективно двадцать сбитых стервятников говорят сами за себя.

Радостное состояние сегодняшнего вечера стало перерастать в эйфорию. «Жалко, что не могу сообщить эту новость Риточке, — проблеснула мысль в возбужденном сознании. — Может, попросить?»

Но просить ни о чем не пришлось. Мудрый комиссар все прекрасно понимал и желал молодому человеку только хорошего.

— Разрешаю на полтора часа оставить расположение полка, но чтобы без опозданий: одна нога здесь, другая там.

— Спасибо, Марк Иосафович! — лейтенант был на вершине счастья.

Коля не шел, а летел. В его воображении рисовались удивление и безудержная радость Риты в ту минуту, когда она узнает о случившемся. Он твердо решил, что только скажет ей об этом и сразу уйдет. Пусть все прочувствует, оставшись одна.

Однако радостного мимолетного свидания не получилось. Может, мимолетным оно и было, но уж никак не радостным. Зная, что сегодняшней ночью Рита не на дежурстве, Коля сразу направился в ее землянку. Но там ее не было.

— Риту вызвал к себе наш командир, — ответила, надевая шинель, одна из девушек, готовящаяся заступить на дежурство.

Она же объяснила симпатичному лейтенанту, как найти блиндаж их командира-майора, фамилию которого Коля не запомнил. Режущее неприятное

чувство пронизало его грудь. Возникло предчувствие чего-то ужасного.

Быстро найдя блиндаж командира радисток, лейтенант Захаров попытался войти в него без стука.

Куда исчезла его вежливость? Дверь была закрыта изнутри, и Коля изо всей силы рванул дверную ручку. Сломав щеколду, он увидел ужасную для себя картину: его Риту обнимал полураздетый незнакомый мужчина.

— В чем дело? Что нужно? — разъяренный хозяин помещения прыжком оказался рядом с неожиданным и совсем не нужным посетителем.

В следующее мгновение он уже лежал на полу. Коля никогда не был драчуном, даже в детстве, боксом тоже не занимался, но удар получился превосходным — достаточно сильным и точным, прямо в майорскую челюсть. Рита кинулась к Коле и, толкая его ладонями в грудь, прокричала:

— Уходи, уходи быстрее...

Он не сопротивлялся. Механически повернувшись кругом, Коля вышел из блиндажа и пошел, но не в свой полк, а куда глаза глядят.

XIV

Комиссар Чистовский терял терпение. Прошло уже больше трех часов, а Николай все не возвратился. «Ну погоди, Небесный Коля, — негодовал комиссар. — Получить ты у меня на всю катушку...»

Тревожное ожидание нарушил звонок полевого телефона. Звонили из армейской комендатуры:

— Вот задержали вашего лейтенанта Захарова. Какой-то он странный: не то пьяный, не то не в себе!

— Спасибо за сообщение. Минут через двадцать буду у вас, — вслух произнес майор Чистовский, а про себя выругался.

Примерно через час находящийся в невменяемом состоянии лейтенант Захаров был доставлен в расположение своей воинской части и отправлен на гауптвахту. «Так будет правильно, — подумал опытный политработник. — И наказание получит, и будет время очухаться».

Охрана гауптвахты осуществлялась почти формально. Этим обстоятельством не преминул воспользоваться предприимчивый Иван Кузьмич. Спокойно преодолев охрану в лице хорошо знакомого ему солдата, он оказался в некоем подобии землянки с щелястым верхним накатом. Все арестантское помещение было разделено фанерной перегородкой на две части: для рядового и для офицерского состава. В офицерской камере на табуретке сидел Николай и бездумно смотрел, как через щель в потолке пробивается снежок.

Кузьмич, не здороваясь, присел на низкую лавочку и, вынув из-за пазухи бутылку водки, наполнил до половины стакан.

— На, выпей. Должно полегчать, — хозяйственный старшина предложил своему командиру и закуску в виде соленого огурца с куском черного хлеба. — Я к тебе в душу не лезу, но только стажи: из-за Риты?

— Да, Кузьмич, да!

— Понятно, предала она тебя. Бабы — они стервы. Все горести из-за них...

— Налей еще, Кузьмич, — Коля протянул своему механику пустой стакан.

— Нет, хватит. Это для душевного равновесия, а если будешь пить дальше, то станет еще хуже, — увещевал опытный старшина. В отношениях с командиром и на этот раз старшим оказался он.

Тем временем, находясь в тревожном раздумье, комиссар отдал приказ срочно разыскать старшину Демина. Опытный политработник разумно полагал, что Николай может чистосердечно поведать о своих приключениях только своему другу механику. Вскоре вытянулся в струнку перед комиссаром Иван Кузьмич.

— Что, старшина, успел повидаться со своим лейтенантом?

— Так точно, товарищ майор, — честно ответил Кузьмич.

— Что же, спасибо за откровенность. А теперь к делу. Что с ним произошло? Рассказывай все подробности.

— Да что рассказывать-то, не знаю. Он все молчит. Знаю лишь, что случилось все из-за бабы, то есть, извиняюсь, из-за женщины.

Это и так ясно майору Чистовскому и без откровений Кузьмича. Выдержав небольшую паузу, он негромко и жестко потребовал:

— Ты, старшина, постарайся все разузнать, а потом доложишь мне, что натворил этот Небесный Коля.

— Разузнать-то я постараюсь, но доносить не буду, — опустив голову, пробурчал Иван Кузьмич.

— Пошел вон, ренегат! — едва сдерживая гнев, прошипел комиссар.

Арест лейтенанта Захарова длился недолго. Слишком большие потери были у летного состава полка, а командование все требовало и требовало усилить воздушное прикрытие наземных войсковых операций. Николай безразлично отнесся к своему освобождению: не было ни горести, ни радости. Потом, в последующие дни, ему все никак не удавалось выйти из сковывающего, заторможенного состояния. Даже во время воздушных боев его не покидала хандра, хотя, конечно, реакция осталась. Удача, почти постоянно сопровождавшая в недавнем прошлом Небесного Колю, теперь потеряла к нему всяческий интерес и обходила его стороной.

Наступали минуты затишья, и он в который раз опять обращался к той окаянной сцене в блиндаже. Сами собой возникали отрывки из воинских уставов: «Приказ командира — закон для подчиненного», «Приказ не обсуждается, а выполняется», «Обжаловать приказ можно, но только после его выполнения».

Николай старался убедить себя, что подлый командир пригрозил Рите, заставил ее. Эта версия казалась ему весьма убедительной, но успокоение не приходило.

XV

Сталинградская битва вступала в решающую фазу. Бои, в том числе и воздушные, достигли максимального накала. В одной из остервенелых стычек в воздухе уже на закате дня усталый лейтенант Захаров оказался рядом с горящим ястребком, в хвост которого опять заходил вражеский истребитель. Решение пришло моментально, и благодаря жилетке Кузьмича» был выполнен замысловатый крутой кувырок, а затем во встречной атаке Николай длинной очередью буквально размозжил вражескую кабину вместе с пилотом. Однако и сам лейтенант Захаров получил жесткий ответ: хотя резкая боль в ногах скоро пошла, они стали деревенеть.

Наш дымящийся самолет, постепенно снижаясь, пытался уйти на другой берег Волги, дотянуть до своего аэродрома. В сложившейся ситуации Николай тоже решил выйти из боя и сопроводить раненого ястребка, тем более что и он сам был ранен.

Уже подлетая к берегу, лейтенант впервые обратил внимание на войсковой номер охраняемого им самолета и крайне удивился: «Это же Лещенко!» Вот так получилось, что спас он недруга, своего бывшего комэска.

В полковой медсанчасти на соседних топчанах лежали раненые пилоты — Лещенко и Захаров. Раны первого оказались смертельны, но полковой фельдшер все же вызвал машину для его транспортировки в госпиталь, тем более что вместе с машиной обязан был приехать и квалифицированный военврач.

Ранения лейтенанта Захарова фельдшера тоже поставили в тупик — в основном были повреждены мягкие ткани, но задета и кость правой ноги, да и потеря крови оказалась большой.

Ожидая госпитальную машину, эскулап тщательно обработал раны Николая. Он уже заканчивал перевязку, когда в помещение вошло все командование полка. Окинув беглым взглядом лежащих пилотов, командиры вместе с фельдшером вышли из лазарета на воздух. Им нужно было поговорить с глазу на глаз и принять решение.

Капитан Лещенко сделал попытку поговорить со своим соседом:

— Слушай сюда, Николай, — задыхаясь и постоянно прерывая речь, хотел он сообщить что-то для него очень важное. — Спасибо за помощь... Помню, что обижал тебя... Не гневись, так получалось... Где мне до твоего воспитания... Из беспризорников я... Вот такой я — и все... Дай руку напоследок...

Лещенко понимал, что умирает. Он хотел протянуть руку Николаю, но словно отмахнулся в направлении соседнего топчана. Нет, лейтенант Захаров не забыл унижения, которым подвергал его бывший комэск. Однако чувствуя, даже видя своей мистической душой, как смерть обволакивает тело капитана, он все же протянул руку и слегка пожал его холодящие пальцы.

В помещение санчасти вновь вошли командиры вместе с прибывшим врачом. Теперь уже не стесняясь, посмотрев и потрогав веки мертвого капитана, фельдшер заключил:

— Я же говорил, что с этим все ясно...

— А меня зачем вызывали? — задиристо спросил военврач.

— Посмотри лейтенанта, — указав на Николая, потребовал Ковальчук. — Что с ним? Может, оставить его у нас? Сами подлечим. Ведь обстановку на фронте, надеюсь, знаешь?

Врач внимательно осмотрел Колины ноги, сняв в отдельных местах бинты. Постоял в раздумье и с сомнением в голосе произнес:

— Даже не знаю, что сказать... Здесь решение должны принять вы. Я могу оставить его в полку, но

под вашу ответственность. И все равно, несколько дней покоя лейтенанту необходимы.

— Что, Захаров, остаемся в родном полку? — спросил командир.

Нельзя сказать, что Николай считал полк уж совсем родным. Вот тот первый, где он начинал свою службу в боях под Москвой, действительно навсегда остался для него и родным, и любимым. Здесь же многое было не так, по-другому. Отношения теперь покойного Лещенко, да и самого командира Ковальчука нельзя было назвать дружескими. Но ведь кроме них есть и боевые товарищи, есть и комиссар Чистовский, и, наконец, есть его дорогой Кузьмич. «Разве я в силах расстаться с ним?» — подумал Николай и вслух произнес:

— Конечно, остаюсь!

Решение принято: лейтенанта Захарова оставили долечиваться в полковой медсанчасти. Командир полка полагал, что через два-три дня можно будет подготовить его к вспомогательным, недлительным полетам. Хотя бы так!

Лежащего в лазарете летчика постоянно навещали однополчане, подбадривали, желали скорейшего возвращения в строй. Верный Кузьмич забегал по несколько раз в день: то на минуту, а то и полчаса — посидеть у его кровати.

Во время одного из таких относительно длительных посещений Коля решил облегчить душу и рассказал своему другу о том, что случилось при его последней встрече с Ритой. Он надеялся на сочувствие, на сострадание со стороны Кузьмича, но услышал другое:

— Ну и дурак же ты! Побить офицера, да к тому же старшего по званию! Это как пить дать трибунал! — испуганно восклицал бывалый старшина.

Николай слушал молча, успокоившись лишь тогда, когда Кузьмич прекратил гневные тирады. Минут через пять молчания под аккомпанемент грустных вздохов он стал рассуждать:

— Но почему тебя не трогают? Может, и обойдется. Может, Маргарита чего-нибудь предприняла? Неглупая она бабенка, но, видать, шалавистая...

Последнее утверждение больно задело Колю, но он не стал возражать, понимал, что мнение Кузьмича недалеко от истины. А тот продолжал:

— Может, пригрозила своему майору? Может, сказала, что если он будет жаловаться, то и она расскажет командованию про его приставания, а то и напишет об том его жене? — Старшина исподлобья посмотрел на своего командира. — Давай обождем еще недельку, а там видно будет. Если за это время ничего не случится, то, значит, пронесло.

XVI

Уже после двух суток, проведенных в лазарете, лейтенант Захаров вылетел на задание. Ноги его были плотно забинтованы, а грудь, как всегда, сжимала жилетка Кузьмича. Это был небольшой разведывательный полет, который прошел нормально. Затем последовали похожие каждодневные вылеты. Довольно быстро Николай освоился со своим скованным состоянием, ограничивающим функциональные возможности, и пилотировал ястребок все четче и уверенней. Однако после каждого вылета следовали весьма неприятные процедуры в санчасти.

Постоянные ежедневные полеты никак не способствовали заживлению ран. Временами они начинали сильно кровоточить. Николай терпел и не жаловался до тех пор, пока не началось нагноение на правой, наиболее пострадавшей стопе. Ходить даже с посторонней помощью он уже не мог. Теперь его перемещения по земле осуществлялись только на руках верного Кузьмича. Но полеты продолжались, поскольку в обезлюдившем полку осталось минимум боевых единиц, которых хватало лишь на одну полноценную эскадрилью.

Тем временем наши войска замкнули кольцо окружения. Огромная немецкая армия, оказавшаяся в «котле», продолжала огрызаться, предпринимая отчаянные попытки прорыва. Однако удавка кольца неуклонно сжималась, усугубляя безвыходное положение фашистов. Неразбериха в поведении окруженных немецких частей нуждалась в особом наблюдении за ними. Наибольший эффект в сложившейся ситуации должна была обеспечить воздушная разведка.

Это был уже второй за день разведывательный полет лейтенанта Захарова. Ястребок барражировал над почти голой местностью, недавно занятой нашими войсками, высматривая потенциальные направления ударов скапливающейся бронетехники врага. Пройдя так несколько квадратов, Николай заметил немецкий транспортный самолет, стремящийся пройти над широким полем, где располагалась наша пехота, чтобы вырваться из окружения. Самолет охраняли два мессершмита, летевшие по бокам. Сразу стало понятно, что такой эскорт был выделен неспроста — в транспортнике находилось что-то очень важное.

Решение было принято моментально: «А, помирать, так с музыкой!» Уже через пару минут ястребок лейтенанта Захарова вступил в свой последний бой. При заходе на первый самолет Николай выполнил свой коронный маневр-трюк, который удавался только за счет стягивающей жилетки Кузьмича. Не ожидавший такого крутого разворота немец момен-

тально задымил, стал быстро снижаться и под восторженные возгласы наблюдавших воздушный бой пехотинцев рухнул на бесхозное колхозное поле. Радость первого успеха омрачилась резкими болями в ногах, груди и особенно в области печени. Во рту появился солоноватый вкус крови. Однако времени для отдыха не было, и ястребок пошел в атаку на второго фашиста.

Скоротечный бой прошел с переменным успехом. Оба истребителя были подбиты, оба горели. В возникшей ситуации спасение могло прийти только за счет прыжка с парашютом. Этим шансом и воспользовался немец, хотя прекрасно понимал, что при приземлении будет пленен нашими солдатами. Для лейтенанта Захарова такой спасительный выход был неприемлем — транспортный самолет уходил все дальше и дальше.

С предельной скоростью горящий ястребок стал приближаться к беглецу. Николай нажал на гашетку, но выстрелов не последовало. Он понял, что уже израсходовал весь боезапас.

Что оставалось делать? Прыгать с парашютом. Нет и нет. Лейтенант Захаров отчаянно попытался отсечь часть хвостового оперения немца пропеллером своего самолета. Опять неудача. Тогда хранящаяся где-то в глубине подсознания молодецкая удаль, доставшаяся ему по наследству еще от далеких предков-ратоборцев, повелела идти на таран. Вот теперь отвалилась у транспортника часть хвоста, он стал выделывать замысловатые пируэты, которые закончились ударом о землю и взрывом.

Ястребок Николая тоже ударился о землю, но под довольно острым углом, и не взорвался, а своим искореженным носом зарылся в давно не паханое поле.

Да, родная земля милостиво приняла своего сына. Подбежавшие к самолету солдаты успели вытащить из кабины находящегося в бессознательном состоянии летчика.

XVII

Доставленный в прифронтной госпиталь лейтенант был сразу отправлен в операционную. Помимо сильных ожогов особое опасение вызывали раны в грудной полости: были повреждены важные внутренние органы. Операция длилась несколько часов. Пришлось полностью удалить изувеченное правое легкое, да и в левом тоже имелись повреждения. Но это еще не все...

Опытные фронтовые хирурги понимали, что надежды на положительный исход почти нет. Однако в их практике встречались самые невероятные исходы, поэтому они работали и верили. Тяжелейшая

операция наконец закончилась, и лейтенант Захаров был отправлен в палату под присмотр дежурного врача и медсестры.

Проходили дни. Состояние Николая хотя и не улучшалось, но и не становилось хуже, в общем, оставалось стабильно тяжелым. А вот настроение заметно приподнялось после посещения госпиталя однополчанами. Во главе первой делегации из четырех человек был сам комиссар Чистовский.

Перед тем как зайти в палату, он довольно долго беседовал с врачами, так что внешнее состояние летчика его особенно не удивило. Через день после этого визита навестить своего товарища пришел комэск Женя Иванов. Во время этих двух встреч велись обычные в подобных случаях разговоры, которые заканчивались пожеланиями скорого выздоровления. Пожелания эти, конечно, шли от самого сердца, но и комиссар, и другие посетители в душе своей не верили в хороший исход.

Среди однополчан непременно присутствовал и старшина Демин. И потом, в течение последующих дней, он, несмотря на значительную удаленность госпиталя от полкового аэродрома, частенько посещал своего командира и друга. Удавалось это во многом за счет благожелательного отношения комиссара и постоянно снующих по дороге попутных машин.

Посидит обычно Иван Кузьмич у кровати минут пять-десять, поговорит немного — и помчится обратно в полк. Но иногда обстановка позволяла задержаться, и вот тогда он обстоятельно рассказывал обо всем, что было интересно его другу. Прежде всего это были полковые новости.

С грустью старшина сообщил, что теперь он представлен к самолету другого пилота, недавно окончившего ускоренные летные курсы, совсем еще мальчишки. Рассказы о реальных событиях перемежывались байками. Это и понятно: Кузьмич всячески стремился отвлечь Николая от горестных дум. Естественно, что в один из таких продолжительных визитов зашел разговор о Рите.

— Приходила она к нам в полк сразу после твоего ранения, а потом еще неделю спустя. — Верный Кузьмич старался подбирать слова, чтобы нечаянно не возродить в душе друга былую муку. — Ревела как белуга. Говорила, что любит тебя, как никого на всем белом свете. Жалко мне ее.

Коля слушал молча, но спустя какое-то время все же спросил:

— А меня тебе не жалко?

— Еще как жалко! Ведь ты для меня что родной. Только не знаю, как правильно назвать: сыном моим или младшим братом?

— Спасибо тебе, Кузьмич...

— Но и Маргариту жалко. Бабы — они чудные существа, понять их трудно. Душа у них — потемки, не заглянешь туда, а коль заглянешь, то ничего и не видать. Не знаю, как правильно назвать это по-ученому.

— У астрофизиков существует понятие «черная дыра».

— Во-во, именно так! С физикой не поспоришь, — лукаво улыбаясь, старшина развел руки. — Что ты тут скажешь? Научное определение...

Иван Кузьмич ушел, пообещав навестить Николая в ближайшие дни. Но место у кровати раненого пилота пустовало недолго. Пришла медсестра Елена Дмитриевна. По несколько раз в день подходил и палатный врач, а уж опека медицинских сестер была постоянной. Чаше других проявляла заботу именно Елена Дмитриевна. Относилась она к раненому лейтенанту как-то по-особому ласково, а порой даже трепетно — как к сыну.

XVIII

В минуты покоя мистическая натура Николая выводила его за рамки обыденного, и он начинал видеть невидимое и слышать беззвучные мысли окружающих его людей. В помыслах своих Елена Дмитриевна часто обращалась к двум мужчинам: к Мише большому и Мише маленькому. Раненый вездун многократно ощущал это, и вот однажды после утреннего обхода, когда медсестра вновь под села к его кровати, решился справиться о ее неотложных нуждах и спросил:

— Вы, Елена Дмитриевна, постоянно думаете о каких-то двух Мишах. Кто они для вас?

— Это мой муж и сын, — сначала спокойно сказала она, но тут же вскрикнула и задрожала всем телом. — А ты, Коля, как об этом догадался?

— Не догадался я, — тихо просипел он. — Мысли ваши услышал. Уж извините, такое со мной случается.

— Как это? — недоумевала медработница.

— Объяснить не берусь. А вот помочь вам очень хочу.

— Как же ты сможешь мне помочь?

— Мысли-то ваши о Мишах горестные. Что о них известно?

— Муж погиб давно, в первые дни войны. Сын пропал без вести позже, спустя полгода, — потухшим голосом доверчиво рассказывала Елена Дмитриевна.

— Вы не могли бы принести и показать мне их фотографии? — Коля решил до конца быть откровенным. — Я обладаю даром определять по фото, жив человек или нет.

— Зачем приносить? — Елена Дмитриевна решительно посмотрела на тяжелораненого молодого человека и, расстегнув карман гимнастерки, достала из него две фотографии. — Они всегда со мной.

— Теперь одну из них поднесите к моим глазам. Не очень близко.

Обгоревшие руки Николая не позволяли провести диагностику обычным для него способом. Он надеялся на чувствительность глаз, которые, к счастью, почти не пострадали в его последнем бою.

Как только фотография оказалась в поле его зрения, сразу возникло ощущение тепла человеческого тела. Энергия эта была ровной и спокойной.

— Это ваш муж? Он жив и здоров, — уверенно просипел Коля.

— А сын? — Слегка подрагивающими руками она поднесла к его глазам вторую фотографию.

От нее тоже исходило тепло, но неровное, прореживающееся некими подобиями ледяных полосок или иголок.

— Он тоже жив, но ему очень плохо...

Елена Дмитриевна с надеждой вперемешку с недоверием смотрела на почти неподвижно лежащего в постели оракула. Ее состояние было ему очень понятно.

— Чтобы вы уверовали в правильность моих прогнозов, давайте проведем эксперимент. — Коле очень хотелось помочь несчастной женщине. — Выйдите, пожалуйста, из палаты в коридор и там на листке бумаги напишите что-нибудь. Одну или две строчки. Больше не надо.

— Что я должна написать? — в полной растерянности спросила Елена Дмитриевна.

— Да что хотите. А потом снова вернитесь. Я постараюсь точно угадать написанное вами.

— Разве это возможно?

— Это и будет экзаменом, результат которого поможет вам правильно оценить мои возможности.

Елена Дмитриевна поднялась с табуретки, какое-то время постояла молча, а затем решительно вышла в коридор. Через несколько минут она опять появилась в палате, держа в руке скомканный лист бумаги.

— Ну и что ты скажешь мне теперь?

Коля закрыл глаза и тихонько попросил:

— Прислоните вашу ладонь к моей груди. — Это состояние продолжалось не больше минуты. — Надо же! Это первые строки любимого романса моей мамы:

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую.

— И моего тоже. — На глазах Елены Дмитриевны появились слезы, и эта волевая и выдержанная женщина теперь уже не вышла, а опрометью выбежала в коридор.

Уставший провидец прекрасно понимал, что ей необходимо время, чтобы успокоиться.

В течение дня дежурная медсестра еще неоднократно подходила к постели Николая и одна, и в сопровождении врача, но при этом не проявляя особого интереса, а лишь выполняя свои обязанности. Только поздним вечером, перед отбоем, она, склонившись над раненым летчиком, сердечно поблагодарила его:

— Спасибо тебе, Коленька. Ты вернул мне надежду...

Он молча принял ее благодарность, но потом как всегда сипло произнес:

— Я постараюсь получить о ваших близких более детальную информацию. Иногда такое у меня получалось.

— Разве это возможно? — задала уже ставший традиционным вопрос медсестра.

— Я постараюсь. Положите, Елена Дмитриевна, фотографии ваших мужчин мне под подушку. Только так, чтобы между ними было возможно больше расстояние, чтобы не сливались их энергетические поля. Я постараюсь, — повторил Коля. — Сейчас мне больше нечего вам сказать.

XIX

Отбой в госпитале — явление несколько условное. Выспавшиеся днем пациенты часть ночного времени бодрствовали. Для неподвижно лежащего лейтенанта Захарова ночь тоже не очень отличалась от дня. И все же ночью его никто не беспокоил, так что можно было углубиться в самого себя, в свое мистическое «я» и попытаться вызвать желанные картины. В ту ночь ему очень хотелось узнать о Мише большом и Мише маленьком.

Постепенно входя в состояние глубокого транса, Николай проходил сквозь энергетические поля, вызывающие видения ненужные ему и неясные. Затем началось хорошо знакомое «листание страниц», и вот перед духовным взором появился не искомый образ, а стройная воздушная девушка.

— Наконец-то я нашла вас, Коля, — и, уловив его удивление, представилась: — Я Рита.

— Какая же вы Рита? — голубоглазая блондинка даже отдаленно не напоминала Маргариту Малышеву.

— Не помните вы меня, — грустно продолжала девушка. — Мы учились вместе в университете, только на разных факультетах, я — на истфаке. И встре-

чались мы на субботниках и студенческих вечерах. Один раз я даже танцевала с вами.

После таких пояснений Коля начал припоминать: действительно он видел эту девушку, но очень давно, еще до войны. Однако как она оказалась здесь, в этом мистическом сеансе? Его немой вопрос был тут же понят:

— Я едва вернулась домой в Ленинград, на каникулы, как началась война. Я не могла оставить родителей одних и оказалась в кольце блокады. Много человеческих жизней унесла она, и я не стала исключением. Ленинград далеко от Сталинграда, но я все же нашла Небесного Колю.

— Вы даже знаете, как называли меня друзья?

— Я многое знаю про вас, но сейчас не время говорить об этом. Вы ведь заняты поиском душ каких-то людей? Я не буду мешать. Мечтаю, что мы еще встретимся. — Видение воздушно-худенькой девушки стало быстро растворяться. — До свидания.

Николаю, естественно, захотелось проанализировать только что увиденное, но время неумолимо шло, а задуманное им все не реализовывалось.

«Листание» появляющихся картин продолжалось, и вот наконец возник полумрак. Похоже, что это была землянка или что-то похожее. За грубо сколоченным столом сидел бородатый мужчина и что-то писал. Это был Миша большой. Рядом с ним стоял молодой парень с автоматом на груди и что-то ему докладывал. Смысл доклада уловить не удалось, но произношение дошедших славянских слов указывало, что происходит это либо в Белоруссии, либо на Украине.

Если и не все, то многое здесь было понятно, и мистический исследователь поспешил «перевернуть страницу». Теперь оставалось найти образ Миши маленького. После нескольких безуспешных попыток и это тоже удалось. В его видении сразу почувствовалось волнообразное и какое-то колючее излучение на общем теплом фоне. Появилась не совсем ясная картина, нары в несколько ярусов, на которых лежали люди в полосатых робах.

Слышались лай собак и невнятная немецкая речь. Да, все указывало на то, что это концлагерь. Миша, скрючившись, лежал на нарах нижнего яруса. Временами его тело содрогалось от кашля. Было абсолютно ясно, что молодому человеку очень плохо...

Утром следующего дня Елена Дмитриевна появилась в госпитальной палате очень рано. По ее внешнему виду можно было заключить, что ночь была бессонной. Она тихонечко подседа к кровати раненого лейтенанта.

Николай лежал с закрытыми глазами, продолжая находиться в некоем подобии сна. Несмотря на крайнее внутреннее напряжение, медсестра не стала его будить и терпеливо дожидалась, когда он проснется сам.

— Доброе утро, Елена Дмитриевна, — открыв глаза, сказал Николай.

— Доброе утро, Коля, — она пристально и вопросительно смотрела на него.

— Да, я видел обоих ваших мужчин, — он слегка замялся, не зная с чего начать.

— Говори всю правду, без утайки. — Взгляд Елены Дмитриевны стал твердым и суровым. — Я все выдержу, только не ври. Я жена офицера и буду достойна памяти своего мужа.

Минуту-другую Николай собирался с мыслями, а потом подробно все рассказал несчастной женщине. Она стойко выдержала его рассказ, после чего склонилась над раненым, как она сказала, колдуном и поцеловала его в подернутый болезненной желтизной лоб.

XX

В тот день врачи отметили долгожданное улучшение состояния лейтенанта Захарова. Появилась хотя и осторожная, но все же надежда на его выздоровление. Он и сам ощутил прилив сил. Увидев своего Кузьмича, входящего в палату, Николай еще больше воспрянул духом, но, оказалось, ненадолго. Его верный механик выглядел удрученным, а принесенная им весть была ужасной.

— Маргарита погибла, — выдавил он из себя.

— Как?

— Да по-дурацки! Разорвался подле нее шальной снаряд, и посекло ее осколками. Никто так и не понял, откуда он взялся, — ведь боевые действия уже прекратились.

Пришла она к нам в полк проститься. Их центр переводят в другое место. В общем, пришла она ко мне. Поговорили мы с ней напоследок по душам. Поревела она по тебе, — временами замолкая, продолжал свой рассказ Иван Кузьмич. — Потом заспешила. Говорит, что хочет успеть проститься с березками у дороги, под которыми вы с ней встречались. Вот там и накрыло ее осколками.

— Похоронили? — почти неслышно спросил Коля.

— Похоронили вчера вечером там же, у ее березок. Бросил я напоследок две горсточки земли: одну за себя, другую за тебя. Простил я ее и сам, и от твоего имени. Можешь меня ругать, как хочешь...

— За что же мне тебя ругать? В душе-то я ее давно простил.

— Так что же ты запрещал ей прийти сюда, в госпиталь? Я считал, что ты не хочешь ее видеть!

— Дорогой ты мой друг, да не хотел я, чтобы она видела меня таким!

— Эх, что теперь говорить, — удрученно закончил Иван Кузьмич.

Очередное появление врача вынудило старшину Демина подняться с табуретки и попрощаться. Он и так не мог больше задерживаться в госпитале. Уходя, Кузьмич обещал вскоре опять навестить своего командира.

Верный друг ушел, оставив Николая одного со своими мыслями и переживаниями. «Может, мои ночные видения были как-то связаны с гибелью Риты? — подумал он. — Но как тогда объяснить появление совсем другой девушки?»

Не понимая смысла ночной мистической картины и терзаясь свалившейся на него реальностью, Коля постепенно весь ушел в воспоминания о своей незабвенной Рите. Мысли затуманивались, и вот перед его душевным взором отчетливо появился небольшой холмик свежей земли у знакомых березок...

Авиационный истребительный полк лейтенанта Захарова готовился к передислокации. Точное место, куда он должен был переместиться, старшина Демин не знал, но ясно было одно — путь лежал на запад. Суэта, связанная с этим событием, почти не оставляла свободного времени, которое было крайне необходимо Колиному другу. Он, естественно, хотел перед долгим расставанием основательно пообщаться и попрощаться со своим командиром. И на этот раз выручил комиссар Чистовский:

— Даю тебе, старшина, увольнительную на весь день! Навести нашего Небесного Колю и пожелай ему скорейшего выздоровления от всего нашего коллектива, — он немного помолчал и тихо добавил: — И от меня лично.

С попутной машиной на этот раз исключительно повезло. Небольшой грузовичок, в кузове которого нашлось место для старшины Демина, без задержек и пересадок доставил его прямо ко входу в госпиталь. Соскочив на землю, Иван Кузьмич не успел сделать и нескольких шагов, как увидел идущего ему навстречу знакомого санитаря.

— Привет, Петрович, — поздоровался с ним старшина, но тот вместо ответного приветствия, покачивая головой, сообщил:

— Не успел ты, Кузьмич. Умер твой лейтенант.

— Когда?

— Нынче ночью. Вон повезли его, — продолжал санитар, указывая рукой. — Может, догонишь...

Сорвавшись с места, Иван Кузьмич быстро догнал госпитальную тележку, которую, толкая перед собой, вез сгорбленный солдат в белом халате. На ней было тело, покрытое простыней. Это и были останки лейтенанта Захарова. За тележкой, опустив голову, шла Елена Дмитриевна.

Старшина Демин, не здороваясь, с ходу попросил:

— Остановитесь! Дайте мне хоть посмотреть на него.

Медсестра молча, рукой, дала команду солдату остановиться, а затем отвернула край простыни. То, что увидел Кузьмич, мало напоминало лицо его друга при жизни. Он быстро задернул простыню и отвернулся.

— Зачем я это сделал? Не хочу помнить его таким.

Грустная процессия двинулась дальше. Иван Кузьмич продолжал что-то бормотать себе под нос, но в какой-то момент опять попросил остановить тележку и, чеканя каждое слово, обратился к своему покойному командиру:

— Буду помнить тебя всегда, мой Небесный Коля! Буду помнить тебя таким, каким ты был: смелым, добрым, красивым, умным, скромным, отзывчивым...

Елена Дмитриевна стояла рядом и горестно думала: «Всегда уходят самые лучшие люди. А я даже не знала Колю до его тяжелого ранения. Увидела его только здесь, в госпитале. Каким я его буду помнить? Не знаю. Вот душу его, душу прекрасную я запомню навсегда...»

XXI

Все религии мудрого Востока утверждают реальность процесса реинкарнации, то есть переселения души. После смерти человека его душа вселяется в новое тело, в тело новорожденного младенца. Конечно, это происходит не всегда и не обязательно сразу. Здесь очень много неясного. Однако некоторые результаты научных исследований последних лет подтверждают сам факт существования реинкарнации.

Может, и душа нашего Небесного Коли давно вселилась в тело новорожденного мальчика, который вырос и в наше время уже взрослый человек? Очень хочется узнать, как сложилась его новая жизнь. Кем он стал? Так ли остался он дружен с небом или имеет далекую от него земную специальность? Сохранились ли в его крови прежние колдовские чары? И встретил ли он в этой новой жизни свою Маргариту?

Марианна ТАРАСЕНКО

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета.

Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

В плену у плеоназмов

Конечно, сегодняшний выпуск можно было озглавить и «Масло масляное», но с языковой точки зрения это выражение не передает сути материала.

«Масляное масло» стало символом тавтологии, то есть употребления рядом однокоренных слов. Если тавтология допускается намеренно, то является средством лексической выразительности, например, «закон есть закон» или «яснее ясного», если случайно — является лексической ошибкой, например, «соединить воедино». Но в любом ее виде тавтология — всего лишь разновидность плеоназма.

Плеоназм — опять же средство лексической выразительности, основанное на использовании

близких по значению слов, создающих смысловую избыточность. Часто встречается в фольклоре, простейшие примеры — жили-были, грусть-тоска и пр., и плеоназм тоже может являться лексической ошибкой: например, «вернуться назад». Вот именно об ошибках такого рода мы сегодня и поговорим.

Кондовое бюрократическое выражение «май месяц» (на место мая можно подставить любой из двенадцати), к сожалению, режет ухо не многим. Но даже при самой богатой фантазии вы вряд ли найдете что-то, называемое маем с маленькой буквы и при этом месяцем не являющееся. И даже с учетом того, что человека могут звать Августом или Мартом, мы вряд ли заподозрим этих людей в чем-то

странном, услышав фразу «в марте я уеду, а в августе вернусь».

Очень заезженный пример, ошибка, с которой борются уже десятилетия и никак победить не могут, — это «патриоты своей родины». А чьей еще родины можно быть патриотом, если это слово переводится как «человек, любящий свою родину»? Родине вообще с плеоназмами повезло: до сих пор многие ухитряются говорить «ностальгия по родине», при том, что «ностальгия» — это тоска именно по родине и ни по чему другому.

Да, в речи, иногда в шутливой форме, могут звучать такие выражения, как «я — патриот сосисок» или «ностальгия по прошлому», но заметьте, слово «родина» здесь отсутствует.

Хит нашего времени — «коллега по работе». А как объясняют значение слова «коллега» словари? Очень просто: это товарищ по учебе, работе, профессии, роду занятий. Синоним — сотрудник. Видимо, скоро наша речь обогатится выражением «сотрудник по труду». А это уже не просто плеоназм, это тавтология. Оставим в покое масло, вспомним, что жир — жирный, а сало — сальное.

Как вы считаете, каким местом люди кивают? Правильно, головой. Поэтому необходимо ли такое пояснение? Кивают, когда соглашаются, а когда не соглашаются — мотают. Но мотать можно и хвостом. Поэтому «он помотал головой» можно сказать, а «кивнул головой» — нельзя. То есть что значит нельзя? Никто за это, конечно, не расстреляет... А жаль. И пусть не расстрелять, но треснуть по этой самой голове за такие вещи очень даже стоит.

Из новенького, вычитанного мною в анонсе к какому-то фильму, — «остросюжетные приключения». Приключенческий жанр, в общем, предусматривает наличие острого сюжета, а тот, в свою очередь, — наличие приключений. Плеоназм, обусловленный влиянием иных языков, — «получить обратно». В наше время люди как-то странно языками овладевают: любой иностранный у многих напрочь вышибает из памяти язык родной. Почему такого не случалось с классиками русской литературы — остается только гадать.

Сергей СМИРНОВ

Сергей Смирнов родился в 1967 году в Серпухове Московской области. Детство и юность провел в военном городке Серпухов-15. В 1987 году, после срочной службы в Советской армии в танковых войсках и самоходной артиллерии, переехал в Кингисепп Ленинградской области. Работал слесарем, гальваником, сварщиком, заведующим отделом информации и ответственным секретарем районной газеты, разнорабочим, ночным сторожем, охранником, грузчиком, последние девять лет — дежурным администратором на заводе стройматериалов.

В 1997 году заочно окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии В. Дементьева и В. Сидорова). Член Союза писателей России с 1999 года. Лауреат поэтической премии им. А. Прокофьева «Ладoga». Руководитель лито «Зарница» (г. Кингисепп). Автор семи поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Смена», «Аврора», «Россияне», «Северная Аврора», «Российский колокол» и других.

ПРОЗОЙ О ПОЭЗИИ

Не простое это дело — говорить прозой о поэзии. Но все же попытаюсь. Итак, поэзия...

...это стрежень великой и полноводной речи-реки, по которой в единой эскадре плывут фрегат Николая Гумилева, миноносец Владимира Маяковского и атомная субмарина Юрия Кузнецова.

...это разнотравье на берегах реки, трава на ветру, шепчущая, шуршащая, шелестящая о кораблях, проплывающих мимо.

...это солнцеворот над рекой и над травами, равноденствие, миг покоя и сосредоточенности, золотая середина, натянутая между небом и землей струна.

...это жесткокрылое время майских сумерек, когда шумная ватага ребятишек залпами ветровок и свитеров приветствует нестройное авиационное звено майских жуков, пряча добычу по спичечным коробкам.

...это пернатый глагол, скучающий в золотой клетке, начинающий петь только будучи отпущенным на волю, горящий и не сгорающий, как птица Феникс. Жгущий. Сердца людей.

...это ангел на автопилоте, парящий в небе и грезящий о земле. Однажды грезы становятся явью, а после на снегу остается только неясный отпечаток падшего крылатого существа.

...это мед мироздания, заботливо собранный пчелами-поэтами и созревший по бортям записных книжек и ульям тонких брошюрок для того, чтобы немного подсластить будни, добавить в бочку дегтя ложку живого янтаря.

К вышесказанному остается добавить, что все прозаические дефиниции выросли из названий моих поэтических книг. Так что и здесь от поэзии никуда уйти не удалось.

Сергей Смирнов

* * *

Движенье соков. Благорастворенье
воздушных масс и солнечных лучей.
И мир, как в предпоследний день творенья,
пока не назван и пока ничей.

И город, напитавшийся озоном,
застыл под козырьками мокрых крыш,
и ты уже не ходишь по газонам,
а в сантиметре над землей паришь.

БАЛЛАДА О СТАРОЙ БЕРЕЗЕ

Пилили старую березу на Благовещенье, в апреле:
мол, накрывается опасно и по стволу бежит разлом.
О том высокое решенье всей жилкомхозовской артелью
скрепили подписью-печатью за полированным столом.

Ее опутали цепями, ее подвесили на крючьях,
и автокран, гудя натужно, стрелу нацелил в облака,
и мерзко завизжали пилы, зубастые, с повадкой сучьей,
и груды розовых опилок легли безвольно по бокам.

А пень не знал, что он — обрубок, что он лишен ветвей и листьев,
он все качал из почвы воду неделю, две и даже три.
А мимо проходили люди, несли сочувствие на лицах,
и внучка теребила бабку: «Березка плачет, посмотри!»

И вскоре пень в потеках сока похож стал на свечной огарок,
что еле светит, еле греет, что тлеет из последних сил,
и лужа животворной влаги прельстила голубей и галок
и стала местом водопоя и радости для малых сих.

Сверкают радужные капли, гудят березовые жилы,
и плачет пень, о чем не знает, и смертью попирает смерть,
пьяны от ярой браги птицы, и корни в недрах полуживы,
и жарит годовые кольца светила огненная медь.

ГЕОГРАФ, ПЕРВЫЙ УЧЕНИК И НЕБЕСНАЯ ДЖОМОЛУНГМА

Голова, похожая на глобус.
Дипломат. Поношенный костюм.
Он садится в рейсовый автобус,
словно в корабельный темный трюм.
Донесет привычное течение,
ежедневный бешеный Гольфстрим
до шестого года обучения —
к школярам, к учебникам, в экстрим.

Он расскажет им о Джомолунгме,
о жаре в пустыне Каракум,
о великом плаванье Колумба,
сам-то совершенно не Колумб.
Сам-то никогда за морем не был,
знает все из фильмов и из книг...

И глядит в синеющее небо
заскучавший первый ученик.

Он объехал с папой пол-Европы
и моря пяти материков,
для него житейский личный опыт
повесомей мудрости веков...
Под окном цветет и пахнет клумба,
а над ней, белее молока,
высятся небесной Джомолунгмой
с огненным подбоем облака.

Вечность

Он смотрит в окно. Перед взглядом привычно проходят
березовый пень, куст сирени, пустая скамейка,
собаки и люди, машины, явления природы,
события прошлого, словно на съемках ремейка.
А в старых мехах тихо плещется терпкая влага,
и старое тело вмещает воскресшую душу.
Но он заскучал у скупого окна, бедолага,
и скуку его никому не под силу нарушить.
Он смотрит в окно на бесплодную прыть режиссера,
как тот бестолково, нелепо танцует от печки.
Визжат тормоза, дико крутится серая свора.
Вот так и проходит постылая стылая вечность.

Тридцать три оборота

Это шоу, конечно же, must go on,
чтоб порой вспоминать про свои семнадцать.
Мы когда-то ставили жизнь на кон,
значит, есть резон за нее цепляться.

Только шорох в кромешной ночи зловещ,
только отблеск в окне промелькнул и сгинул.
Неспокойная совесть — такая вещь,
что лишает покоя и горбит спину.

Но единственный зритель в райке не спит,
для него и стараемся, тянем время
и покорно сносим позор и стыд
на раздаче слонов и врученье премий.

А пластинка кружит — в который раз,
тридцать три оборота — и делать неча:
зацепилась игла за одну из фраз —
и go on повторяется бесконечно.

ДВАДЦАТЬ СТРОК О ЛЮБВИ И РАЗЛУКЕ

А если и впрямь такова се ля ви,
что всякое чувство бесплотно без слова,
изволь, я тебе расскажу о любви.
Итак, ты готова?
Ну, слушай, и лбом упираясь в стекло,
лови отголоски, смотри, не идет ли.
Лучилось. Случилось. И вряд ли прошло.
Но слезы — просохли.
Не спи по полночи, вставай по звонку,
и жди по полдня телефонные трели,
и дрожь вспоминай — позвонок к позвонку —
однажды в апреле.
И, вновь приникая к дверному глазку,
гони по периметру лестничной клетки
рассказку, раскраску, живую строку,
глотаю таблетки.
А позже, когда гул в подъезде затих
и сны за стеклом замелькали мальками...
Звонок! Он пришел. Он не мог не прийти...
И я — умолкаю.

Брют

С пономарем кронштадтского собора
мы тянем на морозе пенный брют
в какой-то подворотне у забора.
А брют бывает на расправу крут.
Мы пьем из одноразовых стаканов
в какой-то год, в каком-то феврале,
и эта встреча тоже в вечность канет
и не оставит следа на земле.

Вокруг всюду шумит вечерний Питер,
бежит от фонарей ночная мгла,
балтийский ветер наши слезы вытер,
чуть раньше их же вышибив из глаз.
Мы вспоминаем бывших и ушедших,
и пепел не случившихся затей,
и наших самых верных в мире женщин,
и наших самых преданных друзей.

Мы говорим о деле и о слове,
о книгах, сновиденьях и стихах,
о том, что в отголосках дальних ловим
на невских бесприютных берегах.
Два пьяненьких невзрачных человечка,
мы тянем брют со снегом пополам,
идем по жизни с кочергой и свечкой,
а кто уж с чем — решать совсем не нам.

Роман НЕУМОЕВ

От редакции

«Сибирская волна», которая возникла к 90-м годам прошлого века, стала, вероятно, самой яркой страницей в русской рок-музыке. Достаточно вспомнить Янку Дягилеву, «Калинов мост» или «Гражданскую оборону». Явление само по себе уникальное, волна эта, в свою очередь, породила тюменскую «Инструкцию по выживанию», группу, сразу же ставшую для многих открытием и откровением. Группу, превратившуюся в легенду. Писать сегодня о том русском роке, который не вписался ни в какие коммерческие и продюсерские схемы, — удел энтузиастов-одиночек. Однако размышления и устремления лидера «ИПВ» выходят далеко за пределы рок-музыки. Предлагаемый читателям «Юности» разговор с Романом Неумоевым состоялся в московской квартире его тюменского соратника Артура Струкова, на кухне, в день концерта «Инструкции по выживанию» в одном из московских клубов.

А беседовал с «инструктором по выживанию» ответственный секретарь журнала «Юность» поэт Ярослав Литвиненко.

РОМАН НЕУМОЕВ: «И ЧЕРНЫЕ ПИРАМИДЫ БУДУТ ЛЕТАТЬ НАД КРЕМЛЕМ...»

— Роман, как-то пару лет назад я открыл журнал «Знамя» и увидел подборку стихов Мирослава Немирова, основателя «Инструкции по выживанию». Я прочитал стихи и был, мягко говоря, разочарован.

— Знаете, у нас в творчестве с Немировым никогда не было ничего общего, но был общий период существования в рамках группы и было сотворчество. Он мне давал какие-то свои наброски стихов, а я ему сочинял музыку, потому что у него музыкального образования нет.

— Он филолог по образованию?

— Он филолог. Я не знаю, что он публиковал в «Знамени», но раньше он писал стихи совершенно, на мой взгляд, замечательные. С серьезной поэзией меня познакомил именно он. До него я знал только школьный курс, то, что все знали. По моему мнению, классическая, традиционная поэзия для рока непригодна. Для рока может быть пригодна поэзия Маяковского, или Бурлюка, или имажинистов. Тот же самый Крученых для Немирова был культовым поэтом. Это были такие, можно сказать, «поэтические рокеры» своего времени. Просто тогда рок-музыки не было.

— Если говорить о Ваших песнях, мне кажется, что Вам близки символисты.

— Я вообще по своему менталитету традиционалист. Мне близки Тютчев, Пастернак, Клюев. Близок Есенин. Но я думаю, что в рок-поэзию большой вклад внес Иосиф Бродский. Питерский рок связан с Бродским очень сильно. Кстати, как-то мне повстречался человек, который утверждал, что он учил писать стихи Гребенщикова. В питерской подворотне обучал молодого БГ писать стихи. Вот у нас в группе роль учителя сыграл Немиров, который в поэзии разобрался лучше меня.

Вообще проблема русскоязычной рок-музыки всегда заключалась в том, что надо было как-то соединить русские тексты и англоязычную ритмику. Все-таки английский язык ритмически другой. Русский язык более напевный и не столь ритмичный.

— Майку же это удалось здорово.

— Кому-то удалось. И те, кому удалось, стали, можно сказать, культовыми фигурами. Был такой человек, автор, сочинитель — Павел Клищенко. У него дома стояли коробки с записями разных наших музыкантов со всей страны. И вот я перелопачивал, перелопачивал эти коробки... Все искал

что-нибудь настоящее. И обнаружил, что настоящего талантливого творчества очень мало. Потому что у большинства не получается вот эту проблему ритмики решить. Они просто накладывают слова на гитарные рифы, а соединить русский язык и английскую по своей ритмике музыку не могут. Начинают сочинять либо что-то уж совсем а-ля рюс, как «Черный ворон», и тогда не получается рока, либо в английской ритмике, но тогда русский язык теряет свой смысл.

— Но ведь из Башлачева рока не вышло. Хотя ему хотелось создать свою полноценную группу.

— У многих, действительно, не выходит, и они остаются на уровне рок-бардов. Мы сейчас записываем песню Непомнящего, так у него очень много песен роковых. Но я никогда не слышал, чтобы у Непомнящего была группа. Группу ему собрать не удалось, не удалось объяснить музыкантам, как же надо играть в стиле рок. А группы, которые изначально шли по пути того, что они просто русские слова приставляли к музыке западных рок-стандартов... таких групп много. «Пурген», например. Но когда такие группы приезжают в Америку, им журналисты задают вопрос: «А зачем вы нам это везете? Зачем вы нам везете то, что у нас есть и так?» Эти попытки остались еще с тех времен, когда у нас

все пели на английском языке, и лишь потом стали к музыке русские тексты приспосабливать. Но особого смысла в этом не было. Это был все-таки не русский рок, понимаете? Это был рок еще западный, просто переименованный, и в нем было мало содержания, мало смысла. Текст-то там есть, но в настоящем произведении должны быть форма, содержание и суть. Содержание и форма — это еще не все, это лишь две части. А всякое явление строится по принципу триединства. И зачастую форма и содержание есть, а сути нет. Нет чего-то главного. В рок-н-ролле это называется словом message, «сообщение». Мне кажется, это понятие тоже придумали в Питере. А в западном роке буквально по пальцам можно сосчитать людей, которые качественно писали с поэтической точки зрения. Это Леонард Коэн, это Боб Дилан, это Pink Floyd. Есть примеры интересных текстов у Led Zeppelin, но в основном, если начать переводить тексты западных групп, выяснится, что в них поэтически очень убогое содержание. Я всегда утверждал, что в англоязычном роке существует примат музыки над словом. Слово там — не главное. Но русскоязычная культура этого не может принять. И у Башлачева, и у Гребенщикова такое образование и воспитание, что они не могут от примата слова отказаться. Не может человек, воспитанный в нашей са-

мой читающей стране, отказаться от этой идеи. И я бы не сказал, что Noize MC бессодержателен, что это рэп, в котором слово не играет роли. Я считаю, что это музыка, message сегодняшнего дня. Потому что это актуализация каких-то общественных проблем, каких-то горячих тем, того, что людей сегодня волнует, будоражит.

— Тогда Янка Дягилева — это не рок, получается?

— Янка Дягилева — это редкий пример синтеза англоязычной роковой ритмики и русской напевности. Понимаете, ей удалось то, что удавалось очень немногим, так что мы имеем дело с явлением уникальным, на уровне того же Башлачева.

— Янка Вам что-то говорила о Башлачеве?

— Она говорила о нем очень хорошо и, более того, она с Башлачевым была знакома. Он на нее очень повлиял. Я вообще во всем этом вижу традицию, эстафету: в поэзии Дягилевой, Башлачева или того же Цоя. Это все равно продолжение русской поэтической мысли. Не наше дело — устанавливать рок-стандарты. Россия ничего не могла дать рок-музыке в плане формы. Она все перенимала. Точно так же, как перенимала немецкую поэзию, английскую поэзию, переваривала ее и превращала в свою. Мы не могли быть законодателями рок-мод.

Мы просто брали готовые стили и что-то делали в этих стилях: кто-то в таком, кто-то в другом. Но это, конечно, всегда было эпигонством. Никто у нас в области мировой рок-музыки ничего не открыл. Ведь там эта рок-культура — как в Бразилии футбол. Там существуют такое поле вовлеченных в это людей и такие условия, что возможно развитие. У нас развитие возможно в узких рамках, условий нет. У нас заимствуют западные формы, и наша задача — наполнить их своим содержанием и потом вернуть на Запад в таком измененном виде. И там это будет интересно. Летов, например, вернулся на Запад с роком из России.

— Но Летов в этот период многих разочаровал, да?

— Но тем не менее залы-то он собирал. Не всех разочаровал все-таки. Потом, даже если бы и не собирал залы... Ну и что? Почему он должен был всех очаровать? Чем? Вот Янка, наверное, сильнее бы всех очаровала. На Западе увидели бы, что творчество Янки более русское, корневое. Летов собрал громадную коллекцию пластинок. Он был концептуалист. И всегда говорил: «Я просто очень много западного слушаю и на базе этого делаю что-то свое». Преобладал, конечно, компилятивный метод. Это не шло от себя, от нутра, как у Башлачева. По-

этому нельзя сравнивать Летова и Башлачева. Янка записывалась с Летовым, но он ее творчество, на мой взгляд, своим концептуализмом очень сильно придавил. Для меня песня «Я оставляю еще полкоролевства», ее акустика — вот это Янка, органичная Янка. А когда я «Ангедонию» слушаю, чувствую, что на Янку какой-то панцирь надели.

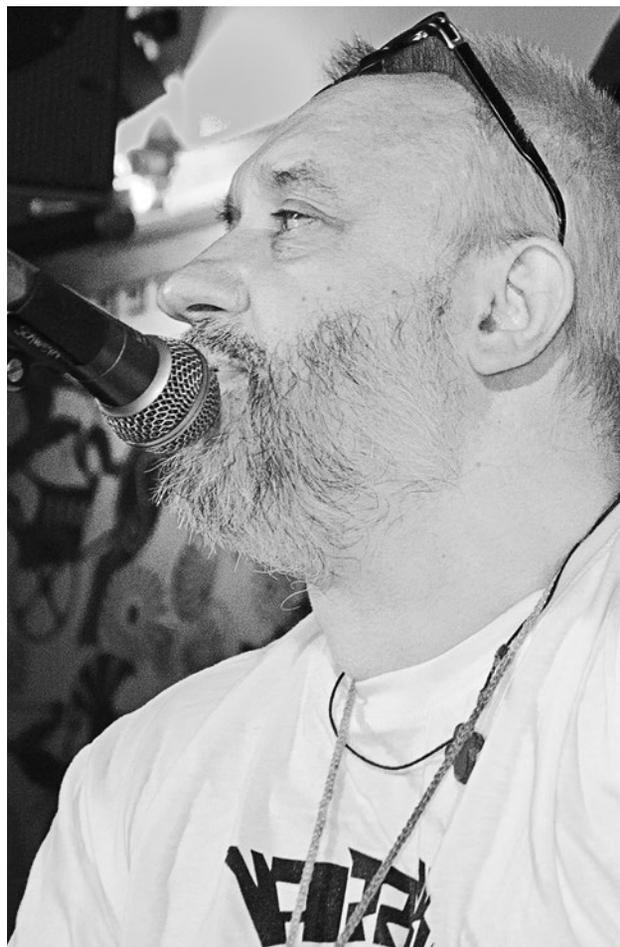
— Когда-то Вы говорили, что рок — вещь опасная, что один концерт — это чуть ли не полгода непрожитой жизни.

— Рок — вещь очень тяжелая для меня. Я не знаю, как другие. Может быть, другие умеют без такой отдачи на концертах играть. Почему умирает в раннем возрасте много рок-музыкантов? Потому что на концертах идет очень мощная самоотдача, трата себя. И это не может не сказаться. Вы знаете, существует такое же явление среди священников, которые слишком огненно служат. Они тоже рано умирают. Поэтому тут дело не в том, что рок какой-то страшный, хотя все-таки в нем есть элемент сатанизма, так же как во всем вообще светском искусстве. Может быть, в большей степени это можно назвать шаманизмом. Есть такой музыкальный богослов Владимир Мартынов, он преподает в Московской духовной академии. Когда он пишет в своей книжке о роке, он говорит, что скоро рок просто станет классикой, потому что это одна из форм современной светской культуры. Вот говорят, что есть другая музыкальная культура. Она есть, но это, простите, параллельная культура, духовная, которая имеет совершенно другой корень. Она вообще идет параллельными путями с человеческой индустриальной цивилизацией и ее культурой. Их соприкосновения всегда нежелательны. Это духовная музыка, которая идет от сифитов. А музыка светская — от каинитов, по Библии. Потому что первые музыкальные инструменты создал внук Каина Иувал, сын Ламеха. Ламех убил несколько человек, и, видимо, от тоски начал изливать свою душу. Начал как-то выть. Потом, может быть, более мелодично — петь. А сын его увидел, что папа поет, душу свою облегчает, и начал ему делать первые инструменты из воловьих жил, всякие сопелки. И вот так возникли первые примитивные инструменты. Просто потом этот процесс совершенствовался в рамках цивилизации. Но ведь мы живем именно в каинистской цивилизации, именно потомки Каина создали города. И вот эта городская, светская культура и культура духовная имеют разные корни. Потому что духовную музыку придумали не потомки Каина, а потомки Сифа. Сифиты общались с Богом, они слышали музыку небесных сфер, музыку ангельскую, и пытались ее воспроизводить своими голосами, т. е. изначально это была музыка без инструментов. Она носила голосо-

вой, хоральный характер, потому что сифиты пытались подражать этому ангельскому пению. Вот тут парадигма, понимаете? И она имеет отношение не только к року. Всегда, когда соприкасались духовная музыка и музыка светская, возникал спор. В духовную музыку привнесли концерт, концертность. Это Бортнянский, Рахманинов. Кстати, Рахманинова критикуют многие церковники: мол, настоящая музыка наша — это валаамские распевы, это Афон. Потому что соприкосновение духовного и светского нужно далеко не всем. А без этого, наверное, не могло бы быть очень многих вещей.

— Спрошу про Пушкина, он ведь у каждого настолько свой! Цветаева, например, не любила «Евгения Онегина». То есть что-то близко, а что-то — нет. Что в Пушкине близко Вам?

— Ну, я Пушкина много наизусть знаю. И как он может быть кому-то не близок в стране, в которой культ Пушкина существует? Как он мог меня не коснуться? Не то что это мой любимый поэт, но я его знаю хорошо. И у меня не было никогда такого Пушкина, которого бы я отрицал. Просто я не считаю, что Пушкин повлиял на мое творчество.

— Роман, с одной стороны, Вы с рок-н-рольной жизнью не порвали, а с другой — живете в уединении недалеко от Псково-Печерского монастыря. Как Вы это сочетаете?

— Да нет такого прямо уж отшельничества, кругом туристы каждый день ходят. Да, я десять лет живу у монастыря, сейчас вот два года жил у самых Святых ворот. Но это просто «около». У нас писатели многие в Оптиной пустыни жили, Достоевский там бывал. Дома покупали рядом. Я имею в виду наших христианских писателей, тяготеющих к православию. Что касается меня, то это мой личный выбор. Я не могу сказать, что это тот выбор, который нужно всем рок-музыкантам рекомендовать. Например, Кинчев ни у какого монастыря не живет. Он живет в городе и является православным человеком. Ему это сочетание не мешает.

— А Вас с Кинчевым сейчас объединяет рок-миссионерская деятельность?

— Она нас объединяет заочно с того времени, когда в 2005 году мы оба оказались на встрече с отцом Кириллом, тогда митрополитом, а ныне патриархом. По итогам этой встречи мы договорились, получили благословение. И я провел целый ряд своих рок-миссионерских мероприятий, посетил около девяти епархий. А Кинчев проводил свои. Благо-

словение-то было дано, и это же не какая-нибудь фикция. Это не мы придумали. Хотя мы могли заниматься такой деятельностью на свой страх и риск, это наше личное дело. На той встрече присутствовал Олег Карамазов из «Братьев Карамазовых», после чего в 2009 году был проведен грандиозный концерт в Киеве, на котором выступал Кирилл. А Кинчев организовал концерты, во время которых выступал дьякон Андрей Кураев. Мы делали православный рок-фестиваль в Красноярске, который тоже произвел много шума и на котором возникла дискуссия между нами и местным отделением православных граждан. Они противились этому фестивалю, пытались его бойкотировать. Может быть, период рок-миссионерской деятельности уже и закончился, я не знаю. Сейчас, мне кажется, на людей очень сильно в отрицательном смысле повлияла акция группы Pussy Riot. Может быть, рок-миссионерскому движению даже нанесен своеобразный удар теми, кому это все не понравилось. Есть люди, которые считают, что рок-музыка — это их площадка, на которой должна происходить пропаганда западного образа жизни, западных ценностей, потому что рок пришел с Запада. Есть такая линия в русском роке, и она очень сильно культивируется и поддерживается тем же Артемом Троицким.

— Сейчас же вообще идет такая тенденция. То есть появилось много претензий к русской православной церкви, и в самой церкви тоже.

— Критика и какие-то борения внутри церковного организма — это неизбежная вещь, это нормальное явление. Это говорит о том, что церковь — организм живой.

— Роман, Вы являетесь монархистом. Это и по песням видно, и вообще ни для кого не секрет.

— У Макиавелли есть такая книжка «Государь», в которой написано, что существуют только две формы устройства общества: республиканская и монархическая. Макиавелли — великий мыслитель, и он многих царей, монархов просвещал. Мы ушли, скажем так, исторически отказались от монархии. Но кто скажет, что это правильно? Кто докажет мне, что те ужасы, которые с этим связаны, не произошли именно потому, что выбрали другую форму? А ведь ее пытались внедрить декабристы. Ну вот, не мытьем, так катаньем эта республиканская форма правления и внедрилась, со всеми своими институтами. И сейчас в нашем обществе идет дискуссия: а нужна ли нам демократия американского типа? Американская демократия — это президентская республика. И у нас сейчас президентская республика. Но у них эта президентская республика получается, а у нас не получается. Потому что по ее плодам видно, что она как-то не очень эффективно здесь работает. И последствия ее существования для нашего русского народа плачевны: он вымирает. Так может быть, пересмотреть саму форму, вспомнить, откуда она взялась, кто ее придумал, вспомнить Пестеля? Я считаю, что наша страна — монархическая по своей природе. Заметьте: если нет царя, значит, нужен генсек. Нет генсека — подавайте нам отца, лидера нации, в лице Путина. И все за него голосуют. А почему? А потому что он тоже носит с собой сакральный образ условного царя. Но вместо царя настоящего. Так сказать, и. о. царя. Но все равно: если это и. о. царя, то настоящий царь лучше, чем и. о. Вот и вся моя позиция. Говорится, что всякая власть — от Бога. Но в богословских трудах написано, что есть власть Богом поупущенная, а есть власть благословленная. Если бы был помазанник, если бы его благословил патриарх, как это всегда было, то тогда эта власть была бы научаема благодатью. А так это будет власть, которая будет находиться больше под влиянием демона. И черные пирамиды будут летать над Кремлем, и т. д. Многие не понимают, насколько важны эти понятия: «помазанник», «церковное благословение». То же самое касается каждого отдельного человека. Каждый отдельный человек может жить по божьей воле, по его плану, а может жить по своей воле. Также ведь

будет жизнь, и воля человека будет свободна, воли никто не отнимал... И отдельному человеку так же не видать процветания, если он будет жить по своей воле и постоянно совершать ошибки, а они неизбежны. И если только он предаст себя в руки божьи, как говорит церковь, и начнет жить по божьей воле, по божьему промыслу, то тогда его жизнь пойдет по гладкому пути. И искушений будет гораздо меньше. А иначе будет постоянное натякивание на камни, рифы, метание туда-сюда. Еще говорят про волю народа. Но народ, как и каждый отдельный человек, может ошибаться. Что такое народ? Это совокупность отдельных несовершенных людей. Живут в стране несовершенные люди, а из них составляется общество. Также несовершенное, правильно? И церковь может совершать ошибки. Но есть догмат о непогрешимости соборного сознания церкви. Церковь благодаря этому соборному сознанию может принимать такие решения, после которых церковный организм будет жить под покровом благодати, с помощью божьей. Когда у нас была симфония мирской и церковной властей, о которой стали говорить при Филофее, все было хорошо. Как только церковь попыталась взять на себя функции государства, при Никоне, возникли проблемы. И когда начинали на церковь давить, например, при Екатерине, когда монастыри закрывались, — тоже народ страдал.

— Сталин опомнился в какой-то момент, война заставила.

— Опомниться его вынудила жестокая необходимость. Сам бы он не опомнился.

А по поводу рока меня постоянно спрашивают: «Что общего между рок-музыкой и церковью, православием?» Я всегда отвечаю просто: «Поиск». У людей рок-культуры и у людей, близких к церкви, общее то, что они неуспокоены. Это ищущие люди. Не случайно из рок-музыки в церковь перешли очень многие. Потому что, не находя чего-то в рок-музыке, они видели, что в церкви тоже происходит поиск, но в церкви лучше. И это люди, уже вырванные из состояния обывателя. Обыватель ведь ничего не ищет. Церковь понимает, что людям, которые слушают попсу, ничего не надо. Им хорошо. У них все прекрасно, все в шоколаде. А если говорить о роке, то здесь есть паства, которая нуждается в церковной помощи. Но она уже сделала первый шаг, она находится в состоянии поиска. Вообще, если посмотреть статистику, то от семи до тринадцати процентов людей в любом обществе, в любые времена, занимаются каким-либо богостроительством, богоискательством. Не больше. А остальная часть просто живет. Но таких людей, просто живущих, церкви гораздо тяжелее вов-

лечь в духовный поиск. Пусть даже ищущие люди ошибаются, пусть даже они занимаются каким-нибудь оккультизмом, но они что-то пытаются найти для себя в этом мире, ставят вечные вопросы. Эти люди с большей вероятностью могут прийти в церковь и стать не просто случайными «захожанами», а именно прихожанами. Встать на путь, на который, как мне кажется, встал Петр Мамонов и многие другие. Я знаю, например, несколько человек из группы «ДК». И вообще знаю много дьяконов, клириков, которые были рок-музыкантами. Но кто-то пришел в церковь из коммунистической партии. Есть ведь люди, которым просто нужна организация.

— Роман, два московских концерта «Инструкции по выживанию» в течение месяца — это на Вас не похоже.

— Тут мы совершили ошибку. И ситуация подсказывает, что уже хватит, мы переборщили. Нас многие хотели бы видеть в Питере, еще где-то. Но, Вы знаете, у меня здесь сейчас состав группы московский, а концерты на выезде в связи с кризисом очень затруднительны. Очень у многих в нашем роке сейчас финансовые проблемы, начиная с Гребенщикова. Потому что у нас нет той дистрибуции, не возникло того рынка, который на Западе поддерживает всю систему рок-музыки. Несмотря на попытки, это у нас так и не было создано. Концерн «Союз», например, не поддерживает рок-музыкантов. Они просто берут тех, из которых еще можно выдоить какие-то деньги, и выдаивают их. Такой шоу-бизнес, рассчитанный на то, чтобы найти какого-нибудь раскрутившегося паренька, в которого не надо много вкладывать, и выжать его, как лимон. «Что, завтра

уже не ходят на тебя? Ну, мы другого найдем». Вот они сейчас банкроты, «Союз» этот. Вы посмотрите, что на Западе происходит. Даются гранты, финансируется запись альбомов. Там проводят политику, направленную на то, чтобы музыкантов было больше. А у нас никто ничего не проводит, никто никого не ищет. Со мной пытался заключить такой контракт Шульгин. Я просто из кабинета ушел.

— В начале девяностых годов Вы написали интереснейшую, на мой взгляд, песню «Что-то происходит в России». Но эту песню нельзя привязывать к тому периоду, к девяностым. Она шире и глубже. Я бы назвал это мистическим опытом. У Вас это ощущение осталось до сих пор? Ощущение чего-то непостижимого, происходящего «невидимо над головой»?

— Мой хороший знакомый Егор Холмогоров, книжки которого мне очень нравятся, как-то поехал с журналистами в Америку. У них была встреча с командирами американского бизнеса. И те, престарелые уже, очень умные люди, стали допытываться: «А можете вы сформулировать вашу русскую идею коротко,

доступно и понятно? В чем эта ваша русская идея заключается?» Холмогоров говорил, что вначале они никак не могли ее сформулировать, а потом с одной журналисткой вдруг выпалили в один голос: «Конец света!» И тут один миллиардер очень сильно заинтересовался: «Ну-ка, ну-ка... Что за конец света? Объясните!» И Холмогоров ему объяснил: «Понимаете, для нас, русских, очень важно сыграть в этом свою роль». А роль наша может заключаться в том, чтобы этот конец света устроить. Например, нажать на ядерную кнопку. И русский человек так устроен, что он нажмет. Для него нет трагедии в этом. Для него важно выполнить свою миссию. После этого встреча сразу сошла на нет, потому что люди услышали главное. Они, видимо, это понимали, но хотели еще раз услышать. Русские — это нация с апокалиптическим менталитетом. Для меня понятие «миссия» имеет очень большое значение. И в песне была заложена идея особой миссии русских людей и России в истории. Россия — страна, от которой может зависеть спасение нашей цивилизации. Так уж Богом определено.

Продолжение. Начало в № 7, 8 за 2012 г.

Рисунок Юлии Спасовской

ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ

~~ПОВЕСТЬ~~ РОМАН

Публикация так вдохновила автора, что он, как Тургенев, срочно, не дожидаясь финала и читательского на то позволения, поменял жанровую категорию своего детища.

А самая нетривиальная сдача экзамена того сезона произошла на теоретической механике.

Удостоилась записи в летопись факультета. Вошла в анналы истории. Некоторые, правда, подозревали в анналах нечто другое.

Начиналось все банально.

Вадик с Павлюком узнали номера билетов и вопросы у прикладников. Те сдавали раньше. Отделались всего четырьмя «бананами». То есть двойками. Без занесения в зачетные книжки. Результат был хорошим. Старший преподаватель Паршин был строг.

Оставалось три дня, чтобы достойно подготовиться. Предмет заслуженно считался тяжелым. Почти что сопромат в подлинно технических вузах.

Написанные ответы, упростив себе жизнь, тоже добыли у того же непересохшего источника. Требовалось только переписать их своим почерком. На всякий случай. Случай, как известно, всякий бывает. Павлюк помнил. Препод мог не удовлетвориться сразу и попросить еще чего-нибудь осветить в туманной теории механики. Об этом, правда, старались не думать.

Процедура называлась — писать «медведей». «Медведями» были готовые, заранее написанные ответы на известные вопросы. Каждый вопрос на всякий случай исполнялся на отдельном тетрадном листе в клеточку. На случай перетасовки коварным преподам. В билете их было два. Скреплялись листы скрепками. Один билет — одна скрепка.

К поле пиджака с изнаночной стороны стежками подшивались огромные карманы. По одному карману с каждой стороны с целью скрытного вложения. Туда и помещались «медведи». Обычно использова-

лись здоровенные сатиновые трусы. Чем только не приходилось жертвовать во имя знаний.

Трусы Вадика, по убеждению Павлюка, оказались более подходящими.

Небрежно опустив руку вдоль туловища из-за легкой усталости пальцев от письма, можно было пересчитать скрепки и вытащить незаметно нужный ответ на стол. Дальше дело техники. Надо выдернуть снизу чистый лист, взятый для ответа и исчерканный в процессе тяжелого обдумывания билета. Дальше дело все той же техники.

Писать «медведей» Вадик с Павлюком решили вместе. С мыслью об экономии времени и сил.

В этом случае заходить на экзамен надо порознь. Один передает после сдачи «медведей» второму, а тот учитывает отсутствие одной скрепки при пересчете. И то только если ему попадается билет с числом меньшим, чем у предыдущего товарища. Все просто.

При контрольной проверке выявилась серьезная разница в почерках. Отражение характеров. Вадик выводил более округлые буквы, так что Павлюку пришлось умерять росчерки.

Перьевые ручки заправили одними фиолетовыми чернилами «Радуга», надеясь на полную идентичность. Ввели минимальный объем к написанию на каждый день подготовки.

График нарушили в первый же день. Во второй тоже ходили на пиво. Так что в последний строчили до утра в авральном режиме. Павлюк даже периодически забывал о своем почерке.

Точило вечером готовился к политэкономии. Лекции он достал в общаге у дежурной подруги. Фи-

лософские дисциплины он не писал. Времени на посещение всех предметов не хватало.

Недолго обдумав сложившуюся ситуацию, обшую девяностошестистовую тетрадь с лекциями он безжалостно порвал на две части. Собираясь пронести на экзамен.

— После нас хоть потоп, — ответил он Губарю. — Ей она не нужна.

Тот спрашивал, что ему скажет хозяйка. Ленка Варданян шла на красный диплом и смотрелась очень строго.

Губарь тренировался. Повторял физику. Он собирался пронести на экзамен учебник, засунув его за пояс за спиной. Полагая, что его на нем не заметят.

Он расхаживал по комнате, постоянно одергивая пиджак назад. Развернув плечи, держался неестественно прямо, становясь похожим на хулигана. Несколько раз тяжелый «букварь» выпадал.

Тогда Губарь перешел на размеренную медленную ходьбу, слегка расставляя ноги. Пройти-то требовалось всего какой-то десяток метров.

— Пойду придавлю на массу, — сообщил он, посчитав упражнения законченными.

— Минут шестьсот? — откликнулся Гарик Точили.

Он собирался уходить. Губарь с треском потянулся на пороге спальни.

— На каждый глаз, — прибавил Павлюк.

Он оторвался от монотонной работы. Стопка переписанных билетов росла.

— Засунь книжку под подушку, — посоветовал Гарик. — Будешь учить методом диффузии.

Старший преподаватель Паршин Иван Лаврентьевич, как толстый домашний кот, жмурился у окна. На улице мороз и солнце. У батареи было тепло. По проходам Иван Лаврентьевич не имел привычки прохаживаться. Комплекция не та. Силы он экономил.

Обхватив столешницу волосатыми руками, он безвылазно сидел в своем углу. Похожий на доброго мясника за прилавком перед разделкой разложенной туши. Или пивной бочонок. Или мясника, злоупотребляющего пивом. Перед разделкой туши.

Павлюку удалось подгадать заход к освобожденному месту за третьей партой. Около получаса он грамотно изображал муки творчества. Карябал на листах какие-то клинописные знаки и размашисто выводил заученные предложения общего характера. Набросал схему велосипеда. Перенес на бумагу пару формул, на всякий случай записанных на ладони.

Наконец, улучив момент, он достал заготовленный ответ. Вопросы сходились.

Томимый ожиданием Вадик заглядывал в узкое окно над дверью. В коридоре стоял стол. Павлюк даже несколько развеселился, глядя на тревожные лепешки друга.

Его отвлекло змеиное шипение из параллельного ряда. Светка Ковалева уткнулась носом в чистый лист. Щеки у нее пылали. В кулаке она зажимала влажный платок. Молящим о помощи взглядом она оборотилась к Павлюку. Тот пожал плечами и почесался ручкой за ухом. Там уже расплзлось чернильное пятно.

Паршин оглядывал студентов, откинувшись на спинку стула. Казалось, он не слушает ответ экзаменуемого. Жертва бляла ему что-то невразумительное.

— Помнишь, я тебе шпоры дала на математике? — прошептала Светка, едва шевеля губами.

Это было чистой правдой. Павлюк плыл тогда. Преподал отобрал у него замечательную гармошку шпаргалок, написанных одной из отличниц каллиграфическим почерком.

Светка приподняла угол листа, на нем было крупно написан номер билета. Пришлось отсчитать нужное число скрепок.

— Держи, — беззвучно произнес Павлюк, положил «медведя» на пол и подвинул ногой.

Светка приняла листы, уронив авторучку, и сразу же повеселела.

Павлюк унес в клюве твердую тройку. Времени выучить билет хватило за глаза. Получить более высокую отметку не позволяла репутация.

Вадик от нетерпения бил копытом. Быстро выхватил пачку «медведей», узнал номер счастливого билета, доставшегося Павлюку, и ринулся на экзамен. Боялся, времени на подготовку не хватит. Несдавший народ редел.

Предупредить Вадика о недостающем билете, переданном Светке Ковалевой, Павлюк забыл. Светка как раз выскочила из аудитории. Она умудрилась ответить на четверку. Подруги ее поздравляли. Она нашла несколько теплых слов для спасителя. И тот в окружении возбужденных девчонок делился совместными переживаниями.

Наморщив лоб, Вадик просидел над «медведями» порядка двух часов. Изображал тщательную подготовку ответа. Хотя более чем на трояк тоже не рассчитывал.

Потом наступила быстрая развязка.

К прилавку Паршина Вадик подкатил в хорошем настроении. Лучился внутренним светом знаний. Он подсел на свободный стул в тщательно выверенный момент. С другого бока, закрытый животом старшего преподавателя, тянул на пятерку Андрей Павлов.

Оттягивал внимание. С Павловым Паршину было о чем поговорить.

Вадик выложил аккуратно написанные, без пометок, ответы на стол и скромно потупился. «Медведей» последующими размышлениями он не испортил. Ему попались экземпляры, написанные им.

Паршин откинулся на спинку стула и хмыкнул. Хитро посмотрев на прилежного студента, Паршин постучал толстым пальцем по карточке билета, принесенной Вадиком вместе с ответами. Мягко обратил внимание именно на вопросы билета.

Звучали они несколько по-другому, чем те, на которые скрупулезно ответил Вадик. То есть там, может, и было что-то похожее в терминологии, но это были другие вопросы.

Из неизвестного массива или провала памяти Вадик выдал ответы на другой билет. И ему на это указали.

Паршин криво улыбался. Вадик постепенно доходил до сознания глубины прокола.

Он два часа якобы готовился, отвечая на вопросы другого билета. Которые он не мог знать. Так как не вытягивал этот билет. Не учел он — и не мог учесть, не зная того, — выпавшую из подсчета скрепку билета, отданного Павлюком Светке Ковалевой.

Но он был Вадиком и не удосужился сверить вопросы на карточке билета с теми, что были на «медвежьем» ответе. Причем каждый ответ при написании «медведей» начинался с подчеркнутого вопроса.

Короче, вместо ответов на вопросы тридцатого билета Вадик пару часов умно паялся на ответы тридцать первого. Билеты Павлюка и Ковалевой имели меньшую нумерацию. И ничего, глаза не сломались.

Билет Павлюка он помнил. Десятый. Или он посчитал неверно? Вадик лихорадочно теребил пальцами подкладку пиджака.

— Я сейчас, Иван Лаврентьевич, — пробормотал он и попытался по-пластунски незаметно отползти на исходную позицию.

— Да-да-да...

— Сейчас.

— Ага...

Паршин мягко покивал, смотря, как Вадик берет с его стола пару чистых двойных листов для новой подготовки. Улыбка не покидала его лица. Он с интересом вглядывался на открывшегося новой, доселе неведомой, гранью талантливого Вадика. Кто знал, что еще могло выйти из-под пера гениального Черногола.

Но отсесть далеко Вадика не позволили. Паршин клевком короткого сосисочного пальца указал на первую парту. Убитый Вадик покорно пал на стул и

опустил голову перед гильотинированием. С последующей обвалкой туши.

До него дошло, что он каким-то непостижимым образом просчитался. Буря мятущихся мыслей га-лопом носилась в его черепе, окончательно расплетая извилины.

Как такое могло произойти, и в какую сторону — большую или меньшую — он просчитался? Учитывать ли билет, который он достал?!

Под заинтересованным взглядом старшего преподавателя он как прокаженный ожесточенно чесал ребра с нужной стороны. Сколько отсчитывать скрепок: тридцать или меньше? Или больше?

Паршин слушал Павлова вполуха. Впереди его ожидала более занятная жертва. Вундеркинд Черногола. Чем-то он еще обогатит науку?..

Все экзаменуемые уже зашли. В аудитории оставалось семеро человек. В коридоре, правда, не стихал гомон ожидающих.

С превеликим трудом, покрываясь холодным потом, Вадик достал следующего «медведя». Это был ответ на тридцать второй билет. Никак не на необходимый тридцатый.

Но этого он не определил. Хотя, подпирая отяжелевший лоб ладонью, готовился еще полчаса.

Что заклинило в мозгу Вадика, он впоследствии объяснить не мог. Он справедливо указывал на нескрываемый интерес к своей персоне заинтригованного его выдающимися способностями Паршина. Отчасти этим можно было объяснить его невнимательность.

Не помогло ему и отвлечение Паршина на Людку Бакланову. Поздней осенью она родила, практически не прерывая учебы.

— Ну и кто родился? — поинтересовался, изучая ее неубедительные краткие заметки, Паршин.

— Сын, Иван Лаврентьевич.

— Хорошо, — прогудел Паршин. — Ну и как называли? — для проформы спросил он.

— Иваном.

Тщеславный Паршин вскинул шею. Тройной подбородок почти разгладился. Он похлопал заплывшими маленькими глазками. Сделал неожиданное резкое движение кистью руки.

— Давай зачетку. Четыре. Хорошо.

Ко второму подходу к снаряду поманил сам Паршин. Истомился. Вадик побрел на разделку своего тела на составные части. Так сказать, на филей, шейку, огузок... Мозги.

Вопросы вновь оказались не те. Фатальное невезение.

Вадик молча согласился, внимательно изучив многострадальный тридцатый билет. Вдохнул, как загнанный конь. На бойню. Терять ему уже было не-

чего. Против правды не попрешь. Читать он быстро учился. Куда только раньше смотрел.

Паршин из-под набрякших век удовлетворенно посматривал на теряющего остатки лица Вадика. Уголки глаз старшего преподавателя лучились морщинками.

Вадик замешкался у стола, подбирая новые листки для научных изысканий по теоретической механике.

Спасение пришло с неожиданной стороны. К Паршину заглянул коллега с округлым газетным свертком под мышкой. Их часто видели в «Восходе», где они добавляли на разлив вина. Из ароматно-крепленого ассортимента.

— Так, — быстро определил в уме новые правила игры математизированный Паршин по своей системе.

Коллега выказывал недовольство, поглядывая на часы.

— Если Вася получает пять, вы четверо — четыре... — Паршин водил пальцем по аудитории. — А вы двое — три.

В число счастливых вошел и вытянувшийся столбом Вадик. Он уже начал почесываться, подбираясь к карману. Времени явно было в обрез.

— Если он получает четыре, вы — три, — завершал комбинацию Паршин. — А вы двое подходите позже еще раз.

Вадик сник и попятился задом.

— Давайте все зачетки сюда, — для ускорения процесса скомандовал измученный жаждой коллега.

Он посадил заполнять их одну из девчонок. Она рьяно принялась за понятное ей задание.

Оставшиеся с надеждой глядели на головастого Васю. Красный как рак, с всклокоченными волосами, он корпел над второй задачей, подброшенной инквизитором Паршиным. Они накоротке обменивались с Паршиным репликами на понятном им одним птичьим языке. Коллега тоже склонился над Васиными трудами и выпятил губы трубочкой. Они переглянулись с Паршиным. Похоже, Вася шел на решение заведомо нерешаемых теорем, опровергая устаревшую теорию упругости.

У стола Паршина собралась толпа преданных болельщиков. Вася явно оправдывал высокое доверие коллектива.

Короче, третьего «медведя» Вадик извлекал второпях, не отходя. Как фокусник зайца из-за пазухи.

Паршин показал коллеге на титана мысли: ответы опять не совпали с вопросами билета. Тот отмахнулся — и не то видали — и поправил сверток под мышкой.

Вадик выпал из цепких когтей. В зачетку легло очередное «удовлетворительно».

— Ну-ну, — отметил его успехи Паршин, передавая книжицу. — Обширные познания у вас.

Павлюк кореша в коридоре не ждал.

В смятенных чувствах, оглушенный успехом, вышел Вадик на улицу Энгельса.

Навстречу подвигалась вся команда. Возбужденно жестикулировали, о чем-то громко разговаривая. Павлюк, Губарь и Точило шли на пиво.

Вадик заканючил было о медвежьей услуге Павлюка. Его не стали слушать. А если бы не отмахнулись, попадали бы с ног со смеху. А так только вечером. После пива.

Отмечать экзамен Вадик не пошел.

Припоминал он Павлюку свою сдачу теормеха еще долго. До конца зимней сессии — часто. Потом постепенно рана начала затягиваться.

Но «медведей» вместе больше не писали.

Маятник качнулся в другую сторону.

До восьмидесят четвертого окормлял многонациональный советский народ сильно больной Андропов. Переместившись в кресло руководителя партии и государства из кресла председателя всемогущего КГБ. Что на Лубянке.

Сразу же пошли повальные проверки везде и вся. Внезапно на дневных сеансах включался свет в кинотеатрах, и никто не кричал киномеханику привычного при обрыве ленты: «Сапожник!» Всех, кто в это время должен был быть в институте или другом учебном заведении, а тем паче на предприятиях, выводили под белы ручки, сажали в автобусы и увозили.

До расстрелов дело за нехваткой времени царствования не дошло, но проработки и наказания возымели действие. Народ подтянулся.

Бомжей куда-то вывозили подальше. Алкоголиков принудительно лечили при наркологических диспансерах в лечебно-трудовых профилакториях, ЛТП. Несунов, воровавших все, что плохо лежит на родных заводах и фабриках, — а все было закреплено крайне непрочное, — сажали пачками. Повсеместно приговоры суда по отсидке в местах лишения свободы не очень отдаленных преступникам заменялись «химией», то есть работой на стройках народного хозяйства и вредных производствах. Там, где никто работать не хотел.

Либерально, конечно, не как при Иосифе Виссарионовиче. Но без дармового труда подданных колоссальное здание социализма не могло устоять на глиняных куриных ногах. Даже спиной к народу.

Студенческая среда тут же предположила введение новой единицы в метрическую систему СИ в дополнение к вольтам, амперам, фарадам и т. п. —

один андропий. Равный пятнадцати годам заключения.

Запомнился новый генсек и многим полюбился снижением цен на водку. Стратегический разменный продукт. Надежнее денег. Цена на пол-литру белой отравы до него повышалась от забытых два восемьдесят шесть до знаменитых три шестьдесят две, затем от четыре двенадцать до пять тридцать. И тут на тебе... Четыре семьдесят!

Как говорится, барин крут, но справедлив.

Народ возликовал, до того привыкший к регулярному росту цен на все виды продуктов и товаров, иногда очередные повышения которых объявлялись временными, что только подтверждало их постоянность.

При повышении на отдельные жизненно важные товары типа малодоступного обычной торговле масла и мяса на четверть, а полумифических предметов роскоши типа хрусталя, ковров и холодильников — на пятьдесят и совсем недоступных автомобилей — на сто процентов осуществлялись одновременные примерные снижения цен. Чтобы подсластить и показать, что в действительности идет всего лишь тактическое выравнивание линии фронта при планомерном наступлении неприятеля. Припоминаются жесточайшие падения цен на стержни для шариковых ручек первой необходимости. С восьми до семи копеек. Народу полагалось радоваться или заткнуться.

А водку шутники тогда быстро расшифровали по буквам: «Вот она доброта коммуниста Андропова».

Дешевый авторитет работал в среде стремительно люмпенизовавшегося пролетариата. Ходили, однако, слухи, что гнали водку из нефти, а не из пшеницы. Продукт действительно не славился высокими потребительскими качествами, запах и вкус доверия не внушали, но стоимость подкупала. Бюджет советского человека не был резиновым.

Зарплаты колебались от инженерских начальных ста тридцати до, в общей массе, рабочих двухсот. На круг. На них в аванс и получку, то есть пятого и двадцатого каждого месяца, трудящиеся и напивались до штабельного помещения в вытрезвители. С последующей отработкой пятнадцати суток и письмом на родину герою. Раньше их даже стригли налысо, но недемократичные времена прошли, и осталось только стойкое звание пятнадцатисуточников: декабристы. Указ о данном сроке за мелкое хулиганство, часто сопряженное с алкогольным опьянением, вышел в декабре.

В известных стихатах о любимой водяре при последовательном стремлении цен на нее вверх говорилось: «Передайте Ильичу, нам и десять по плечу».

Лишь в концовке окончательный рубеж устанавливался: «Если будет двадцать пять, будем Зимний брать опять».

Как говорил папа сыну в анекдоте в ответ на вопрос крохи-несмышлениша: «Если водка будет дороже, ты будешь меньше пить, папа?» — «Нет, ты будешь меньше есть!»

Правил Андропов в конце неполного полуторгового срока от перенапряжения подключенным к аппарату искусственной почки — а может, и двух, — уже из Центральной клинической больницы Четвертого Главного управления Минздрава. (Там, похоже, и передал власть преемнику.)

Откуда переместился на лафет и, опять же, к Кремлевской стене.

В честь чего переименовали Рыбинск. В Андропов.

Октябрьская площадь

Некоторые считали его самым большим лоботрясом во втором — фавтовском — общежитии.

Отважные однокурсники, знакомые с его широкой натурой, звали его Гуля. Стеснительные — называли в его отсутствие. В окончательном варианте — для узкого круга в четырех стенах комнаты 105 — он каким-то образом превратился в Мулю.

На поверхности двухметровый Олег Губарь легко обрисовывался в двух словах. Его девиз звучал емко: «Лучше переест, чем недоспать». Высеченный кухонным ножом по докторской колбасе.

Питался Губарь за себя и за того парня. Всегда.

В комнате у него была своя вилка. Скороежка. Собственной конструкции. Точнее сказать, это был усовершенствованный вариант простой алюминиевой вилки с максимально раздвинутыми в стороны зубчиками.

Ели-то зачастую сообща из одной сковородки. Так что широта захвата не мешала. В кругу друзей, как говорится, щелкать ничем нельзя практически...

Возможность перебраться в общежитие образовалась в начале третьего курса.

То ли в связи с отчислением неуспевающих, то ли из-за встречного оттока студентов на квартиры. Решили использовать шанс и влиться в веселую атмосферу расширенного совместного проживания индивидуумов.

Олег Губарь, Воха Павлюк, Гарик Точилин и Вадик Черновол, переместившись в пространстве, не изменились характерами. Времени прошло мало.

Окно их комнаты выходило на широкую Октябрьскую площадь.

В теплое время года в раскрытый проем несколько раз выставляли девяностоваттные колонки соседей. Для испытаний.

Подгадывалось пересечение площади расслабившимся прохожим, груженным авоськами. Отстоявший полдня в очереди за съестным, советский человек становился легкой добычей экспериментаторов от музыки.

Включалась на полную громкость «Стенка» «Пинк Флойд» в месте пикирования самолета, бомбометания и выстрелов из всех видов автоматического и иного оружия.

Прохожий сгибался страусом, пряча голову в раскаленный асфальт, и как-то боком перемещался с открытого простреливаемого пространства. Женщины метались под артобстрелом с хорошо поставленной истерикой.

Гражданская оборона охватывала население страны с детского сада. Советского человека тренировали на случай атомной войны.

Военнослужащему в случае нападения врагов, сопряженного с ядерным взрывом, предписывалось накрыться шинелью и лечь ногами в сторону гриба. И последующих ударной и прочих волн. Что-бы обезопасить себя.

Затем уже можно оборачиваться простыней и ползти на кладбище. Чтобы не повредить казенное обмундирование, раскаленный автомат предписывалось держать на вытянутых руках.

Олег Губарь любил совершить вечерний моцион по четвертому этажу общаги. Лениво дефилируя по широкому коридору в красном спортивном костюме олимпийской сборной, он смачно пережевывал осолобого изготовления бутерброд. Половинка круглого белого хлеба вдоль, слой масла, слой колбасы, слой сыра.

— Блокадный бутерброд, — неизменно убеждался Павлюк, наблюдая за творческим наслаиванием продуктов.

Губарь прогуливался и гундосил себе под горбатый нос:

Спят усталые студенты, книжки спят, ля-ля-ля-ля-ля...
Профессура и доценты ждут ребят, ля-ля-ля-ля-ля...
Калькулятор спать ложится, чтобы ночью нам присниться.
Ты им пожелай... баю-бай!

Он остановился на пороге своей комнаты у лестницы, опершись спиной о косяк. Снизу поднималась гурьба однокурсников.

— Спокойной ночи, малыши? — походя спросил кто-то вместо приветствия.

— Вадик!

Губарь, не меняя позы, толкнул дверь локтем. Она распахнулась.

— Как по-хохлацки — малыши?

— Малышки, — донеслось изнутри.

— Неплохо.

В дверях появилась лохматая голова Гарика Точилина. Образ больного куриной слепотой с плаката санпросвета. Он похлопал глазами, наводя относительную резкость.

— Колыбельную поешь? Рано еще. Тетя Валя еще показывает.

— Для тех, кто не спит? — осклабился Губарь.

— Ну!

— Стриптиз?

— Следить надо, сейчас начнется, заходи — посмотришь...

— Тут такое творится... Филя-то со Степашкой под столом. От детей все скрывают!.. — донесся голос Павлюка.

Из комнаты появился и сам обладатель голо-са. С верным Вадиком. Почесать языки. Но спортивный Губарь шел дальше прогулочной ходьбой. Блокадный бутерброд закончился под жерновами крепких зубов. И он всунул туда сигарету.

В это время суток в общежитии всегда царил атмосфера лихорадочной подготовки. Растревоженный улей трутней. Кто-то уходил гулять или на дискотеку, в кино, кто-то ждал гостей, а кто-то и без посторонних что-нибудь отмечал. Кому где медом было намазано.

На общую кухню беспрестанно забегали и вы-бегали, чтобы поставить или снять сковороду, кастрюлю или чайник. Газ кольшующимися синими бутонами поднимался на полметра над плитой.

Шаркая тапочками, забрел основательный мореман Юрий Сорокалетов. Окунул сковородку в пламя. Картошка с салом, проконтролировал Губарь.

— Ужин старого холостяка?

— Таки да, — посетовал Юрий.

Перекурили. Моряк всегда по-братски угощался.

— Закурим? — говорил он тому, кто уже курил.

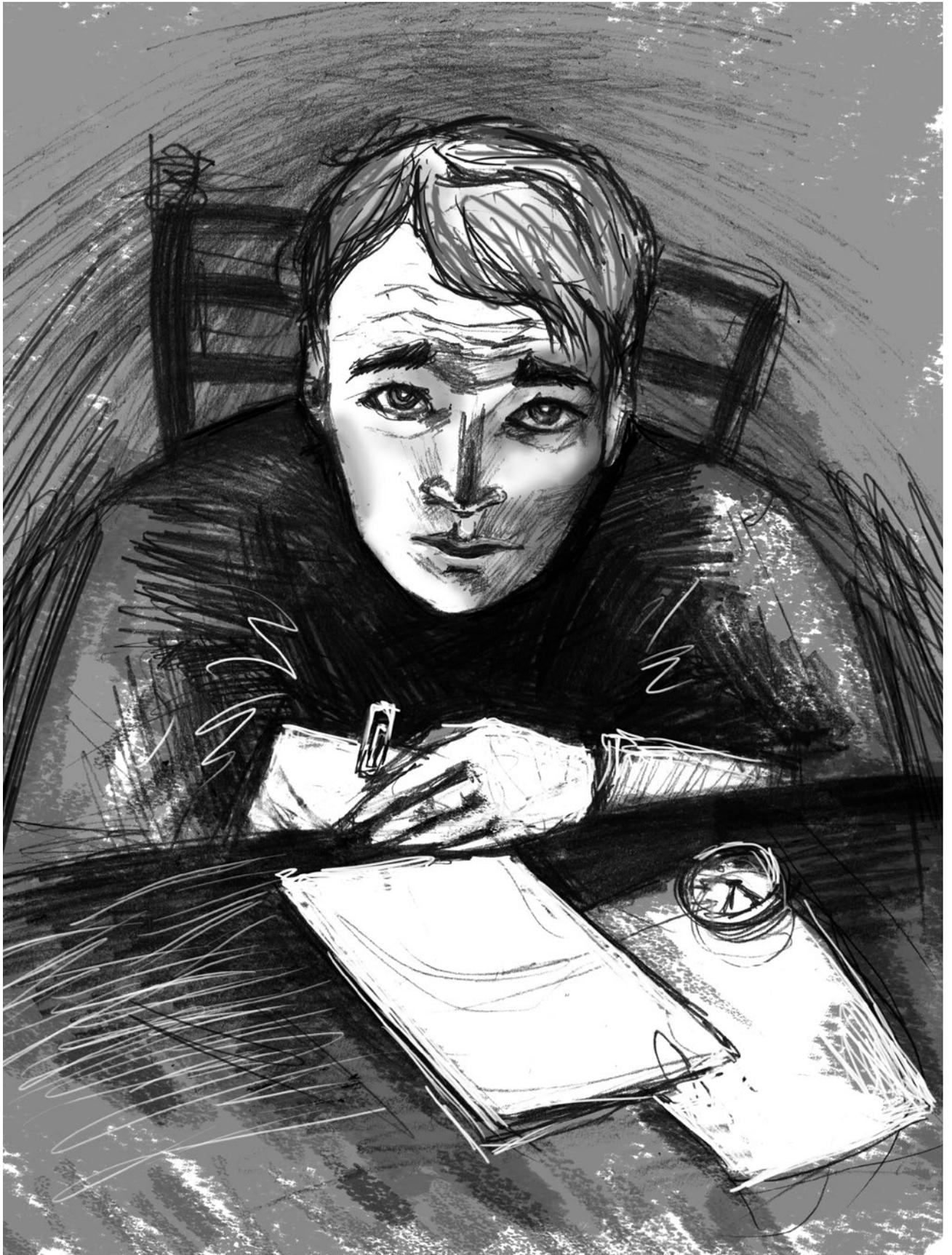
Губарь достал мятую пачку «Дорожных».

Вонючие «Судорожные», или «Смерть пешеходам», он всегда специально носил с собой. Для друзей.

Полгода он показывал синюю пачку на вахте в институте. Потерял студенческий билет где-то.

Быстро минуя пост контроля на входе, он, озабоченный предстоящей лекцией, взмахивал сигаретами. Студенческий билет тоже был неопределенного грязно-синего цвета.

Документы требовалось предъявлять в развернутом виде, но это правило соблюдалось редко. Только после внезапных проверок несения службы

вышестоящим начальством. Строгий вахтер хоть и выходил по утрам из кабинки отлавливать всяческих нарушителей предписанного режима, но в плотном людском потоке не успевал за всеми и не замечал подмены.

Так Губарь и проходил до конца семестра. Каждый день забывая зайти в деканат и заявить о потере. В связи с трагическим случаем кражи личных вещей в раздевалке института. Вместе с билетом. А так-то оберегаемым, как зеницу ока.

Выручали «Дорожные», покупаемые для стреляющих.

Сам он курил элитарное болгарское «БТ» за восемьдесят копеек. При стипендии — сорок рублей. Для справки.

С ним было легко.

Для него не существовало слов «нет и нельзя». Если Губарь чего-то хотел, он добивался этого. Жаль, что эти порывы были редки. Он мог вывести из ступора любую компанию. В моменты уныния и всеобщего упадка духа по причине непонятия, чего делать и к чему приложить усилия.

— Как дальше жить, дорогая редакция? — называл это состояние Павлюк.

Губарь неожиданно объявлял:

— Так, идем в кино.

— Не успеем, — сразу же мазал картину негативом Вадик.

— Да, уже полдевятого.

— Когда последний сеанс?

— В «Октябре» в девять, — докладывал кто-нибудь. — Французская комедия.

— Билетов-то все равно нет, — канючил Вадик.

— Пошли!

Предвкушая развлечение, с топотом сбегали по лестнице. Губарь извлекал трубку из телефона-автомата, не заходя в кабину. Стекла были выбиты. Накручивал номер кассы кинотеатра. Номер проверяли по справочнику у вахтерши.

— Здравствуйте, — размеренным поставленным голосом произносил он в микрофон.

Гарик приседал, хлопая себя по коленям. Павлюк придерживал его под мышки.

— Это управляющий делами горисполкома Белый. Да... Василий Аркадьевич. У меня к вам просьба... Племянник мой подойдет, хотел он с друзьями в кино к вам сходить сегодня, поздно спохватились... Да. Не отложите ли, пожалуйста, четыре билета. Губарь его фамилия... Ага, Губарь. Первая — «г». Спасибо. Всего доброго.

Осечки ни разу не случалось.

В кассе, несмотря на позднее время, теснилась толпа. В надежде на то, что выбросят некоторое ко-

личество билетов, люди ожидали по часу. Такое случилось. Даже при аншлагах. О наличии всяческих броней, снимаемых перед самым началом сеанса, знали.

С выражением тайного знания на лице обычно ожидали вызова в сторонке. Окошко кассы было облеплено бесформенной массой желающих. Готовились локти для борьбы. Внезапно, как из дупла, высовывалась голова кассирши. И не глядя на скопление людей, обычно неприступная, она отзывчивым голосом вопрошала:

— Губарь есть?

Произносила она это таким голосом, словно одновременно и уточняла где-то по бумажке фамилию.

— Да, да, — наперебой кричали помощники Губаря.

Губарь протягивал деньги поверх голов и получал голубые корешки билетов.

Был он немногословен. Дружелюбен, как все большие люди. Практичен. Уверен в себе. В душу ни к кому не лез, свою не выворачивал. Про таких говорят «себе на уме».

До определенного им момента он всегда был в компании. Если деньги водились — угощал. Не зажимал. Деньги у него не задерживались. В общем, свой парень. Но по женщинам ходил самостоятельно. Не обременяя себя хвостоподами.

Когда деньги кончались, Губарь не предпринимал попыток их поиска. На заработки не ходил.

Гарик однажды затащил Павлюка разгружать вагоны. На мясокомбинат. Одна из лучших шабашек. Губарь отказался.

Женщины, работавшие на комбинате, жалостливо посмотрели на студентов. Стройный до анатомической костлявости Павлюк выделялся. И сердобольно посадили сначала за стол в подсобке. Им принесли полную сковороду жареного, ломтями нарезанного мяса. Потом они четыре часа таскали трупы крупного рогатого скота в морозильник.

А Губарь просто ждал перевод из дома.

Как-то в дни глубокого финансового кризиса, почти как у капитализма, он, экономя на словах и на последних деньгах, отбил родителям телеграмму: «Целую двести».

Двести рублей пришли незамедлительно.

При столь постоянном и обильном искусственном вскармливании зимой он ходил в синтетической шапке-ушанке за семнадцать рублей.

— Из ежа, — отмечал меткий Павлюк.

Четыреста рублей, высланных родителями на ондатровую, пропили уже дважды.

Темно-бурый пластмассовый мех отечественной промышленной выделки от воздействия атмосфер-

ных фронтов намертво слипся сосульками. От влаги шапка съежилась до детского размера.

— Как еж, — уточнял Павлюк.

— Шапка-невидимка, — сказал Гарик.

Губарь при необходимости утеплиться всегда искал свою шапку-малышку. Многократно подозревая Павлюка в сокрытии головного убора. Весной, летом и осенью она валялась за батареей. Что тоже не придавало ей формы.

Носил он ее на лбу. Ставил немного боком и наклонял голову вниз, прикрываясь от встречного пронизывающего ветра.

В Таганроге ветер зимой — самое противное. С трех сторон окруженный водой город продувается насквозь. Стыло и сыро. При температуре около нуля и ветреной погоде ощущаются все минус десять. С неба сыпется что-то среднее между дождем и снегом, застывающее ледяной коркой. Провода обмерзают и рвутся. Трамваи и троллейбусы не ходят. Студентов выводят долбить ломом лед, освобождать рельсы.

Зато летом изнуряюще жарко. Под сорок и за. Так что дышать нечем. Даже ночью обливаешься потом при распахнутых окнах на липких простынях. Одурающее марево. И ни ветерка. Ни одного дуновения. Ни единого колыхания эфира.

В зной полупримеренные жители, сберегая силы, передвигаются от тени к тени. Ленивая походка коренного горожанина вырабатывается в первый же год проживания.

Из одежды никогда не экономил Губарь только на носках. Чтобы не стирать. Накупал он их сразу десятками. И хранил в чемодане под кроватью.

Ношенные, однако, не выбрасывал, а складывал обратно в противоположный угол чемодана. Наступало время, когда все свежие носки заканчивались. Тогда Губарь отбирал в куче использованных самые, на его взгляд, чистые и надевал их по второму разу. Так они все проходили второй круг ада. Как минимум. За новыми идти в магазин было лень. А там наступал конец семестра и поездка в родной Челябинск.

Так что сборы поутру в институт у Губаря проходили одинаково. В переборке барахла в чемодане.

Павлюк надрывался, наблюдая, как Губарь брезгливо обнюхивает очередную потенциальную пару. Извлеченные на свет скомканные носки Губарь разминал, растягивая и дергая в руках.

— Дышите глубже, — насмехался Павлюк, — вы взволнованны.

Он же вывел для Мули четыре стадии ношения носков.

Первая: бросаешь к потолку — прилипают.

Вторая: снимаешь, ставишь на пол — стоят.

Третья: можно подстригать ногти, не снимая носков.

Четвертая: можно надевать носки, не снимая туфель.

Вадик добавил некую промежуточную классификацию:

— Бывает, твердеют. Так что если одеваешь не на ту ногу — натирает до кровавых мозолей.

— Кого одеваешь? — кривился точный в формулировках Точило. — Пальто, что ли?

В институте тем не менее Губарь старался много времени не проводить. Уставал.

Если спрашивали, почему он не на занятиях, отвечал встречным вопросом:

— Смысл?

Отлеживался в общежитии, скрестив ноги на никелированной дуге спинки кровати. Он с трудом помещался на ней. Чаще свободными от встреч с женским полом вечерами его можно было застать смотрящим телевизор.

Один раз сожители, возвратившись в общагу, лицезрели его в непривычной позиции. Губарь сидел напротив телевизора на спинке стула с бутербродом и шваброй в руках. Ящик был в пределах досягаемости инструмента.

— От кого отбиваешься? — хохотнул Павлюк. — Они наступают?

— Страшное кино? — поддержал Гарик.

— Глючит его чего-то опять... — протянул Губарь и коротким ударом выбил дурь из старого лампового телика. — Когда почините, умники?

Он не отрывался от голубого экрана. Там суетливо бегали черно-белые баскетболисты. Близкий Губарю по духу вид спорта. Если смотрел не с начала, он обычно выбирал тех, кто проигрывает, и болел за них. За серых или за белых. Главное, чтобы интрига была. Конечными результатами чемпионатов он не интересовался.

Экран полосами зарябило от помех. Губарь нанес шваброй удар по фанерному корпусу телевизора. Поставил точку. Рационализатор, как все лентяи.

— Что-то в лампах... — заинтересовался Павлюк.

— Электроника — наука о контактах, — прибавил ученый Вадик с чужого голоса.

— Инженерская жилка у тебя, Муля, — со смешком оценил Гарик.

Павлюк зевнул.

— Конструктор.

— Место надо знать, — сказал Губарь, поигрывая шваброй в воздухе.

— Нашупал? — уточняюще спросил близорукий Гарик. — Кто играет?

Он протер экран от пыли ладонью и попытался, как Буратино, проткнуть носом картину.

— Интересно, почему не выпускают телевизоры для слепых? — сразу же выдал Павлюк. — Смотришь так...

Он полуприсел, показывая ощупывающие движения пальцами с прикрытыми глазами.

— Постельные сцены особенно... Спокойно!

Стартовать первым он успел. Гарик, естественно, принявший шутку на свой счет, с выкриками и индейским улюлюканьем гнал его по всему коридору. Вернулись запыхавшиеся минут через пять. Оба держались за бока. Павлюк выглядел видимым образом не покалеченным.

Губарь одобрительно посмотрел на бегунов.

— Спортсмены. Кросс сдавали?

— Нормативы, — хихикнул Вадик.

С яйцами Вадика как-то приключилась история. Беда прямо. Куриными.

Мама с папой привезли ему обычную пару черседельных сумок с провиантом. На пару недель. В эту доставку яиц было несметное количество. Вадик загрузил полный холодильник.

— О, яйца, — вечно голодный Павлюк почесал впалый живот обеими руками.

— Чьи? — поинтересовался Губарь.

— Обожрем хохла, — сделал предложение Павлюк. — Ты сколько сырых яиц можешь выпить за один присест? — спросил он у Губаря.

— А ты?

— Все — могу, — оценил стопку квадратных гофрированных поддонов Павлюк. — Запросто.

Он шумно проглотил слюну. Было слышно, как она продвигалась к диафрагме. В животе забурчало.

— Давай кто больше, — лениво согласился Губарь и тоже погладил живот.

— Спорим. На блок «Золотого руна».

Павлюк любил эти сигареты. Он рассчитывал на победу.

Губарь снисходительно усмехнулся.

— Ароматизированного и соусированного?..

— А то!

Разбить было некому. Вадик с Точило отсутствовали при проведении состязания. Вадик — на свою беду.

Начали бодро. Пища выглядела возбуждающе. Не чикаясь, отбивали ножами конусообразные маковки и опрокидывали разом содержимое в полость. Павлюк отчетливо стербал жидкостью от удовольствия. После пятнадцати яиц на брата по взаимной договоренности перешли только на желтки. Остановились передохнуть на цифре 92. На двоих, разумеется.

Откинулись от стола.

Длинные руки Павлюка как плети свисали со спинки стула. Тара валялась на полу. Но яйца не кончались. Он осоловело уставился на гору скорлупы перед собой. Похоже, его начинало мутить.

— Плохо? — поинтересовался Губарь.

Он выглядел заметно свежее.

Вместо ответа Павлюк отчетливо выпустил газы в подушку. Сидел он на кровати Вадика, своего лучшего кореша.

— Советский газ — Франции, — назвал он процедуру.

По телевизору беспрестанно обсуждалась обменная сделка века с капстранами: газ — трубы. Они нам трубы большого диаметра, а мы им по этим трубам газ. Крайне выгодный обмен, говорили политобозреватели программы «Время».

— А выйти нельзя было, конечно?

— Веришь, Олега, не могу.

Распахнулась дверь.

— Двое голодных псов, раздетых до трусов, — не разобравшись, произнес с порога поначалу отчего-то довольный Вадик.

Тонкий под горло красно-коричневый свитер. Поверх свитера подтяжки, прикрепленные к темно-синим джинсам. Комплект дополнялся остроносими и блестящими оранжевыми туфлями на скошенном каблуке. (Вадик был низковат, что его не радовало.) Полный выходной костюм первого парня на деревне.

— Что радостный такой? Кошелек нашел? — попытался понять его настроение Павлюк.

Они с Губарем одновременно икнули.

Точило вошел следом за Вадиком.

— Ничего не оставили? — обеспокоился он, осматривая остатки пиршества.

А зажимистый Вадик тогда обиделся.

Он старался потреблять свои продукты самостоятельно. Хотя ему приходилось привыкать к выходкам товарищей. До этого обычно они пробавлялись его мясopодуктами. В частности колбасой.

Как-то Павлюк с Губарем в один присест — съели две палки добротной украинской сырокопченой колбасы.

— Так больше влазит, — сказал Павлюк.

Пока Вадик провожал маму до машины. Четыре этажа вниз, пять минут на прощание, четыре этажа вверх.

Потом он безуспешно рыскал в громадных сумках, причитая:

— Мама обещала колбаски положить...

Голос был таким расстроенным, что сытый Губарь фальшиво посожалел:

— Что, нету?..

— Забыла, наверное... — добавил малоубедительно Павлюк.

Он незаметно ковырялся спичкой в зубах. Ели быстро, не жуя. Без излишнего гурманства.

— Наверняка, — согласился с Павлюком Губарь.

Несколько раз проходил трюк под названием «Можно, я вот так съем».

Где-то пятую часть батона колбасы Губарь ограничивал пальцем и задавал вопрос:

— Можно, я вот так съем?

На Вадика он в это время не смотрел. На колбасу смотрел. Скрепя сердце Вадик соглашался.

— Да, — обреченно произносил он.

— Мужчина, — хвалил его стойкость к невзгодам Павлюк.

И, потирая руки, присоединился к Губарю. Съедали они большую часть. Оставляя Вадика пятую.

Первый раз Вадик только обиженно похлопал глазами, не найдя что сказать в ответ на аттракцион.

А Губарь степенно варганил многослойный бутерброд и выходил с ним на променады. Иногда и на улицу.

Два мужских общежития Радиотехнического института торцами выходили на пустынную днем Октябрьскую площадь. С противоположной стороны ее охватывали в клещи такие же желтые четырехэтажные сталинские дома. Только с балконами. На крыше одного из домов был укреплен лапидарный самовосхваляющий лозунг: «СЛАВА КПСС!».

Замыкал пространство лично Владимир Ильич. Озарял путь, как говорится. Посеребренный в полный рост. Кажется, без головного убора. А может, в руке сжимал.

За его спиной разбили небольшой сквер. Регулярные гравийные аллеи не удовлетворяли народ, и чахлые газоны были наискось вытоптаны расходящимися тропами.

Вечером у каменного изваяния Ленина заполнились все лавочки.

Сюда приходили послушать магнитофон, выпить, посмотреть на лиц противоположного пола, поговорить, поспорить, поругаться. Иногда дело доходило до драк.

В моду входил «тяжелый металл».

— Тетки, идите хеви-метал слушать! — кликушки зазывал Павлюк всех проходящих девиц.

Губарь поощрительно кивал кучерявой головой.

Визгливые звуки растревоженных гитар неслись по площади. Непривычно звучала популярная группа на русском языке. «Ария». До того признавались только исполнители, поющие на английском или итальянском.

Неизменно появлялось несколько человек с плеерами, в наушниках. Их называли «дебильники». Наушники. А слушающих — эгоистами. Плюс гитара к консервированной музыке.

После десяти вечера в свете прожекторов становилось особенно оживленно. Девушки играли в бадминтон. А еще волейбол и скейт.

Это, кстати, было новым явлением. Редкие катающиеся явно выделялись. На них смотрели как на людей из другого мира. Где можно все. Ну не все, но хоть что-то.

Велись разговоры.

— Что такое жизнь?.. — вступал резонер Гарик Тоцилин.

Павлюк лениво оппонировал:

— Так, открываем прения. Разъясните нам, убогим, товарищ Гарриман, как дальше жить.

Обращался Гарик к привычно молчаливо сосредоточенному Игорю Макушину из параллельной группы, вызывая его на дискуссию. Они обычно вели самые жаркие диспуты.

— В смысле, в чем смысл жизни? А чего ты хочешь от нее? — спрашивал Игорь.

— Или ты хочешь узнать, зачем мы вообще живем? — усмехался Губарь.

Хватая собеседников за одежду, Гарик убеждал:

— Не нужно все мерить на деньги. И переводить на них.

— А что же, бесплатно работать? — удивлялся Вадик.

— Деньги — это не цель, — соглашался Игорь.

Когда начиналась философия или заканчивалось пиво, Губарь уходил. Не видел смысла.

Пол-инженера отмечали бурно. Середина третьего курса. Начинали по группам, потом высыпали на Октябрьскую площадь.

В сквере на углу Ленинской и Украинского переулка, беседуя, отдыхали на лавочке бронзовые Королев с Гагариным. Между ними оставалось достаточно пространства. Металл в том месте был отполирован.

Снимок в обнимку с покорителями космоса считался обязательным в наборе фотографий настоящего студента.

На площадь подошли веселые гидроакустики. Они тащили какой-то полосатый матрас. Горланили: «Ура, ура, ура!..»

— Пошли к Петру! — позвал кто-то из них.

Нельзя сказать, что было жарко тем зимним вечером. Но народ, дополнительно разгоряченный, махал в воздухе шарфами. Выкликавая обрывки песен, гурьбой двинулись в сторону морского порта.

Над обрывом у Новой каменной лестницы, окруженный старыми корабельными пушками и якорными цепями, стоял монумент другому правителю страны. Основатель города Петр Первый опирался на трость и из-под треуголки сурово смотрел в даль на серое море. К тому моменту еще не замерзшее.

На царя собрались натянуть тельняшку. Кафедра-то военная в «Радике» была военно-морской. Умельцы скроили из подручного материала подобие символа морской души. В ход пошли простыни, размалеванные черной краской.

Сейчас, говорят, это вошло в традицию.

Петр помещался на высоком постаменте, так что пришлось делать акробатическую пирамиду.

Губарь с себе подобными атлантами цементировал основание. На его плечи взобрался щуплый Джон Ковалев из соседней комнаты. Вцепившись в камзол бронзового памятника, он набрасывал на него полосатую хламиду, как сеть. Толпа снизу подбадривала, советовала и поддерживала шатающуюся конструкцию.

— Сзади заводи, Джоник!

— Накидывай на шею!

— На зэка похож.

С трудом, после нескольких попыток, на туловище Петра натянули тельник. Пришлось немного надорвать его. Треуголка не пролазила в ворот.

Царю в арестантской робе вставили сигарету. Джон чуть не сорвался. В жерла пушек натолкали пустых бутылок.

Гурьбой подошли к самому обрыву.

В порту было светло, как днем. Прожектора освещали коленчатые, похожие на журавлей краны. Они осмысленно перемещались, клевали носом. Грузили и выгружали. Контейнеры, металл, щебень и уголь. Доносился монотонный гул.словно работал огромный трансформатор. С лязгом прополз нескончаемый товарный состав.

Маленький лоцманский катер выводил на рейд меж двух сигнальных бакенов огромный сухогруз. Густой натужный рев прорезал воздух. Пароход развернулся, вспенивая воду. За ним потянулся свинцовый взбрыженный клин волн, постепенно разглаживаясь и исчезая.

На краю земли оставались немногие.

Губарь посмотрел на Игоря Макушина с высоты своего роста и ничего не сказал. Хотел, но передумал. Только поощряюще кивнул ему. Гарик с Павлюком приблизились.

И Игорь негромко прочитал свои стихи:

Кто-то спьяну сказал, что жизнь коротка,
Нужно все позабыть и всласть веселиться, —
Разве можно продлить ее на века?

Ведь корабль ушел, к чему же стремиться?..

Почему ж не пробьет нашу тьму острый луч маяка?!

Лучше кровью окрасить тупое стекло,

Но лишь птицы летят к его вспышкам пока,

Людам с честью разбиться о него не дано.

Постояв еще немного, не глядя друг на друга, не произнеся ни слова, притихшие немногочисленные полуночники разбрелись спать. Светало. Но солнце еще не взошло.

Случай не прошел незамеченным и бесследно. Стукачи были везде. Подобные шалости не поощрялись. Мягко говоря.

Из института за хулиганство, антиобщественное и аморальное поведение исключили отличника Женю Ковалева и еще двух человек из основания пирамиды.

Муля тоже фигурировал в некоем негласном списке, озвученном в кулуарах деканата факультета. Но срочно прилетал из Челябинска его папа, и в число отчисленных Олег Губарь не попал.

Папа Губарь был заместителем директора завода (видимо, оборонного) каких-то счетных машин в родном городе Губаря-младшего. Занимал достаточно высокое положение в номенклатурной иерархии города, чтобы влиять на принятие различных неприятных решений.

Помогать сыну приходилось часто.

Сначала это были проблемы в школе с учебной вследствие конфликтов с учителями. Олег смел высказывать спорные суждения о настоящем положении страны. Вскоре плохие компании, алкоголь и, как следствие, первые приводы в милицию за мелкое хулиганство. Потом назрела проблема воинской повинности. Мама волновалась. У нее беспрестанно болела голова. У папы она от этого тоже заболела. Даже сильнее.

От армии Олежку откосили со справкой от знакомого врача. Какие-то проблемы с почками мешали призывнику выполнить почетную обязанность. Отдать священный долг родине лучше было заочно. Так считали родители.

Хотя Олежка пошел в первый класс с шести лет и имел в запасе год для поступления в институт, прозорливый папа решил заранее подстраховаться. И не зря. Олежка с треском провалил экзамены в престижный местный вуз. Он на них просто не появился. Мама была в обмороке. Папа глотал мамин валидол.

Один год он болтался по городу в той же компании золотой молодежи. В кругу его друзей стали преобладать всяческие подонки, резко высказывающиеся о действительности. От дома, где разго-

воры вертелись только о том, как надо правильно приспособливаться и выгодно уметь жить, Олега воротило.

И его на семейном совете было решено отправить куда-нибудь подальше. Чтобы разорвать порочный круг нарастающих проблем с милицией.

Пьяные, возвращаясь ночью из загула с другом, они из лихости взломали палатку. Набрали сигарет, конфет и съестного в консервах. Друга повязали в нескольких кварталах от места преступления верхом на мешке с вынесенными продуктами. Он зашнуровал.

Бывалый друг, имевший уже две ходки, держался на допросе в отделении два часа. Но сколько можно терпеть удары резиновой дубинкой по голове? Выдал поделщика.

Было еще неприятное заявление об изнасиловании. Которое после разбирательства перекалвалифицировали в попытку.

— Так ведь так и было, — устало доказывал Олег. — То есть не было ничего. Отомстить хотела. Нужна она мне.

И девочка была знакомой. Из одной школы. Вместе росли. Родителей ее хорошо знали.

Папа Олежку поддержал, лепету непутевого сына он не доверял.

— Сама виновата.

Мама соглашалась:

— Нечего шляться где попало, если ты порядочная девушка.

Она возмутилась:

— Казалось, приличные люди. Куда, интересно, они раньше смотрели. Когда их дочь болталась неизвестно где.

Вопрос на всякий случай замяли деньгами. Истцов это устроило. Они опять начали здороваться.

Со второй попытки покорение высшего учебного заведения в далеком Таганроге прошло успешно. Все преподаватели поставили четверки. Как сговорились. Папа предварительно общался с каждым. Заходил и в деканат. Там тоже кто-то курировал поступление будущего инженера. Специалиста по автоматике и телемеханике.

А весной в конце третьего курса Губарь женился. Невеста оказалась дочерью директора городского треста столовых.

Перед свадьбой прилетали его родители знакомиться с родственниками невесты. Отец Губаря снял однокомнатную, на первых порах, квартиру молодоженам. О будущем собственном жилье обещал позаботиться тесть. Квартиру сняли по настоянию матери Губаря. Она считала, что теща может обижать ее мальчика.

— Муля перевелся в одиночку, — высказался по поводу переезда товарища из общежития Павлюк.

Свадьбу сыграли в «Волне» на Ленинской. Ресторан закрыли на спецобслуживание.

На торжество по случаю бракосочетания Губарь пригласил не всех. Только Павлюка. Дружком.

Хотя, кто знает, составлял ли он списки приглашенных. Скорее всего, родители ограничили число друзей со стороны жениха. Одних нужных людей — парами — из высших сфер города было под сотню. Молодежь же могла испортить праздник. Нрав друзей Олежки папа с мамой знали достаточно. Да и история с обряжением Петра в арестантскую робу еще не забылась.

Однако гуляли на свадьбе все равно с размахом. Случилось и битье посуды, и легкий мордобой между малознакомыми кланами. В подворотне с переулком. Громкие речи и пожелания слились в одно, перекрывало все многократное «горько!».

Павлюк хвалился, поглаживая усы:

— Пил и мед, и пиво. Благополучно внутри.

Но когда напился, все же не сдержался.

С молодым сплясали канкан. Задирая длинные ноги, они успевали при этом щелкать подтяжками, оттягивая их большими пальцами. Помогали несколько девчонок из числа подружек невесты.

Сама она в этот момент была занята общением со счастливыми бабушками. Принимала поздравления и конверты. Родители вели светскую беседу с отцами города.

По окончании зажигательного танца, повиснув у Губаря на плече, потный Павлюк полез к нему целоваться, громко огласив для всех присутствующих:

— Муля, не нервируй меня!.. Поедьте в номер!

Девчонок он далеко не отпускал. Смачно хлопал их по филейным частям и подмигивал Губарю, как нервнобольной.

Тот улыбался, шевеля влажными полными губами.

Как-то после медового месяца трое друзей зашли к Губарю в гости. Захватили с собой. Спрятали под непрозрачным пакетом.

Отворила дверь жена и тут же скрылась в зале за нервно колыхнувшимися шторами.

Не поднимаясь со стула, радостным возгласом Олег Губарь позвал их на кухню. Широким жестом пригласил гостей к трапезе.

Он сидел в длинных трусах в мелкий красный горошек за кухонным столом и не отрывался от еды. Поглощал сгущенное молоко с сахаром, прямо из банки высасывая тягучую белую жидкость. Шумно сопел, облизывая каемку, мотал запрокинутой кучерявой головой в перерывах отдыха и чесал волосы.

тую грудь. Губарь любил сладкое. Он всегда проби-вал в жестянке две дырки отверткой или ножом и жадно пил сладкую гушу, шевеля кадыком. Вадику часто возили сгущенку.

Потом на одном из висков у него пузырьками по-являлась красная сыпь. Если не меньше двух банок выпить подряд. Диатез, наверное.

В феврале 1984-го, не приходя в сознание, заступил на вахту у гроба покойного предшественника седой как лунь, ветхий — по виду, мог в ящик сыграть пря-мо на церемонии прощания, — Константин Устино-вич Черненко.

Он даже голосовал за нерушимый блок комму-нистов и беспартийных в своей палате кремлевской больницы под картонными декорациями избира-тельного участка.

Поддерживали его под руки brave молодцы из охраны. Держался он прямоходящим по всему толь-ко за счет корсетно-каркасных свойств панцирного пиджака.

Картина из «Вия»...

Устиныч что-то опустил в урну и с трудом вы-молвил фразу: «Это хорошо». На сообщение о том, что на выборах, как всегда, проголосовали 99,9 про-цента избирателей. Естественно — «за».

И его убрали с экрана.

Непонятно, зачем его только тревожили, выводя из состояния анабиоза, выборы все равно прохо-дили на безальтернативной основе при предвари-тельном отборе кандидатов всемогущей партией. Считали, наверное, что народ тревожился, не видя дорогого Константина Устиновича месяцами.

Народу требовалось хотя бы периодически пока-зывать мудрых правителей, ведущих его ленинской дорогой к коммунизму.

Коммунизм — это был вожденный строй будуще-го, где, как все знали, от каждого по способностям и каждому по потребностям. Приятно, черт побери. Не верилось, но звучало красиво.

Как сказал когда-то Никита Сергеевич Хрущев, «коммунизм — это большая чаша, откуда каждый возьмет все, что ему нужно».

Не уточнялось, правда, кто будет класть в эту чашу все то, что в последующем будет выниматься желающими. Класть никто не хотел. Брать — брали. По разнарядке редко, чаще коммуниздили.

Социализм, как тогда говорили, разнесли по сум-кам. Несуны.

Короткое, не более года, правление Черненко лучше всего выражалось анекдотом...

Анекдоты вообще были серьезной субкультурой. Большинство аккумулировали все насмешки над непогрешимой властью партии с ее руководящей и направляющей ролью под чутким руководством Политбюро ЦК и лично товарища имярек. Так что, рассказывая их на кухнях или в иных местах, кто-нибудь иногда вставал и в трубку телефона, а за неимением этого острого дефицита — в розетку в шутку объявлял: «Слава КПСС!»

Считалось, что всех прослушивают вездесущие органы. Знаменитая фраза — «Это не телефонный разговор».

Что говорило о предполагаемой мощи КГБ и пре-дыдущего генсека. При нем анекдоты несколько по-утихли...

Так возвращаясь к анекдоту.

В вагонах московского метро объявления оста-новок по громкоговорящей связи: «Станция “Бреж-невская”, следующая станция “Андроповская”... Станция “Андроповская”, следующая станция “Чер-ненко”... Станция “Черненко”, переход на станцию “Брежневская”».

Вождь тихо и предполагаемо быстро отошел. И его проторенным путем повезли в последний путь. На лафете.

Какой-то город, кажется, в Молдавии, и по его случаю сподобились переназвать.

Продолжение следует.

Феликс ШВЕДОВСКИЙ

Продолжение. Начало в № 4, 7–8, 10 за 2010 г., в № 1, 4, 6, 10 за 2011 г., в № 1, 3, 6 за 2012 г.

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК

28 декабря 1998 г., понедельник

К обеду к нам на гору поднялся Сергей, сказал, что Учителю вырвали зуб и он останется в Покхаре. Завтра отдохнет от нас.

Тимур, Илья и Толик вернулись с подаяния, полные впечатлений. Непальцы подают щедро.

Заодно монахи отправили все наши новогодние открытки. Отсюда они должны прийти быстрее, чем за три недели, как если посылать из Индии. В Непале вся почта — авиа.

Вечером составляли список продуктов к Новому году. А мне было грустно, что встречу его вдали от вас. Во время церемонии на закате — особенно грустно. Увижу ли вас, мои любимые Аннушка и Женечек, ночью во сне?

Истории прошлых жизней Будды похожи на сны, причем навязчиво повторяющиеся. О маленькой деревушке Кушинагар, в которой он ушел из этого мира, Будда вспоминает как о некогда большом городе. Он рассказывает много историй о том, как все происходило тогда, но самое удивительное, что в различных вариациях этих прошлых жизней всех действующих лиц звали точно так же, как и теперь, а иногда сами эти вариации повторялись с абсолютной точностью. Бесконечное количество раз Будда уже вступал в Кушинагаре в нирвану — и когда Кушинагар был деревней, и когда он был городом.

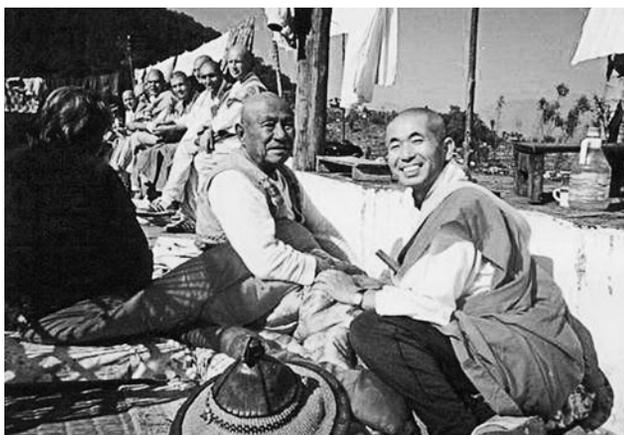
Вообще повторения, так часто встречающиеся в различных, не только буддийских, древних текстах, завораживают, усыпляют, как задание посчитать слонов, данное ребенку, который никак не может уснуть. А что если в этом и был их скрытый смысл — бороться с непоседливым сознанием, приводить его в состояние медитации?

29 декабря 1998 г., вторник

Мы все еще под впечатлением трехдневного сухого поста. Само так сложилось, что он совпал с зимним солнцестоянием. Двадцать первого декабря мы начали молитву, празднуя остановку убыли дней, а двадцать третьего — закончили, приветствуя первый прибывающий день, ставший на несколько секунд длиннее. Все эти космические вещи здесь осознаешь с особой ясностью на восходе, когда город внизу исчезает в тумане, а солнце поднимается над горами, как будто до начала всякой человеческой истории, словно вот-вот появится откуда-нибудь динозавр. Сыним в эти мгновения дует в раковину, и звук раскатывается далеко вокруг. Высочайшие вершины мира кажутся настолько близкими, что их хочется потрогать. Глаз отказывается признавать такой громадный размер, удаленный на столь же огромное расстояние. Какие же они вблизи? Тэрасава-сэнсэй, в юности поднимавшийся на восьмикометровую Даулигири, говорит, что ближе к снегам ущелья становятся отвесными, без плавных переходов, и нависающая над путником высоченная стена наводит ужас!

Мои столичные друзья почему-то не разделяют мои восторги по поводу открывающегося тут космоса. Им милее московско-подмосковная теснота.

Продолжаю каждый день бить в большой барабан в «присутственные часы» — с половины одиннадцатого до трех. Потом уже никто не поднимается на гору, чтобы не спускаться по темноте: темнеет рано, все-таки зима, да к тому же горы. Говорят, барабан хорошо слышно внизу, на другом берегу озера. И когда ритм его размеренный и ровный, людям, живущим там, становится хорошо и спокойно, как

Бахадур Гурунг и Тэрасава-сэнсэй

будто они слышат сердце здорового человека — великана, охраняющего Покхару.

Сегодня это мое начинание наконец подхватили и другие монахи. Поначалу я сам боялся своей инициативы. Хоть Сэнсэй и разрешил мне это, я все равно чувствовал себя не в своей тарелке — хочу, мол, выделиться. А ведь так хорошо, когда непальские детишки стали собираться на звук большого барабана и участвовать в церемониях. Жалко, закончился прасад — сладкие шарики. Но вчерашнее подаяние, за которым монахи спускались в город, оказалось очень кстати — мы угощали мандаринами и печеньями этих «зверушек», которым так важно заняться чем-нибудь еще, кроме вымогания денег у туристов за то, что они покажут им «большого японского будду». Ребята берут маленькие ручные барабаны, которых в храме, слава богу, достаточно, и стараются бить в такт со мной. Им это нравится.

Порой трудно справиться с их быстрой манерой бить в барабан. Возможно, сказывается эмоциональность их возраста, а возможно — привычка к церемониям, которые здесь иногда проводят те монахи, которые забыли изначальную манеру основателя ордена — преподобного Нитидацу Фудзии. Тэрасава-сэнсэй всегда обращает наше внимание на то, что ритм не должен ускоряться. Спешить нам некуда. Это же молитва, а не японский экспресс «синкансен».

Двое непальских пареньков особенно активно принимают участие в церемониях и стараются помогать нам. Тот, что помладше, разводит костер для приготовления пищи, а тот, что постарше и говорит, что тоже хочет стать монахом, принес сегодня папайю. Так что ставшая регулярной на завтрак рисовая каша на молоке сегодня была уже с этим экзотическим фруктом. Кстати, и сам рис тоже был вчера преподнесен простыми непальцами нашим монахам, ходившим за подаянием. Они рассказали, что рынок

в Покхаре — это одна большая улица, состоящая из домов-магазинов, из которых и выходили люди с подносами риса, а сверху риса лежали деньги, их набралось четыреста рупий. К тому же подносили благовония. Все очень почтительно.

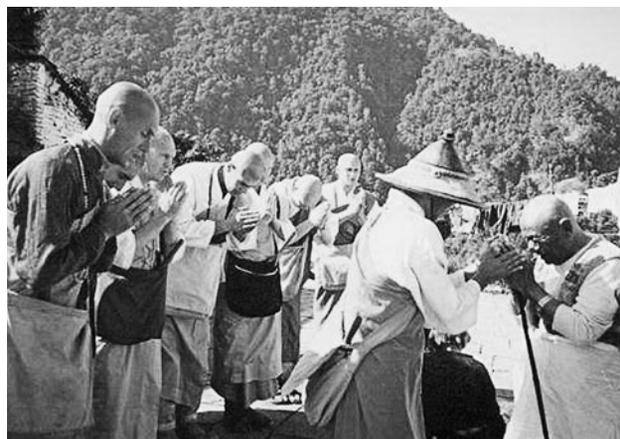
Правда, сами наши монахи, особенно из России, почему-то не могут быть до конца почтительными к непальцам. Так, один стал учить русскому языку паренька, принесшего нам папайю, и чтобы тому было удобнее усвоить произношение слова «здравствуйте», «адаптировал» его — «зидарасте». Все тут же грохнуло хохотом, а непалец занервничал, заозирался, стал спрашивать, а что это значит. Мы успокоили его, как могли.

31 декабря 1998 г., четверг

К нам наведались японские гости — монахиня ордена «Ниппондзан Мёходзи» и три мирянина: оживленные молодой человек с девушкой и совсем юный мальчик — американские японцы. Они идут Маршем мира из Америки в Африку. Называется марш Middle Passage и является как бы раскаянием американцев в том, что они вывозили рабов из Африки. Планировалось вовлечь в него сотни американцев и африканцев, но ничего не вышло, несмотря на широкую рекламу, никто не дал денег, и пошли только вот эти четверо на свои средства.

Через два часа наступит Новый год. Сегодня я первый раз спустился с горы — вместе с Ильей помогал Сэнсэю закупить еды к праздничному столу. Потом мы поднимали на гору тяжеленные рюкзаки. Было, однако, легко от сознания, что будет много вкусных блюд и их хватит надолго.

Правда, встречать Новый год мы будем по-японски, то есть не ночью, как это принято в России: утром 1 января приступим к основной трапезе, которая готовится накануне. На ужин же мы съели

Бахадур Гурунг прощается с нами

только длинные спагетти — символы долгих добродетелей в наступающем году. Потом с 23:00 до 00:30 будет новогодняя молитва со ста восемью ударами в большой колокол. Утром мы встретим восход — и начнем пировать.

2 января 1999 г., суббота

Вчера был день полного отдыха и праздник живота. Ели утиный плов и множество салатов — каждый из нас блеснул своим. Только я ничем не отличился, ограничившись тем, что был у всех на подхвате, и сумел самому себе испортить праздник угрызениями совести.

В первый день нового года мы не проводили вечернюю церемонию. Правда, Сэнсэй сам сходил помолиться к Ступе и увидел редкое явление — солнце и полную луну одновременно на небе, по двум сторонам от ступы. Такое сочетание издревле считается священным.

А сегодня по японской традиции — день всего самого первого. Желательно в этот день написать какое-нибудь стихотворение и, кто умеет, заниматься каллиграфией.

У меня получились корявые три строки:

Не знаю, кто я, где и почему,
Но гор вершины проросли из неба,
Из голубой десны их белоснежны зубы.

Не знаю, не было настроения.

3 января 1999 г., воскресенье

Навестили девяностошестилетнего Бахадура Гурунга, на чьей земле строится Ступа. О драматической судьбе этого бывшего министра обороны Непала, которого в 70-х годах посадили в тюрьму на восемнадцать месяцев за то, что он строил эту Ступу, о том, как она была разрушена вскоре после торжественной церемонии открытия монастыря и начала ее возведения, о вероломстве короля Непала — индуиста, который сначала согласился на постройку Ступ — Пагод Мира орденом «Ниппондзан Мёходзи» в Лумбини и Покхаре, а потом запретил сооружение любых новых буддийских зданий, особенно в Покхаре, о том, какой скандал вызвало посягательство со стороны короля на право Бахадура Гурунга строить что угодно за земле, являющейся его частной собственностью, и о том, что в результате этого скандала король был вынужден выпустить его из тюрьмы и написать письмо преподобному Нитидацу Фудзии с извинениями и предложением достраивать Пагоду Мира в Покхаре, в ответ на что основатель

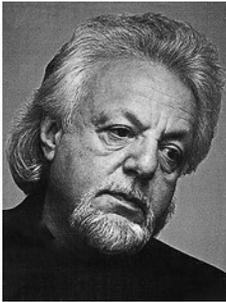
Непальцы подают буддийским монахам из России

нашего ордена сказал, что он стремится не воздвигать сооружения из камня, но пробуждать веру в сердцах непальцев и поэтому просит не препятствовать монахам ордена свободно странствовать по королевству с молитвой, — обо всем этом (да простит мне читатель такую длинную фразу в духе Джойса) поведал нам фотоальбом, который мы трагически забыли по дороге в Покхаре в городе Тансен.

И вот мы пришли своими глазами увидеть эту героическую личность. Сейчас Гурунг тяжело болен. Он хорошо помнит только давние события — те, что связаны со Ступой, с Нитидацу Фудзии и его монахами. А каждодневная память у него не работает: ему кажется, что он находится десять-двадцать дней на том месте, куда пришел только пять-десять минут назад. Хотя ходит он с большим трудом и не поднимается к Пагоде Мира от своего дома у подножия горы, иногда среди ночи начинает собираться «идти к Ступе»... В основном же он либо сидит на постели — прямо, в позе лотоса, либо лежит. Когда мы пришли, он посидел совсем чуть-чуть и лег на матрасе, вынесенном прямо на улицу, на солнышко. И когда мы уходили, Бахадур Гурунг с видимым усилием встал на ноги и почтительно поклонился нам...¹

Продолжение следует.

¹ Вскоре Бахадур Гурунг умер. Но остались его многочисленные сыновья, продолжающие поддерживать деятельность ордена «Ниппондзан Мёходзи» в Непале.

Продолжение. Начало в № 4, 5, 6, 7, 8 за 2012 г.

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

В Париже с Виктором Некрасовым, его приемным сыном и их родственниками пошли в «Свиную ножку», знаменитый ресторан, описанный Эмилем Золя в «Чреве Парижа». Ресторан на том же месте. Только фирменных тушеных ножек там уже в помине нет. Молодые официанты даже не знают, какой великий француз описал их ресторан. Может, это нормально, может, наступило иное время, когда уже не до прошлого. И все же повторяю слова Горького: кто стреляет в прошлое, убивает свое будущее. Это, к сожалению, часто сбывается, и будущее умирает или становится инвалидом.

На закуску нам принесли огромное блюдо, в котором на колотом льду лежали живые дары моря. Но многие из даров были незнакомыми и странными. Русские французы на них радостно накинулись. Я с трудом съел одну креветку. Но потом, когда один из даров пошевелил усиками, я отвернулся от стола. Некрасов это заметил и, наклонившись, прошептал: «Нормально. В жизни гораздо противней, а ее люблю. А в литературе что делается... И все же жизнь прекрасна...» Когда он заболел раком, то не мог есть. Курить тоже не мог. Страдал. Вспоминал друзей. Я посвятил ему книгу, изданную в 1990 году в Киеве, «Сны моей жизни», написал в посвящении: «Вике, Папе, которого на земле уже нет, но с кем я продолжаю дружить». В конце книги поместили одно из писем ко мне. В этом славном письмеце есть такие строчки: «Хватит, дорогой мой магистр, выпускать книги других писателей — вы-

пускай себя. Я уже писал, что “Толя-Толечка” останется навсегда. Этот мужик ни на кого не похож, такого еще не изображали. А “Фрола” твоего я вообще считаю своим». В этом же письме он вспоминает: «А помнишь, как славно мы сидели на пустом стадионе в Вермонте, как легко было на душе, как легко все пилось и елось. Ты обещал изобразить в своих мистериях злачный вермонтский уголок — ресторанчик “Папа Джон”...» В другой книге «Тоска по раю» он у меня приходит из потусторонней жизни на зловещий карнавал и помогает парню Томасу и девушке Пони. И там он тоже вспоминает Вермонт и спрашивает: «А помнишь пустой стадион, бутылку “Казацкой” и красное острое мясо?..»

Да, это было. Однажды мы пришли на пустой стадион. Перед этим по его просьбе купили бутылку «Казацкой», соленых огурцов и мясо, посыпанное красным перцем. И сидели вдвоем на многотысячном стадионе, и он сказал мне: «Голоса людей, которых я люблю, во мне не замолкают». Он очень любил людей, а люди любили его. Очень любили. Наверное, поэтому и позавидовал ему эмигрантский бытописатель Довлатов, который никого не любил. Вспомнил сейчас, как однажды мы с Довлатовым прогуливались по тихой 65-й улице Квинса, району Нью-Йорка. Был вечер, мы были отрезаны от России, Украины, от всего прошлого. И стало вдруг грустно. И большой Довлатов, вышагивающий рядом с маленькой собакой на поводке, показался вдруг особо одиноким и несчастным. И неожидан-

но я сказал: «Мы капитаны с затонувших кораблей... Над водой остались только залитые водой капитанские мостики и радиорубки, из которых мертвые голоса призывают: «Спасите наши души!»». Довлатов вздохнул: «Главное, чтобы команда успела спастись...»

В другой раз в Париже была конференция. Я вспомнил смешной эпизод, опять связанный с добрым Львом Халифом. Да, это именно тот Халиф, который написал бессмертные слова, ставшие в СССР народными: «Из чего твой панцирь, черепаха, я спросил и получил ответ: он из пережитого мной страха, и брони на свете крепче нет».

Шла писательская конференция журнала «Континент», мы зашли с ним в магазин одежды. И вот почему. Перед этим на правительственном банкете он в пылу рассказа о своем творчестве опрокинул на себя тарелку с провансальским соусом и, сконфуженный этим, решил приобрести новый пиджак. А денег не было. Хозяин магазина завел разговор по-французски, Халиф в ответ мычал. Потом поэт долго и тихо говорил с ним по-русски, из которого хозяин разумел только «спасибо». Халиф, рассказывая о своих жизненных переживаниях, для большей изобразительности душил сам себя, слегка синел, вращал крупными белками глаз, иногда стонал и говорил «мама». Не знаю, что хозяин понял из монолога поэта, но через полчаса, покрытый испариной, отдал Халифу собственный пиджак. Но то было время романтики, когда каждого русского считали узником ГУЛАГа. Сейчас за такие вещи вызывают полицию.

В один из приездов в Нью-Йорк Виктор Некрасов остановился у нас в Форест-Хиллзе, зеленом тихом районе Квинса. Утром встал раньше меня, побрился, что-то напел. От него слишком щедро пахло одеколоном. Из чего я решил, что день для него начинается хорошо. И говорит мне: «Можешь сводить меня в русский магазин». Привел, и, конечно, хозяйка из Бухары жутко обрадовалась. Виктор Платонович говорит: «А можно посидеть у вас в подсобке, как в Советском Союзе. И если можно, еду положите на русские газеты». Накрыли обшарпанный стол газетами, поставили огурчики, капустку, колбаску круто нарезали, хлеб широкими ломтями, в общем, традиционный советский набор периода соцреализма. Ну, и пили за родину, за дружбу и друг за друга. Виктор Платонович стойким был. После этого застолья он совсем немного отдохнул, посмотрел на меня зоркими глазами: «Ты чего не пьешь? Знаю, что не болен. Значит, по своим духовным причинам. Что же это христианство у тебя такое, что пить нельзя? Нет, не пойду я к вам. Вот в твоём рассказе полковник в отставке, с отчеством Адамович, правильно заметил:

“В этом деле перерывов делать нельзя. Опасно для психики и вообще здоровья!”».

Помолчал. «Ах, Майкл, дорогой мой Майкл, не хочу я другой жизни, а хочу больше этой. Ты можешь мне этой больше дать? Нет. А другой мне не надо... По Киеву скучаю, ох как скучаю... Приезжал ко мне актер Николай Губенко, он теперь министр культуры СССР, говорил: вернитесь, мы вам все простим. Я ему говорю: вашу дивизию! Вы мне простите?! Да это я вас должен еще простить!»

Теперь в киевском «Пассаже», где жил Некрасов, на доме, где он жил, вывесили мемориальную доску с его изображением. Наверное, он бы радовался этому. Но ворчал бы, как всегда, типа: «Лучше покаяться бы за свои грехи!»

Я рассматривал его лицо на мемориальной доске, вокруг проходили спешащие, невнимательные друг к другу люди. А мне вспоминались его лицо и прищуренные глаза родного человека, знающего всю подлость этой жизни и находящего в ней прекрасные черты. В один из полусентиментальных моментов я вспомнил строчку Блока и произнес ее Виктору Платоновичу: «Сотри случайные черты, и ты увидишь, мир прекрасен...» Как внимательно он тогда посмотрел, просто вовнутрь заглянул и сказал: «Да, это истинная правда... Хорошо, что ты вспомнил...»

Он хотел бы быть гостем всего мира, но жить хотел в Киеве.

У Василия Павловича Аксенова была прекрасная проза, но меня она не очаровывала. Бывают же в мире красивые женщины, но не очаровывают. А литература должна очаровывать, то по сердцу резать, то делать счастливым. А я просто радовался, что пишет он так красиво и умно. И глаза у него были умные, с постоянным сарказмом на глубине. Он как-то в ответ на мое письмо написал мне, немного похвалил книгу «Сны моей жизни» и пригласил в гости. А мы как раз собрались с Татьяной Титовой в Вашингтон посмотреть на цветение японской вишни, сакуры. В общем, все совпало. Пришли мы в Вашингтоне к Василию Павловичу и его милой жене Майе. Обедали стейками и невероятно вкусными кукурузными початками. Я все хвалил, а Майя улыбалась, а потом рассказала, почему кукуруза такая вкусная. Варила она ее не в воде, как обычно, а в молоке. Открыла небольшую, но тайну. Не каждый на это способен. Я заговорил с Аксеновым об американской литературе, он знал ее, любил и жизнь постигал во многом через нее. Это ж он, один из первых в СССР, надел серенький «хемингуэвский» свитерок, наматал на шею толстый шарф. Все мы Хемингуэем тогда были очарованы. Но Аксенов как человек просто поражен был начисто Хемингуэем,

Михаил Моргулис и Алексей II

болел им, а писал совсем другое, по-другому и о другом. А может быть... Нет, не скажу.

Как он из всех сил старался понять и обрисовать Америку в своей книге «В поисках грустного бэби», там и меня вроде где-то упомянул... Старался. Да эту огромную жизнь мало кто мог понять, особо глубинку ее. Помню, как мой старший сын, когда ему было шестнадцать лет, объявил, что уезжает с друзьями на старой машине. Объяснили, будут ездить по Америке и все о ней узнавать. Он так мне и сказал: «Я хочу открыть мою страну с черного хода». И представьте, они проехали на ржавой машине сорок восемь штатов (не были только на Аляске и на Гавайях). И узнали страну, где было много

бедных, ограниченных, мало что знающих о мире и о себе. Америка когда-то оградила себя от мира своими интересами. Это была ошибка, когда первый раз произнесли: «Есть Америка — и есть остальной мир». И сейчас это отливается слезами в душевном состоянии и психологии нации.

Когда заканчивались деньги, сын с друзьями останавливались, работали на фермах с белыми и черными, говорили, жили, пили, ели, узнавали, им доверяли иногда мечты и тайны. Язык у всех был один, родной, и были они своими.

Похожее, но по другой причине, случилось в жизни большого писателя Джона Стейнбека. Когда-то Джон Стейнбек подумал, что лет десять не ездил по

Америке, а страна, наверное, изменилась. И он сел в грузовичок, взял собаку Чарли, проехал Америку, обнаружил новую страну и написал книгу «Путешествие с Чарли в поисках Америки». Аксенов такого сделать не мог, все русские книги об Америке пишутся на основании встреч с американскими друзьями, которые вас знают и хорошо к вам относятся. Но, откровенно говоря, для русских Америка — другая планета, впрочем, как Россия для американцев — тоже непонятная странная планета. В русской литературе В. П. Аксенов останется навсегда. Он мастер, мастер! Помните, как Сталин допытывался у Пастернака о Мандельштаме: «Но он же мастер?»

Василий Павлович Аксенов — настоящий мастер русской литературы.

Когда он приезжал к нам в горный Вермонт, то первым делом обувал ботинки для подъема и отправлялся в горы. Возвращался потный, грязный, измученный и счастливый. Возможно, так у него было и в жизни. Он уходил далеко в горы, рисковал, возвращался из этих походов измученным и счастливым.

И вот снова пришел на темечко Довлатов. Когда-то он с друзьями стал выпускать газету «Новый американец». Ходили такими революционерами, потому что посягнули на конкуренцию с «Новым русским словом», до этого единственной русской газетой в эмиграции. Ну ладно, не будем ворошить прошлое. Неприятного было много сказано с двух сторон, но в первую очередь старались новоамериканцы. В основном именно они обличали «НР Слово» и ратовали за чистоту и принципиальность в этой жизни. Особенно принципиальным старался быть Довлатов. Однажды прибегает к нам в «Литературное зарубежье» любительница музыки, тычет возмущенно пальцем в газету «Новый американец» и кричит: «Как смел, негодяй! Плагиат! Совесть где! До чего дошли!» Мой коллега Иосиф Алексеевич еле ее успокоил. Оказалось, что Довлатов под своей фамилией стал публиковать очерки о джазе, но все перепечатывал из книги музыковеда Юрия Дмитриева, вышедшей в Москве. Ну что делать? Писать как-то об этом неудобно, да и стыдно. Вот мы решили выдумать литератора для обличения. И создали образ старой девы, якобы белоэмигрантки Первой волны, с именем и фамилией Елизавета Кульчинская-Райс. И под ее именем в трагическом тоне сообщили читателям об этом прискорбном случае плагиата. Даже фото мнимой авторши поместили, нашли фотографию какой-то уродливой основательницы феминистской секты. Довлатов что-то ответил ей в «Новом американце», мол, не твое дело, остаток прошлой эпохи! Нам он говорил, если найдет ее, то не выдержит, зашибет. В следу-

ющем номере «Литературного зарубежья» на ответ Довлатова была помещена статья другой Кульчинской-Райс, на этот раз ее сестры Софьи. Софья со слезами сообщала, что ее сестра Елизавета не выдержала наглого ответа Довлатова, перо выпало из ее слабеющих рук, и она ушла из брэнного мира с призывом к справедливости. И вот уже ее сестра, вторая старая дева, обличала Довлатова в литературном плагиате, да и просто писала, что свистнул чужие строчки, и требовала от него извинений перед любителями джаза. Понятно, что читатели хотели. В общем, Сергей догадался (или рассказали ему), но крепко обиделся. Спустя пару месяцев я сказал ему: «Ну вот, вы всегда людей подкальываете, что же вы так расстроились, не выдержали критики двух старых дев». Он промолчал, но было понятно: свои обиды не прощает. Вот такая история одной литературной мистификации.

В силу моих обязанностей я больше времени проводил с американцами, но в быту не хотелось отрываться от своего языка, привычек, разговоров, дискуссий, от близкого мира, если хотите. Было у меня много курьезных случаев. Один раз пришел милый молодой человек и смущенно заявил, что если он сегодня не поедет с женой за город, то завтра они разойдутся. Понятно, я как консерватор и хранитель семейных ценностей решил этот брак сохранить и дал ему нашу машину на несколько часов. Вернулся он через пять дней. Радостно извещил, что жена его снова любит, и передал мне руль. Я заинтересовался, где же машина. Он грустно сообщил, что машины нет, она разбита, и я должен радоваться, что они с женой не пострадали. Я, в общем, обрадовался, но все равно было как-то муторно, обидно, что ли? А он ушел, хлопнув дверью, обиженный моей языческой черствостью.

А в другой раз коллега познакомил меня с Виктором, как коллега витиевато выразился, «рафинированным инженером-интеллектуалом». Этот рафинад спал, ел у нас, говорил о судьбах мира. Однажды забежал в дом, говорит мне: «Дайте восемьсот долларов, нужно срочно вложить в дело, потом заеду в банк и сегодня же верну». Я достал деньги из заглашника. С тех пор я его не видел. Уже лет как тридцать пять. Только однажды нам сообщили о нем весточку, будто он сломал любовнице руку и пишет мне покаянное письмо. Почему связались эти два события, не знаю. А письмо я не получил. Я вот думаю, какие же странные мы существа. Неужели в этой жизни любящий тебя человек стоит всего восемьсот долларов? Да и зарабатывал он хорошо. Может быть, гены? А может, совковое вдруг выплыло, искушало-искушало, и не выдержал. Но вот было такое. Наша водевильная жизнь. Шекспир

сказал — она театр, мне кажется — водевиль, то кровавый, то смешной.

Или вот. Уже в Чикаго стали ко мне приходиться письма из американской тюрьмы. Писал российский парень о жизни, о любви, о том, что люди друг друга не ценят. На вопросы, за что сидит, не отвечал, уходил в рассуждения на тему о человеческой неблагодарности. Но вот однажды пришло письмо, что получил он десять лет, осталось сидеть три, но если его возьмет на поруки приличная семья, то выпустят раньше. А причины вынужденных страданий оказались весьма необычными: сидел за убийство собственной жены. Ну, мы с Титовой думали, что с ним делать, а он просил и молил, и оказалось, что все его друзья отказались поручиться за него. И решили помочь человеку. Мы нашим детям ничего не сказали, подписали кучу бумаг, и вот появился этот Робин Гуд в нашей квартире. Помогали, устраивали, снабжали. Вроде бы как-то поспособствовали. Но права была Баба-яга, когда предупреждала Ивана-царевича, что ни одно хорошее дело без наказания не останется. И вот спустя год, уже живя от нас отдельно, он стал нам звонить ночами, будил, мычал, рычал в трубку, в общем дико беспокоил. Полиция его засекла. И что? Опять мы его и выручили. Сказали, что прощаем. Нет, что ни говорите, прощать человека — это хорошо, это сладко. Нет, я серьезно. Да, но очень трудно.

Разные люди встречались. Помню, в штате Коннектикут встретил пару из Канады. Это был их второй брак. Мы гуляли в сосновом лесу и беседовали. Муж прошел Вторую мировую войну. Но о ней вспоминать категорически не хотел. В ответ на мои вопросы бычился, отворачивался, бросал подозрительные взгляды. Жена его прониклась доверием к нам и перед отъездом сказала, что решила с ним разводиться. Долго выдавливала причину.

— Кричит по ночам... Каждую ночь... Кричит страшно... Признался однажды, что кровь человеческая на его руках... Не могу я с таким жить...

— А чего же он кричит?

— Убитые являются ему, а потом вроде советские приходят его арестовывать...

Узнали потом, что да, ушла от него. Сколько таких перевертышей-убийц убежали под видом военнопленных из Германии, куда они уходили вместе с немецкой армией... Спрятались в Америке, Канаде, южноамериканских странах. И рассуждают, как тот убийца жены, о человеческой неблагодарности или становятся религиозными, а под внешней оболочкой живут постаревшие палачи. И не все кричат по ночам, нет, не все. Боятся привлечь внимание.

Есть у меня чудесный друг, врач, родом тоже из Канады. Его родители жили под Львовом, на Украине. А после войны очутились в Канаде. Выучился он, стал врачом и особенным верующим христианином. Не только в церковь ходил, но и жил по законам христианской морали, помогал бедным и детям, лечил бесплатно, постоянно искренне молился, сумел сопереживать чужой боли. А этим умением обладают лишь редкие люди, для которых слова Библии «Возлюби ближнего своего, как самого себя» ценятся не красотой сказанного, а становятся реальной жизнью. Но однажды врач решил посетить родительскую землю. Мама его почему-то была против. И все же поехал. Приехал в городок, откуда родители, и там узнал, что отец его был полицаем и расстреливал людей, в том числе и детей. Русских, евреев, цыган, всех подряд. И в моем знакомом рухнуло все внутри, и стал он страдать и мучиться. И мне поведал обо всем этом. Я ему ответил трафаретно, что, мол, дети за родителей не отвечают. А он мне ответил, что нет, отвечают. О своих чувствах он рассказал в семье. И все от него отвернулись, братья, сестры, дяди и тети. Он им говорил, что надо просить прощения и каяться, а они говорили, что он предатель семьи. Поддержала его только жена, верующая христианка из Англии. И вот он снова поехал на родину родителей и там в местечке публично покался перед людьми, пошел на место захоронений, упал на землю и плакал, и просил у мертвых прощения. Нашел местного раввина и покался в синагоге за отца, пришел в церковь и там каялся. Потом поехал в Израиль и перед Стеной Плача покался за отца перед народом израильским.

Кто же христианин? Тот, кто, как крест, взваливает на свое сердце чужие страдания и несет их к Христу, или к Стене Плача, или в любой храм на этой земле. Бог обитает везде.

С генералом Григоренко я встретился в Нью-Йорке. Естественно, уже многое о нем знал. Генерал, диссидент, соратник Сахарова, и у его книги редкое название «В подполье можно встретить только крыс». Впрочем, потом подумал, это броско, но неточно, в подполье в войну, спасаясь от фашистов, укрывались раненые солдаты, партизаны, преследуемые евреи. А мало ли честных людей побывало в подпольях в страшные времена сталинского периода? Это не говоря уже об уголовниках.

Но автобиографическая книга генерала Григоренко глубоко правдивая, не утаивающая ни одного факта из его жизни. И вот мы познакомились. Генерал и его жена Зинаида Николаевна были по воспитанию и ментальности искренние советские люди. Но только советское они хотели сделать лучше,

почище. Название книги генерал взял из своего же выступления, когда призывал диссидентов выйти из подполья.

Иногда задумываюсь, что же заставляло некоторых обеспеченных и известных советских людей оставлять все нажитое и полученное в заслугу от государства и под угрозой тюрьмы говорить то, что они думают. Мне кажется, не только разговоры, чтение и осознание нетерпимости ситуации. Происходило какое-то непонятное сцепление с творящей в этом мире небесной Силой, и в человеке происходил щелчок, что-то щелкало, изменялось, и он уже не мог спокойно жить во лжи. Вот Сахаров — что-то щелкнуло в нем на весь мир, случилось в нем озарение. И с тех пор, как он осознал себя другим, не совершил в жизни ни одного антихристианского, антигуманного поступка. Вел себя как полностью верующий человек, хотя утверждал, что он атеист. И когда-то я получил ответ, есть такое понятие — интуитивное подражание Христу. Очень обрадовался, когда прочитал у замечательного священника отца Желудкова такое же утверждение. А возможно, это я за ним и повторил. Нет, помню, пришел к этому самостоятельно.

Так вот, думаю, что и у генерала Григоренко в определенный момент жизни произошло подобное осознание и озарение. Ну понятно, в каждом человеке может произойти гражданская или духовная эволюция, и вчерашние безбожники и разбойники, как тот, висевший на кресте, рядом с Христом, могут понять цель своей жизни и приблизиться к Богу. Или бездумно живущие граждане вдруг понимают, что в мире есть свобода, которой у них нет. И происходит восстание человека против дракона, поработившего его. Несколько раз я встречался с правозащитником

Александром Гинзбургом и за частоколом его часто общих фраз я улавливал это, ну как же назвать, неожиданное открытие, которое происходит во внутреннем мире человека. Ведь человек — это самостоятельный индивидуальный мир, и в нем, как в обычном мире, огромное количество противоречий, бушуют страсти, происходят конфликты, проносятся ураганы и умирает любовь. И вдруг, во время всего этого, к нему приходит великое озарение, прикосновение свыше, и после, по Солженицыну, уже абсолютно не хочешь жить по лжи.

Такое сцепление, мне кажется, произошло и у генерала Григоренко. Ну а как же иначе? В молодости взрывал храмы без укоров совести, был слепым исполнителем воли тирана, как и все, а потом, в минуты ослабления диктатуры, стал произносить прекрасные слова о правде и справедливости.

В жизни генерал был мягким, ходил с палочкой, глаза при мне были добрыми, с запрятанной далеко народной хитринкой. Жена нежно его опекала. Вообще, у большинства значительных людей, которых мне довелось встретить, были жены, которые их нежно опекали. Закономерно это, наверное?

Когда Григоренко прибыл в Америку, ему предложили преподавать в военной академии Вест-Пойнт. На что он ответил несколько странно, но ясно: «Я не могу преподавать своему врагу: я советский — бывший советский — генерал». Была какая-то в этом бравада или надежда, что такие слова где-то оценят. Ведь врагом он давно не был.

В заключение хочу не забыть повторить многих: именно такие люди, как генерал Григоренко, стали раскачивать статую советского монстра, которая потом свалилась с оглушительным, на весь мир, грохотом.

Продолжение следует.

Питер Генри Эмерсон (1856–1936) — английский писатель и фотограф, автор детективных романов и книг по теории фотографии. Он одним из первых пропагандировал фотографию как независимое искусство и сформулировал теорию эстетики фотографии. Зимой 1891–92 годов, живя на острове Англси, он собрал и записал местные легенды, постаравшись сохранить стиль и очарование оригинала.

Евгений НИКИТИН

Рисунок Юлии Спасовской

СКАЗКА ИЗ УЭЛЬСА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВАЛЛИЙЦЕВ

Давным-давно неподалеку от столицы царя Персии обитало дикое племя. Царские чиновники презирали его и старались сделать его жизнь как можно тяжелее, облагая непомерной данью. Хотя воины племени были храбры, они не могли противостоять всей персидской армии. И потому пусть неохотно, но выплачивали каждый год дань в знак покорности, вымещая гнев на невезучих путешественниках, грабя их и убивая. Пока однажды старый мудрый вождь племени не придумал хитроумный план для победы над персами и освобождения от дани.

План был таков. В дикой степи, где жило племя, водились гигантские птицы Рох, очень опасные для людей и скота. Птицы наводили такой ужас, что племени пришлось оградить свое поселение высокими стенами, чтобы спать спокойно по ночам, когда Рох выходили на охоту. Старый вождь велел узнать, где находятся птичьи гнезда. Были построены сторожевые вышки, с которых можно было наблюдать, куда птицы прибегают с охоты. Рох не могли летать, однако бегали стремительнее любой лошади. Наконец их гнезда нашли на песчаной равнине — туда чудовищные птицы приносили добычу.

Вождь приказал сторожам быть начеку и не пропустить момент, когда из яиц вылупятся птенцы: нужно было добыть пятьдесят птенцов. Приказ был выполнен: однажды ночью люди выкрали пятьдесят маленьких Рох и доставили вождю. После этого вождь раздал птенцов пятидесяти искуснейшим воинам, велел кормить мясом и обучать сражаться

подобно боевым коням. Птицы выросли ручными, как лошади, — для них даже смастерили специальные седла и уздечки.

Когда настал день выплаты дани и царь Персии отправил своих посланцев за деньгами, вождь племени высмеял их и бросил правителю вызов. Как только посланцы вернулись, царь сразу же отправил армию усмирить непокорных. Вождь племени приготовился к битве. Он построил свое войско, выставив впереди сорок шесть Рох с наездниками, и сам оседлал сильнейшую птицу. Четыре Рох разместились на правом фланге — они должны были атаковать, если враг начнет отступление.

Крылья Рох были покрыты жесткими перьями, шея и тела — мелкой рыбьей чешуей, на которой росла густая шерсть, и потому птицы были практически неуязвимы для персидской армии, вооруженной лишь луками, стрелами и легкими копьями. Когда персы начали наступление, Рох молниеносно атаковали и вызвали ужасающее опустошение в рядах противника, топчя солдат и сбивая с ног мощными крыльями. Не прошло и двух часов, как одна половина персидской армии перестала существовать, а другая обратилась в бегство. Ликующее племя победителей вернулось в свое поселение.

Когда весть о поражении дошла до царя Персии, он пришел в такую ярость, что всю ночь не сомкнул глаз, а наутро позвал придворного волшебника.

— Что ты можешь сделать с птицами? — спросил царь.

— Я обдумывал это, мой повелитель... — начал волшебник.

— Ты можешь уничтожить их?

— Увы, мой повелитель, я не наделен такой властью, однако могу избавиться от них иным путем. Хотя мне и запрещено обращать жизнь в нежизнь, я владею даром превращения живых существ.

— Хорошо, так во что ты превратишь их? — уточнил царь.

— Я приму окончательное решение сегодня вечером, мой повелитель, — сказал волшебник.

— В таком случае иди, подумай и сделай так, чтобы все получилось.

— Разумеется, мой повелитель.

На следующее утро волшебник предстал перед царем, тут же спротившим:

— Ты тщательно все обдумал?

— Да, мой повелитель.

— И что же ты сделаешь?

— Мой повелитель, я думал всю ночь и понял: лучше всего обратить всех птиц в фей. Я надеюсь, что мой повелитель одобрит мой план...

— Хорошо, я согласен, если они действительно перестанут досажать нам. Кто такие эти феи?

— Это маленькие создания, обитающие под землей и появляющиеся в мире людей лишь раз в году. Они совершенно безобидны, только поют и танцуют. Я разрешу им проводить на земле двадцать четыре часа каждый год и забавляться так, чтобы не причинять никакого вреда.

— Сколько времени птицы пробудут в таком состоянии? — спросил царь.

— Я дам им две тысячи лет, мой повелитель; к концу этого срока они снова обернутся птицами. Но, превратившись обратно, они больше не смогут размножаться и умрут естественной смертью.

Так племя лишилось прирученных Рох и подверглось разгрому. Уцелевшие бежали из страны и долго скитались, промышляя разбоем, пока не нашли подходящее место и не построили город. Город был назван Троей... И Трою осаждали — очень-очень долго.

В конце концов осаждающие построили большой фургон, увенчанный гигантской позолоченной головой. Внутри забралась сто пятьдесят лучших воинов, которым дали оружие, трубу и вдоволь пищи. После этого фургон докатили на восьми широких колесах до городских ворот и оставили там; остальные воины укрылись в соседней долине. Когда фургон оказался бы внутри осажденной Трои, трубач должен был подать троекратный сигнал для войска, которое тут же атаковало город. Защитники Трои с крепостного вала заметили причудливый фургон и начали задаваться вопросом, что находится внутри, однако первые два дня не приближались к нему.

Наконец старый вождь принял решение:

— Там, должно быть, провизия.

На третий день жители Трои открыли ворота, прицепили к фургону веревки и повезли в город; тут воины выскочили из засады, заиграла труба, появилось остальное войско, и после большой резни город был взят. Некоторым троянцам удалось бежать с женами и детьми в Крым, однако их вытеснили оттуда русские, и тогда беглецы отправились в Испанию, а оттуда — во Францию, где многие и осели. Поселившиеся в сердце Франции стали бретонцами. Остальные доплыли на лодках до Англии и стали первыми жителями Великобритании — валлийцами.

Примечание автора

Эту историю поведал старый моряк, утверждавший, что услышал ее на судне по дороге домой из Калькутты. Я отнесся к его рассказу довольно скептически. Однако валлийцы всегда считали, что ведут род от троянцев, и, как утверждает один автор, очень популярным женским именем в древней Британии было имя Елена; по-видимому, оно часто употреблялось в качестве комплимента красивым женщинам с хорошими манерами. И в наши дни женщин порой сравнивают с троянской Еленой (Эленой). С незапамятных времен среди валлийцев бытует поверье, что первые колонисты пришли в эти земли из Трои после ее падения.

Перевод с английского Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент пятого курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Арина КАЛЕДИНА

ПРЕКРАСНАЯ ФЕНИКС

— Нет, я не плачу! Не буду плакать! Я — турист! Самый обыкновенный турист! С чего мне плакать?.. Ну что ты все время всплываешь? Вроде худая, а будто воздухом накачана. Ты глубже погрузись, ногами упрись. И лицо грязью умой. Знаешь какая она полезная! Сплошные сульфиды и минералы. Кожа после нее — как у младенца. Раньше здесь просто источники были. А теперь огромный комплекс СПА. Ты права, новую дорогу сюда тоже могли бы построить. Но ничего. Скоро сделают. Не могут наши власти перед туристами в грязь лицом ударить! (Ми Фонг улыбается, глядя на мою вымазанную целебной грязью физиономию. Мы сидим в теплой густой жидкости, булькающей в огромной ванне, под соломенным зонтиком. Вокруг на широких ступенях, ползущих в гору, разместились десятки ванн разных размеров. Каждая заботливо прикрыта растрепанным соломенным грибок. Так уютнее. И интимнее. Дождь. Внизу поблескивает озеро замысловатой формы. Небольшие бассейны с морской водой, джакузи, уголки отдыха под открытым небом. Туристический СПА-рай. Завтра католическое Рождество. Повсюду аляповато наряженные елки, разноцветные огни, Деды Морозы на санках, олени, снеговики. Под пальмами.) Да, после дождя здесь и правда не проехать. Темень кромешная! Но вот посмотришь, скоро и этот квартал преобразуется. Трущобы снесут. Видишь, вон там красная крыша? Это один нувориш себе домище отгрохал. Почему именно здесь? Потому что настало, наконец, новое время —

«дай мой» — политика обновления. Как у вас перестройка. Партийные деятели стали бизнесменами. Цены на жилье в Сайгоне уже приближаются к парижским или московским. Но люди все равно возвращаются и выкупают у правительства свои же не так давно экспроприированные коммунистами дома. Ремонтируют или отстраивают новые. Но обязательно на старом месте, в таких вот старых кварталах. В память о своих родителях, о своем прошлом. Дороги им эти места, эти полуразвалившиеся, умирающие дома. Здесь живет их детство, их память, их боль. Почему ты говоришь, что Сайгон — нищий город? Ну где ты увидела лачуги? Да здесь за любой дверью деньги, деньги, деньги! Неужели ты не понимаешь? У каждого своя коммерция, каждый торгует чем может. Кто все это покупает? Вьетнамцы и покупают. Это тебе непонятно, чем они торгуют! А нам понятно! Супермаркеты пока только в центре. А на окраинах все продается и покупается в таких вот лавчонках. А смотри, сколько товаров для туристов! Один центральный рынок чего стоит! Улицу Донг Кой видела? Ничем не хуже парижской Риволи. Все как в любом развитом европейском городе: Версаче, Карден, Кавалли... А ты говоришь, нищета! Подумаешь, электрические провода не в земле, а над ней! Как ты сказала? Камуфляжные сетки над головой? (Улыбается.) А ты на отели взгляни. «Шератон», «Хайат», «Мажестик» — на одной улице, рядышком! С видами на парк Тао Дан, на реку... Помню, мы, молодежь, катаемся по реке... В каждой

семье есть лодка. Звоним друг другу: «Я сейчас за тобой заеду». Собираем всех и плывем куда-нибудь веселиться. Наш дом, ты видела, прямо на набережной. Вся набережная принадлежит нам. Там много домов... Теперь их снесли. Все заборами перегородили, из дома реки не видно... Я маленькая часами смотрю на реку, на пароходы с балкона — помнишь балкон? До перил не достаю. Табуретку подставляю. Ши Хай ругается. Она за меня ответственная, потому что старшая. Бежит нуну¹ жаловаться. Нуну нас воспитывает в строгости, как мама и бабушка. Мы у нее второе поколение воспитанников. Маленькая, худенькая, в чем только душа держится. Веселая, но требовательная. Знаешь, у нас молодых девушек из деревни покупают в богатые семьи. Они потом всю жизнь в одной семье живут, становятся почти полноправными ее членами. Нашу нуну дед тоже когда-то из деревни привез. Ее родители очень бедные. Радуются, что дочь в хорошую семью взяли. Что? Нет, конечно, что ты глупости говоришь! Они давно умерли! Почему рассказываю в настоящем времени? (Она на минуту задумывается.) Наверное, потому, что во вьетнамском языке нет времен. Времена глаголов меняются с добавлением слов, которые все объясняют. Кажется, я автоматически так же на французский перевожу, да? Когда думаю по-французски — говорю правильно. А когда мыслями там... Мне до сих пор глагольные времена

¹ Нуну — во французских семьях уменьшительно-ласкательное имя для гувернантки, горничной, няни.

туго даются. А еще... Знаешь, ведь все, о чем говорю, у меня перед глазами стоит. Будто было вчера ...

Нуну умерла в Тулузе на руках у моей сестры. Племянников моих все же успела воспитать. Третье поколение...

На полдни она нам всегда рисовые галеты стряпает (Ми Фонг вновь возвращается в настоящее время). Сладкие, вкусные. Мы их обожаем. Все друзья к нам приходят галетами полакомиться. Нуну нас всех любит. По утрам нам с сестрами косы плетет. Нас, девчонок, в семье четверо. У всех волосы длинные. Ши Нам (нам по-вьетнамски «четыре»). Четвертая сестра — младшая. У нас всех сестер зовут Chi, а дальше по счету Hai, Ba, Tu — старшая, вторая, третья)... Так вот, Ши Нам хнычет. В школу идти не хочет. Я во французской школе учусь, Сан Мари... А она в обычной, вьетнамской. У меня учителя — французы. И обучение по-французски. Мне повезло. А ей, бедненькой, учеба тяжело дается. Ведь дома все говорят по-французски. Я вьетнамский уже позже с преподавателями учила. А тогда книжки читала только французские. С раннего детства. «Золушки», «Спящей красавицы» на вьетнамском, по-моему, и не было. А у меня они с картинками... Волшебные. В них что-то магическое. Как в нашей пагоде, когда смотришь прямо в божественный глаз над алтарем. Помнишь глаз? Символ нашей религии Као Дай. Его увидел великий мистик Нго Минь Чьеу¹ во время спиритического сеанса на острове Фу Кок. Американцы, как

¹ Нго Минь Чьеу (Нго Ван Чьеу, родился в 1878 году) — основатель религии Као Дай, мистик, государственный служащий, управляющий одним из районов на острове Фу Кок. Был хорошо знаком с религиозными работами Востока и Запада, активно занимался сеансами спиритизма. Примерно с 1919 году он стал получать сообщения свыше от Као Дай (т. е. Бога), в которых были сформулированы принципы учения. Официально каодаизм был объявлен религией в 1926 году.

увидят этот глаз, сразу лезут в бумажники за однодолларовыми купюрами — сравнивают их глаз над пирамидой с каодаистским всевидящим оком. Говорят, будто наш глаз скопирован. Чушь! Я маленькая перед этим глазом трепетала. Он высоко, над самой верхней ступенькой пагоды почти под крышей висит. Нам по лестнице подниматься не разрешают. Смотрим снизу вверх. Страшно, но любопытно. Цапли огромные с двух сторон. Драконы сползают по колоннам, по перилам. Золотые чаши с сотнями тлеющих ароматных палочек, дарохранильницы, фрукты — подношения нашим предкам и духам. Все яркое, разноцветное, веселое, а все равно страшно. Мой кузен Мин Танг — понравился он тебе? — спрячется где-нибудь и пугает меня. Шаловливый он. Мы с ним всегда дружили. Он, между прочим, знает китайский гороскоп и учение о звездах. У него сотни книг. Вот скажи, как тут не поверишь в провидение, если вся семья, все родственники из Сайгона уехали, он один остался в коммунистическом плену. И выжил! Он — старший мужчина в нашем роду. Так и не смог выехать. Всю жизнь в этом городе. Представляешь, каково ему жить рядом с родным, по праву наследства и крови принадлежащим ему домом и не иметь возможности даже войти туда? Слышала, что охранник сказал? А главное, как он это сказал?! «Это теперь не ваш дом! Он принадлежит народу!» Да знаю я, что не мой! И какому народу принадлежит, тоже знаю... На твой фотоаппарат руками замахал! Перепугался! Государственные секреты мы у них воровать приехали! Забор высоченный по всему периметру. Как же, правительственный дом радио! Два больших здания рядом с домом — это типографии деда. Деда моего весь город знал. Он много лет мэром служил. Любили его... Когда отца в реабилитационный лагерь отправляли, компромат собирали,

чтобы объявить сыном врага народа и срок дать как можно больший. Бывших дедушкиных служащих заставляли клеветать, наговаривать на деда. Мол, деспот он жестокий... А деда любили... Но все равно лгали и наговаривали. Чтобы выжить... Я не сужу. Дети у всех, семьи...

Отца подчиненные тоже любили. Он высокий пост занимал. У него в Сайгоне огромный офис... Я из школы иду, захожу к нему. Мне по пути. С его шофером в гараже поболтаю, с секретарями... Ты видела, какой отец красивый на фотографии? И бабушка... Она ведь из королевского рода. Тон Танг Тон Ну Хан... Пять слов бывает только в императорских фамилиях. Частица «ну» показывает, что это женская линия королевской династии... А из лагеря отец уже не вернулся... Нет, я не плачу, не буду плакать!

Вчера там, в нашем саду, я видела красно-золотую статую птицы феникс. Через решетку видела. Она в углу стоит, никому не нужная, попорченная временем, дождями и ненавистью коммунистов. Бабушка рассказывала, что волшебная птица эта — символ восходящего солнца, бессмертия и возрождения человека или замысла. Раз в пятьсот лет она умирает, сжигая себя на жертвенном огне. И каждый раз вновь возрождается из пепла. Погребальный костер она делает из листьев корицы, при этом поет погребальную песню, услышав которую животные падают замертво. Песня феникса обладает и другими магическими свойствами. Считается, что она ободряет чистых сердцем и вносит страх в сердца нечистых. Взмахами крыльев феникс зажигает корицу под лучами солнца. Через три дня после самосожжения из пепла рождается новый феникс. Священных животных, сулящих благо, всего четыре — дракон, ликорн (это единорог), черепаха и феникс. Фонг — это и есть феникс. А Ми — милая, красивая.

Если бы и я умела возрождать своих близких... (Ми Фонг надолго замолкает.)

Ты видела, какие у моего кузена огромные черепахи? (Она снова оживает. В глазах блестят, отражаясь, елочные огоньки.) Он говорит, что это еще наши, старые. Я ему не верю. Как бы они в войну выжили? Хотя что им война! Они же не люди! Их не пугает безысходность. И страх им не знаком... К тому же живут они по триста лет. Мы играем с ними, как с котятками, после воскресных служб. По выходным в нашей пагоде много народу собирается. Из деревень целыми семьями приходят. Стараются успеть к субботней ночной молитве. Потом остаются на ночлег. Женщины — на левой, женской половине, мужчины — на правой. Я тебе показывала. У нас и в храм мужчины и женщины входят с противоположных сторон. Так принято. Спят на широких деревянных топчанах на соломенных подстилах и подушках в форме бантика. Такие сейчас в модных саунах. Бок о бок. В шесть утра снова на молитву. В храмах Као Дай четыре церемонии в день: в шесть утра, в полдень, в шесть вечера и в полночь. Паломников у нас кормят. Бабушка иначе не может. В зале, где мы вчера у кузена чай пили, ставят длиннющие столы. А еды наготовливают — море. Дети помогают готовить и подавать во время трапезы.

Еще бабушка травами занимается. К нам их на огромных телегах привозят. И мы — все кузены-кузины — эти травы в пакетики раскладываем, заворачиваем, бечевочкой перевязываем. Сортируем. Знаешь, как тогда лечили? Доктор прописывает сбор трав. Берешь из каждого пакетика по щепоточке, смешиваешь, запаковываешь. Потом человек эту траву заваривает и пьет. Бабушка прихожанам травы бесплатно раздает, как и рис. Рис у нас в подвале мешками хранится. Мы лю-

бим в подвал залезать. Но нам туда нельзя. Там — семейная тайна. Будто мы эту тайну давным-давно не разгадали! Среди мешков с рисом запрятан мешок с блестящими красными камушками. Нам невдомек, что за камушки такие. Зачерпнули каждый по горсточке. Хочется ведь поиграть такой красотой. Мама как увидела, чуть дара речи не лишилась. Камушки-то — настоящие рубины. Потом всей семьей ползали по углам, собирали. (Ми Фонг смеется звонко, словно озорная девчонка. В свои пятьдесят с небольшим она — маленькая, хрупкая, подвижная, смешливая и деятельная — действительно девчонка девчонкой.)

А однажды появился Мишель...

Я увидела его в пагоде во время праздничной церемонии.

Он был красив. Необыкновенно красив. Он и сейчас красив, правда? Вот уже двадцать пять лет каждый божий день я люблю его красотой и благодарю Господа за нашу встречу.

То была не просто встреча двух людей. То было столкновение двух цивилизаций, сложное взаимодействие Востока и Запада.

Я привычна к облику мужчин с Запада. Американцы и французы всегда жили среди нас. Но нам нельзя было с ними общаться, ведь это наши захватчики, колонизаторы, враги. Девушки, которые осмеливались всего лишь заговорить с чужаками, осуждались общественным мнением, считались порочными, недостойными, грязными. Что уж говорить о тех, кто решался вступить в отношения с «мужчинами издалека» — так их называли...

То был День блуждающих душ — Trung Nguyen — самый важный во Вьетнаме праздник верующих в Бога, добро и зло. По преданию, в этот день на закате солнца открываются врата ада. Прощенные и освобожденные от наказания, очищенные молитвами

родственников и священников грешные души вырываются на свободу, обнаженные и голодные. Те, у кого есть родственники, возвращаются домой и находят себе еду и одежду на семейных алтарях. Те же, у кого родственников нет, забытые живыми, обречены бесцельно странствовать по воздуху на черных облаках, над реками и полями, над лесами и морями. Они и есть «блуждающие души», которым нужна еда и молитва. Во всех пагодах и публичных местах ставят множество дополнительных алтарей. В этот день, по словам стариков, живые и мертвые встречаются в мыслях.

В нашей пагоде огромное множество народу. Праздничная церемония необыкновенно красива. Величественна. Ты обязательно должна попасть на этот праздник! В начале службы участники церемонии входят в храм двумя колоннами. Впереди — высшая иерархия священнослужителей — чык шак. Справа три старца в голубом, красном и желтом облачениях, слева — старица в белом. За ними служители в белых одеяниях с головными уборами, на которых все то же «всевидящее око». Затем — послушники и послушницы. Мужчины обходят храм с правой стороны против часовой стрелки. Женщины — слева по часовой. Я тебе уже рассказывала об этой традиции. Духовенство располагается в центре храма. Остальные становятся с двух сторон.

Мишель стоял возле большого колокола там, где пишут поэмы мальчишки. Знаешь? Во время службы, когда священники Као Дай ведут разговор с духами, юным отрокам открывается знание. Они держат в руке карандаш или китайскую кисть для письма и записывают «услышанное» на бумаге. Их глаза закрыты. Поэзия легка и глубока. Слова преисполнены мудрости. Письмена священны.

Мишель — белокурый и голубоглазый — был здесь чужим. Но врата «божественных дворцов» Као Дай

открыты всем. Мама рассказывает, что в нашей пагоде когда-то молился Грэм Грин.

Мы находились довольно далеко друг от друга. Я двигалась в общем потоке. В ярко-красной праздничной тунике, расшитой бисером, наверное, я была хороша. (Ми Фонг кокетливо улыбается, но ее кокетство абсолютно естественно и обескураживающе. Традиционные вьетнамские туники, наглухо застегнутые под горло, длиной по самую щиколотку и с длинными же рукавами, действительно необыкновенно соблазнительны. Девушки в них удивительно грациозны и целомудренно обольстительны.) По крайней мере, я нравилась сама себе. Вдруг чей-то взгляд остановил меня. Взгляд — это энергия. А энергия имеет свою плотность и свой радиус действия. Есть взгляды пустые. От них ничего не исходит. А есть те, которые обжигают. Хоть скафандр надевай, не то облучишься. Харизма — тоже энергия. Я подняла глаза... Он смотрел на меня прямо и открыто, очень внимательно и чуточку удивленно. Ши Хай подтолкнула в спину: «Нельзя так смотреть на мужчин. Это слишком заметно». Но я уже больше ничего не видела. Только он, его улыбка, его глаза...

Неожиданно все вокруг опустились на мраморный пол. Во время служб молящиеся сидят в позе лотоса. Ты же видела? Я не услышала ни ударов гонга, ни резких звуков свистка.

Пронзительно и обреченно ударил колокол. Колокол моей судьбы. А мы так и стояли, возвышаясь над толпой — я и он.

Он смотрел так пристально и сосредоточенно, будто читал в моих глазах то, что я никогда бы не смогла произнести вслух.

Меня с силой дернули за полу туники. Я упала на колени. Чьи-то руки пригнули мою голову. Я закрыла глаза и заплакала. Уже знала, что случилась беда. И имя той беды — любовь. Та самая, без которой нет

смысла родиться на свет... Для кого-то любовь — счастье. Моя любовь — горе. Любовь — боль. Я не имею на нее права, но отказаться от нее уже не смогу...

Интуиция... Говорят, это высшая форма передачи знаний. То было абсолютное, полное и глубинное знание. Моя интуиция не шептала и даже не говорила в полный голос. Она кричала надрывно и истошно! А я... В тот момент я совершенно отчетливо поняла, что за этим чужим мужчиной пойду хоть на край света... Еще ничего нет. И сердце еще не падает и не взлетает. Пульс еще не учащен и глаза не обезумели... Но интуиция уже все предопределила...

Вдруг нечем стало дышать. Время потеряло свою первостепенную важность. Я почувствовала, что с его потерей сама теряюсь в этом привычном мире света, звуков и запахов. Яркие, живые краски вокруг вдруг слились в безликую серую массу. Звуки благостного песнопения превратились в ужасную какофонию, скребущую фальшивыми нотами по неожиданно оголившимся нервам... Слезы безудержно катились по щекам, а на губах блуждала сумасшедшая, какая-то шальная, неестественная улыбка. (Ми Фонг загадочно улыбается, глядя куда-то вдаль невидящими глазами.) Любовь — табу. Любовь без будущего...

Мне восемнадцать. Мишелю двадцать шесть.

...Я убегаю из дома по ночам. Мишель ждет меня у реки. Я прыгаю в лодку. Гул мотора разрывает тишину. Мы мчимся по бурой реке мимо железных плавучих барачных рыбаков, светящихся тусклыми лампадами, мимо спящих в своих длинных жилищах-пироггах добытчиков песка, измотанных за день непосильным трудом. Лодка ныряет в густые заросли тропических деревьев, сбавляет ход и уже совсем медленно скользит по узким запутанным каналам, петляя между островами, на которых никто не

живет. Мы причаливаем к темному пустому берегу, торопливо привязываем лодку. Дорога каждая минута. Южные ночи коротки... Мы любим друг друга на мягкой влажной траве, не боясь ни змей, ни насекомых, ни черта, ни дьявола... Все вокруг дышит нашей любовью. Весь мир — наша любовь. Остальное не важно.

В одну из таких ночей Мишель, коротко бросив «я сейчас», вдруг исчез в густых пальмовых зарослях. Там пальмы смешные: по высоте — деревья, по форме — трава. Через минуту вернулся, пряча что-то за спиной. Попросил: «Закрой глаза». Я ощутила осторожные, трепетные прикосновения... Цветок. Невиданный, диковинный, дикий... Отыскать его в темноте — безумие. Огромный, вовсе не изящный и не грациозный, он поражал неприкрытым откровением своих форм... Ты не замечала, что все без исключения цветы необыкновенно эротичны? Присмотрись повнимательнее. Ирис, орхидея... В них тайна. Тот странный цветок был воплощением любви в самых бесстыдных, обнаженных ее проявлениях и формах. Слияние мужского и женского начал. Я не знала его названия, но назвала его Инь-Ян. Как же иначе? Он испускал еле уловимое оранжевое свечение. Я никогда и нигде не встречала ничего подобного, хотя выросла в южном Вьетнаме среди тропических растений и цветов. Он излучал тепло. Мишель прикасался к моему телу лепестками, скользил, лаская... Никогда в жизни я не переживала ничего более чувственного. Ощущения были настолько сильны, что казалось, это выдержать невозможно. Это невыносимо... Это пытка... Боже! Сладкая пытка. Я готова была умереть. Плакала от нежности. Казалось, моя душа не вытерпит напряжения. Сердце разорвется на миллионы крошечных частичек, каждая из которых будет наполнена звуком его имени: Ми-шель... Я шептала, как завороченная: Ми-шель...

...Через несколько дней после той ночи я поняла, что беременна.

Как хотела я этого ребенка! Какая боль пронзила сердце, когда я почувствовала, что во мне волей Господа зародилась новая жизнь! То был плод любви. Запретный плод запретной любви... Мои родители никогда не признают этого малыша полноправным членом семьи. Он никогда не станет родным. Смешение кровей в буржуазных вьетнамских семьях того времени было недопустимо. Девушка из знатного, богатого рода не могла выйти замуж за иностранца. Тем более за французского колонизатора, врага нации.

Мишель, казалось, не понимал всего трагизма нашего положения. Он был ослеплен любовью и счастьем, удвоившимся при моем положении. Он строил планы, мечтал. У нас будет не один, много малышей: черноволосые девочки с голубыми глазами, утонченные и нежные, как настоящие азиатские женщины, и светловолосые черноглазые мальчишки... Он фантазер, мой Мишель! (Ми Фонг снова улыбается. Неожиданно ее глаза наполняются слезами.) Нет, я не плачу. Не буду плакать! (Она резким движением смахивает непрошенные слезы и продолжает жестко.) О том, что мы никогда не получим родительского благословения, он и слышать не хотел: «Если твои родители бессердечны и черствы, мне придется выкрасть тебя и увезти в Европу».

И увез бы, я знаю... Знаю.

Не сложилось...

Я плакала и ничего не говорила родителям ни о Мишеле, ни тем более о ребенке. Но будущий ребенок не иголка, в рукаве не утаишь... К тому же беременность проходила тяжело, чувствовала я себя ужасно. Мать, узнав наконец правду и страшась гнева отца, отослала меня в Бен Тре к бабушке, где в положенный срок я благополучно разрешилась — 19 августа

1970 года в день празднования 25-летия августовской революции¹ у меня родился мальчик.

Мишель примчался из Сайгона. Он, как и раньше, вел в столице коммерческие дела. Это давало возможность оставаться во Вьетнаме в военное время. Но его не пустили даже на порог нашего дома, сказав, что я не желаю его видеть. Мне же и вовсе не говорили о том, что все долгие месяцы моей беременности регулярно приезжал и требовал свиданий со мной.

Я рожала дома. Роды проходили нормально. Нанятые бабушкой акушерки умело приняли ребенка. Я услышала первый крик... Малыш плакал басом. Я уснула с ощущением полного, глубинного счастья. А когда проснулась, мне сообщили, что ребенок умер.

Я до сих пор не могу понять и простить жестокости моих родных. Пусть простит их Господь. Нет, я не плачу...

Мишелю тоже сообщили о смерти сына и... отказали от дома. Навсегда.

...Нужно было жить дальше. Я очень долго болела, а когда окрепла, меня вернули родителям. Я так никогда и не узнала, стала ли известна отцу история «порочной» любви любимой дочери, но до конца своих дней он ни разу не заговорил со мной об этом, ни разу не упрекнул ни словом, ни даже взглядом.

1975-й... Страна на военном положении. Я — студентка сайгонского университета. Уже два года как последний американский солдат покинул вьетнамскую землю. Южному Вьетнаму все труднее противостоять коммунистическому северу. Мы не любим людей севера. И не только из-за коммунистов. Так повелось издавна. Так сложилось исторически.

¹ Августовская революция 1945 года — национальная народно-демократическая революция, свергшая господство империалистов и установившая народно-демократическую власть во Вьетнаме.

Северные люди другие. Низкорослые и узкоглазые. Их девушки белокожи, холодны и некрасивы. Но дело, конечно, не в этом. Когда-то северные провинции Вьетнама и южный Китай аж до Гонконга были единым государством, называлось оно Ванланг. Давно, еще до III века до нашей эры. Но, видимо, китайские гены сыграли свою роль. Менталитет северных вьетнамцев — это китайский менталитет. На севере всегда жили бедно. Климат плохой, скалистая местность. Там до сих пор едят собак. Это ужасно. Северные люди — грязные. На юге никогда не ели собак. Даже в самые голодные времена.

Представь: в Сайгоне сформировано временное правительство. В городе смута. С каждым днем нарастающее беспокойство рискует перерасти во всеобщую панику. Коммунисты чувствуют себя все увереннее. Неожиданно нам объявляют, что мы, «буржуазные отпрыски», не можем больше учиться в университете. Но и работать мы не имеем права. Мы вообще вдруг потеряли всякие права. Многие наши друзья и знакомые уже уехали в Соединенные Штаты, во Францию, наскоро собрав вещи, лишь то, что смогли увезти. Но мой отец — член правительства. Мы не можем покинуть Сайгон.

Однажды утром отец не поехал на службу. Собрал всех нас в гостиной: маму, старшего брата с семьей, младшего брата, нас — четырех сестер и даже Нуну. Прислугу никогда не приглашали на семейный совет. Чувствовалось, что отец сильно взволнован. Был он немногословен: «Сегодня, наконец, получены визы. Вы уезжаете в Париж». Сказал так, что стало ясно: это решение главы семьи, не подлежащее обсуждению. Мама заплакала. Она не могла себе представить, что оставит отца в коммунистическом плену. Но расстаться с детьми и внуками она тоже не могла.

Отца забрали через три дня... Маму все же удалось уговорить уехать. Она до сих пор жива. Живет в Тулузе

вместе с Ши Хай — старшей сестрой. А отец... Про отца я тебе уже рассказывала.

Нуну ехала с нами. Суетилась больше всех. Наскоро паковали чемоданы. Я сильно нервничала. И дело было не только в предстоящем отъезде и полной неизвестности. Мы ехали в Париж. В этом городе жил Мишель.

Я стояла коленями на крышке чемодана, пытаюсь застегнуть непослушный замок. Вздрогнула от неожиданности, почувствовав чью-то руку на своем плече. Старший брат Мин Хунг жестом указал на дверь и молча вышел, приложив палец к губам. Я последовала за ним. Вел он себя по меньшей мере странно. Схватил меня за руку и потащил в самый удаленный уголок сада, туда, где, скрытая густой зеленью от посторонних глаз, величественно покоилась на мраморном пьедестале птица феникс. Он усадил меня на траву к ее ногам и долго мялся, не решаясь сказать что-то важное. Прятал глаза, тербил воротничок рубашки — признак сильного волнения. Мое сердце сжалось в предчувствии неладного.

— Я не мог тебе сказать раньше, — неуверенно начал он, — но не могу не сказать сейчас... — Брат тяжело вздохнул. Слова давались ему с трудом. — Ты знаешь, что у нас с женой две дочери... Через несколько дней мы покинем Вьетнам, и неизвестно, как дальше сложатся наши судьбы. — Он помолчал. — Наш род не должен остаться без наследника. А наследник в семье только один. — Он наконец поднял на меня полные ужаса глаза и вдруг улыбнулся. — Твой сын жив.

(Ми Фонг замолчала. Сгустившиеся сумерки скрыли от меня выражение ее глаз.)

Нет, я не плачу! Не буду плакать... Дальнейшее помню плохо. Мы ехали на машине долго-долго. Неимоверно долго. Дорога к буддийскому монастырю, где с самых первых дней своей жизни воспитывался мой

сын, была неблизкой. Ехали вдоль моря, минуя многочисленные поселения, разоренные, опустошенные войной. Но там, где природа оставалась нетронутой, казалось, что вовсе нет никакой войны. Матово-голубые лагуны, зябко дрожащие в сонной дымке утреннего марева, прозрачные ледяные реки, искрящиеся радужные водопады. Мы проезжали старинные кладбища, где царили покой и умиротворение, заброшенные пагоды, туманные озера, поднимались по горному серпантину все выше и выше. Я вспомнила, что, когда была маленькая, мы уже однажды ехали по этой дороге...

У бабушки был свой театр. Меня, семилетнюю, взяли с собой на гастроли. Передвигались автомобильным караваном из десятка машин. Мне предоставили место в самой комфортабельной машине, но мне хотелось ехать вместе с актерами в небольшом грузовике. С ними было весело, и дорожные неудобства меня не смущали. На ночлег оставались прямо у дороги. Жгли костры, варили фо бо¹ и слушали нескончаемые сказки старого актера Ту Бао. Мифы Вьетнама — это отдельная тема. Обязательно как-нибудь тебе расскажу. А тогда мое воображение рисовало загадочный и могучий образ Тхэн Биена — гигантской черепахи, которая покоится на дне моря. Если Тхэн Биен делает вдох, вода вливается ему внутрь, делает выдох — выливается. Оттого и происходят морские приливы и отливы. Если же Тхэн Биен ворочается, на море поднимаются сильное волнение и бури. Я живо представляла себя то красавицей Мат Чанг — божеством Луны, то ее сестрой — божеством Солнца Мат Чей. По небесному своду Тхэн Мат Чей движется в паланкине. Когда его несут юноши, которые отвлекаются в пути на разные забавы и поэтому идут медленно, день становится

¹ Фо бо (pho bo) — традиционный вьетнамский суп из говядины с рисовой лапшой, овощами и зеленью.

длиннее. Когда же нести паланкин поручают пожилым мужчинам, те делают свое дело быстро, и день становится короче. Сам рассказчик, седовласый и седобородый Ту Бао, представлялся мне богом риса Тхеном Люа. Если Тхен Люа, разобидевшись на хозяев, покидал дом или округу — жди неурожая. Если он появлялся в лохмотьях — урожай будет хороший. А если он, занятый самим собой, одет щегольски — урожай будет скверный.

Ехали в Хюэ к Благоухающей реке. Хьонг Жанг — река ароматов. Там на живописном берегу под открытым небом сооружались перевозные подмости, и наш театр давал представления. Счастливым было время. (Ми Фонг на минуту замолкает, погрузившись в детские воспоминания.)

Но теперь эта дорога не казалась мне столь радужной и счастливой. Я пребывала в каком-то полусонном состоянии. Видимо, моя нервная система таким образом реагировала на шокирующую информацию о давно оплаканном и вдруг так неожиданно воскресшем мальчике. Тогда, обманув меня безжалостно и жестоко, ребенка отдали странствующему монаху-паломнику, узнав лишь, из какого монастыря тот прибыл. И вот уже несколько месяцев мой брат пытался отыскать его, отравив десятки писем, собирая всю возможную информацию. По его сведениям, мальчик был жив, к тому же считался хорошим, прилежным воспитанником одного из монастырей, спрятанных далеко в горах. Страх сейчас был основным моим чувством. Как там мой мальчик? Может, он болен? А может, его увезли в какой-нибудь другой монастырь? Думать о том, что я могу снова потерять его, так и не обрета, было невыносимо!

Пагода Линь Му стоит на высоком холме над Ароматной рекой. Восьмигранную конусообразную башню, уходящую острой крышей в небо, мы увидели еще с противополож-

ного берега. Наняли лодку для переправы. Воды широкой, могучей реки движутся медленно, тягуче, величаво... Я смотрела на отражающиеся в мутной воде облака, и мне казалось, что время остановилось...

Мы долго поднимались по мокрому и узким каменным ступеням, скользя и хватаясь за гибкие ветви деревьев, постоянно рискуя сорваться вниз. Наконец оказались у подножья семиэтажной аскетичной башни. Семь этажей средневековой пагоды — олицетворение семи реинкарнаций Будды. И семи шагов Будды-младенца, явившегося на Землю в образе человека. Там, где ступала его нога, распускались прекрасные лотосы... Восемь граней пагоды — это восемь мирских страданий и восемь благородных истин для избавления от них. Тебе это интересно? Хорошо, тогда слушай. Страдания сопровождают нас всю жизнь. Рождение есть страдание. Старость, болезнь, смерть... (Ми Фонг загибает пальцы на руке.) Разлука, печаль, скорбь, неисполнение желаний. Одним словом, все составляющее жизнь есть страдание. Нет, я не пессимистка. Я знаю, что страдания непостоянны. В буддизме существует восьмеричный путь избавления от них. Какой? Странно, что ты спрашиваешь об этом. Странно, потому что тогда...

У ворот монастыря нас встретил старый монах, одетый в простую коричневую рясу, похожую на крестьянскую робу. Почтенных лет бонза¹, настоятель обители. От него веяло покоем и порядком. Он повел нас в свои владения мимо зеленой бамбуковой изгороди, старых фруктовых деревьев, скромных кирпичных построек. Пруд, огород, колодец с мостиком. Священное дерево баньян с воздушными корнями. Под этим деревом Будда занимался самосозерцанием. Двухтонный колокол Дай Хонг Чунг, чей звон слышен за десять километров. Огромная черепаха — символ долго-

летия — с каменной стелой на спине. Стела испещрена письменами. Мудрость ушедших поколений. Я хочу скорее увидеть сына. Обнять. Мое сердце рвется к нему. Но я не могу проявить неуважение к гостеприимному хозяину. Он же, кажется, не торопится вести меня к моему ребенку. Наша прогулка и беседа затянулись. Мои нервы больше не в состоянии выдержать тягостного ожидания. Я готова разрыдаться. Тогда-то бонза и заговорил о человеческих страданиях. Я была ужасно взволнована и возбуждена. Плохо понимала смысл его слов. А говорил он о том, что причиной наших страданий являются нескончаемые желания и внутренние противоречия от невозможности их осуществления. Благородный Восьмеричный Путь буддизма открывает возможности прекращения наших мук. Нужно лишь правильное понимание происходящего — воззрение и мудрость в соответствии с истинами; правильное мышление — без эгоизма, гнева и жестокости; правильная речь — без грубости, сплетен и клеветы; правильные поступки в соответствии с заповедями — не убей, не укради; еще нужно иметь честную и благородную профессию; сеять вокруг себя добро и препятствовать порождению зла; трезво смотреть на вещи и четко осознавать, что мир, в котором мы живем, существует здесь и сейчас, значит, жить нам нужно здесь и сейчас. Все просто... Почему ты смотришь так удивленно? Нет, в моей памяти вовсе не отпечатались слова старого монаха. Из всего сказанного тогда я не запомнила практически ничего. Но этот разговор дал мне толчок к изучению основ буддизма. Однако после всех духовных мытарств я осталась верна религии своих предков. Као Дай — попытка создания идеальной религии, сочетание философий Востока и Запада, эклектическая смесь элементов буддизма, конфуцианства, даосизма, христианства, ислама и, разумеется,

естественного и привычного вьетнамского спиритизма. Но, кажется, я отвлеклась.

Старый бонза говорил тихо и мягко. С первых же слов я попала под воздействие магии его завораживающего голоса. Слушала и явно ощущала, как моя душа постепенно наполняется теплом, светом, тихой радостью. Становится спокойно и благобно. Внутри воцаряется удивительная, чудная гармония. Напряжение последних часов отпускает, уступая место долгожданному умиротворению. Я вдруг отчетливо поняла, что рядом с таким человеком моему сыну ничего не могло угрожать, с ним не могло случиться ничего плохого. Мой мозг был истерзан ожиданием, но сердце наполнено абсолютным доверием и благодарностью к этому человеку.

Наконец мы подошли к одноэтажному кирпичному зданию с соломенной крышей. У двери стояло несколько пар детских сандалий всех размеров. Мне бросились в глаза самые маленькие, синие. Я нагнулась, подняла их, инстинктивно прижала к груди. Настоятель улыбнулся, тихонечко приоткрыл дверь.

В светлом просторном помещении за длинным деревянным столом на лавках сидели маленькие будущие бонзы. Они усердно чертили что-то в своих тетрадках, болтая под столом босыми ногами. Одинаковые коричневые, как у настоятеля, рясы. Сверху натянуты теплые свитера, спортивные курточки, жилеты. Совсем как у обычных мирских мальчишек. Только головы гладко выбриты. Лишь длинные чубы и оставленные местами островки смолых волос напоминали о том, что перед нами не простые школьники. Чубы — единственная связь с миром. Пока не выбрит чуб, мальчик может покинуть монастырь, жениться, отрастить волосы и жить в миру. Окончательный постриг — обет безбрачия и отказ от мирских удовольствий. Служение Богу. Обратного пути нет.

¹ Бонза — буддийский монах в постриге.

Мальчишки сопели, занятые делом. Нашего присутствия никто не замечал. Только молодой монах-учитель приветливо улыбнулся, жестом приглашая войти.

Я жадно впилась глазами в лица маленьких бонз, лихорадочно пытаюсь найти своего. Сердце стучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Кровь прилила к лицу. Я смотрела и не узнавала. Разноцветные вязаные шапочки, одинаковые черные чубы, опущенные глаза, сосредоточенные лица. Я его не видела. Вот мальчики постарше... Нет, не он... Где же, где? Который? Господи, помоги! Меня охватила паника.

Учитель встал. Моментально вскочили и дети. Он что-то сказал своим подопечным, я не расслышала. Мальчишки дружно повернули к нам головы, поздоровались. Стояли и смотрели внимательно, молча. Из-за стола неторопливо вылез крепкий коренастый мальчишечка, этакий маленький мужичок. Провожаемый любопытными взглядами, деловито чуть вразвалочку зашагал через зал. Я так и стояла у двери, прижимая к груди синие сандалии, не в силах пошевелиться. Он подошел совсем близко. Лицо по-взрослому серьезное, сосредоточенное. Несколько секунд он смотрел на меня пристально, изучая... Я опустилась на корточки, не выпуская из рук сандалий. «Это мои», — спокойно сказал он и вдруг улыбнулся радостно и открыто. Затем стянул с головы ярко-оранжевую шапочку... На лоб крутым непослушным завитком упал длинный светло-русый чуб.

Обратная дорога показалась одним мигом. Мой маленький бонза спал на заднем сиденье, свернувшись калачиком и положив голову мне на колени. Посапывал, блаженно улыбаясь во сне. А я гладила и гладила бритую гладкую голову, мягкий чуб, детские худые плечи. Мой сын... Наследник славного рода Ли Мин Тан.

В Сайгон въезжали 30 апреля 1975 года.

Город был неузнаваем. То, что происходило в этот день, трудно описать словами. Улицы запружены бесконечным потоком людей, машин, велосипедов. Хаос, неразбериха, паника. Бегущие люди с детьми, чемоданами, баулами, огромными корзинами на плечах... Плач, крики, автомобильные гудки, сливающиеся в единый невыносимый гул... Над Дворцом независимости развевается красное полотнище с желтой пятиконечной звездой.

Нам пришлось бросить машину и пробираться сквозь ревущую толпу пешком. Брат крепко держал за руки меня и сына. Он буквально тащил нас за собой, пробиваясь вперед, как бойцовский пес. Дома его ждали жена и две маленькие дочки.

До нашего квартала добирались нескончаемо долго. Труднее всего оказалось пересечь мост. Мы продирались сквозь толпу против общего движения. Наконец измученные, в изорванной одежде оказались на пороге нашего дома. Мин Хунг взбежал по лестнице первым. Дом был пуст. По творящемуся вокруг беспорядку поняли, что семья покидала родные стены в страшной спешке.

Не раздумывая ни секунды, брат подхватил моего сына на руки и бросился прочь. Он бежал на набережную, откуда с пристани уходили паромы на большую землю. Это была единственная возможность покинуть город, вырваться из коммунистической осады. Наверное, в тот момент он еще надеялся найти своих, догнать семью. Это было абсурдом. Мы даже не знали, сколько времени прошло с тех пор, как они покинули дом, не дождавшись нас, во имя спасения детей.

Я бежала за ним, инстинктивно хватаясь за край его длинной рубахи. Боялась отстать, боялась быть попросту растоптанной толпой.

Слившись с людским потоком, мы вскоре оказались на пристани. Люди осаждали паром. По обрывкам фраз мы поняли, что этот паром —

последний. Новое правительство перекрыло движение по реке на неизвестное время, до нового распоряжения.

Паром взревел прощальным гудком, но толпа не отступала. За борт полетели корзины, баулы, чемоданы, уступая скудное пространство людям. Сдавленная со всех сторон, напуганная, оглушенная воем и стенами, я почти теряла сознание, но крепко держалась за рубаху Мин Хунга. В какой-то момент почувствовала, что мои пальцы сжимают пустоту. Доля секунды... и меня оторвали от брата, оттеснили, откинули назад. Толпа выплюнула меня из первых рядов. Сопrotивляться было бесполезно. С каждым мгновением расстояние между нами увеличивалось. Я еще не осознавала всего ужаса происходящего. Людской поток мощной волной внес на паром Мин Хунга, прижимавшего к себе моего сына. Последним, что я увидела, были глаза моего ребенка — спокойные и печальные глаза взрослого и мудрого пятилетнего человека.

Домой я добралась только на следующее утро. Не помню, где бродила в ту ночь. Помню только внутренний страх и безысходность, к утру сменившиеся полным безразличием. Не успев обрести, я вновь потеряла сына.

Дом встретил меня тоскливым взглядом пустых шелковых глазниц. Помнишь, я показывала тебе «глаза» старых домов в Хой Ане¹? Красные тряпичные «глаза» с симпатичными кисточками, висающие над входом, охраняют дом, не позволяют фантомам войти внутрь и приносят его обитателям счастье. (Ми Фонг тяжело вздыхает.) «Глаза» нашего дома в тот день были полны кровавых слез...

Я вошла и остолбенела. Все вокруг перевернуто вверх дном. Старинная лестница из черного дерева, ведущая в спальню, срубле-

¹ Хой Ан (Hoi An) — старинный город во Вьетнаме.

на и валяется на мраморном полу жалкими, искалеченными обломками благородной древесины. Окна зияют страшными дырами. Мебель изуродована. Картины содраны со стен. Ведущая в подвал дверь снята с петель. Пол усеян прозрачными зернами риса, высыпавшимися из разорванного мешка, брошенного тут же. Я ступала по священным зернам, словно по раскаленным углям, собирая измятые, изорванные фотографии, валяющиеся в пыли. Наши фотографии... Улыбающиеся счастливые лица. Отец, мама, бабушка... Красивые, молодые... Вот отец держит на руках меня и Ши Ту. Мне здесь три года. А вот мы всей семьей. Это одна из последних... Фотография порвана. На ней не хватает Мин Хунга. Он тогда стоял с краю... Его нет. Я лихорадочно ползаю на коленях по рисовым зернам в поисках недостающего обрывка. Мин Хунг! Где ты? Я должна тебя найти! Ты должен быть с нами! Кто-то глумился над нашим прошлым, отняв настоящее, лишив будущего. У входа в груди мусора я нахожу оторванный клочок. Рядом сиротливо валяется соскользнувшая в спешке с детской ноги маленькая синяя сандалия.

Месяц я ждала хоть каких-то известий от брата, от родных. Об отце тоже было ничего не известно.

Меня приютил Мин Танг — мой кузен. Его семья с четырьмя детьми осталась в Сайгоне в нашей пагоде. Священные пагоды коммунисты не трогали.

Жить было не на что. У меня не осталось ничего. Счета в банках, дом вместе со всем имуществом — все конфисковано коммунистами. Слава богу, документы были при мне. Кузен кормил меня, я носила платья его жены. Они были добры ко мне, жалели, утешали, как могли.

Тридцатого мая, так и не получив никаких известий от родных, я вылетела в Париж. Оставалась надежда отыскать родных там. Надежда найти сына...

Париж... С годами я научилась любить это город. Он стал мне родным.

В семьдесят пятом в Париже были организованы специальные центры по приему и размещению вьетнамских беженцев. Мне сразу дали небольшую комнатку с кухней, довольно приличное одноразовое пособие и разрешение на работу. Все это было неожиданно и казалось манной небесной. Началась моя вторая, новая жизнь.

Знаешь, чем старше я становлюсь, тем чаще задумываюсь над вопросом: кто я? Уже много лет у меня французский паспорт — французское гражданство. Я владею языком, неплохо знаю культуру, литературу, историю Франции. Я научилась различать сорта вин и сыров. Но любить свой фо бо не перестала. Иногда с удовольствием проглотила бы на завтрак пару немов¹ вместо круассанов. Когда приезжаю во Вьетнам, останавливаюсь возле каждого уличного торговца сладостями, рисовыми галетами и прочими лакомствами, которых во Франции не найдешь. Нуг нам² привожу в Париж литрами и поливаю все подряд. Вот только часами сидеть на корточках, не уставая, уже разучилась. Тренировки не хватает. (Ми Фонг смеется.)

Думаю, трагедия эмигрантов в том, что для новой родины мы навсегда останемся эмигрантами, представителями своей этнической расы, своей национальности. Но и для родной страны с годами мы почему-то перестаем быть родными. Почему? Возможно, зависть. Мы покидаем родину не от хорошей жизни. Те, кто остается, чувствуют твое превосходство: ты — там, в «раю», они — здесь, со своими собственными пробле-

¹ Нем — традиционное вьетнамское блюдо: хрустящие трубочки из тонкой рисовой пленки, начиненные фаршем из мяса, протертого лука, капусты или бобовых ростков, иногда с дополнением других ингредиентов.

² Нуг нам (nug nam) — традиционный вьетнамский острый пикантный соус.

мами и проблемами своей страны. Получается, мы чужие и тут, и там... всю жизнь болтаемся между небом и землей. А может, и тут и там свои? Как думаешь? Может, все зависит от того, как мы сами к этому относимся? Во Вьетнаме осталось мое прошлое. Во Франции прошла вся сознательная жизнь. Я благодарна Франции за это.

К новому образу жизни привыкать трудно. Мне всегда казалось, что дома мы живем «на французский манер». Даже говорим по-французски. Но так лишь казалось. В семье бережно сохранялись вьетнамские традиции и обычаи.

Теперь я училась жизнь и мыслить по-французски.

Работу нашла быстро. Появились первые друзья. Молодость легко приспосабливается к обстоятельствам. А через три месяца я нашла своих родных! Центр помощи беженцам занимался поиском и восстановлением семей. Мама, старшая сестра и младший брат жили в Тулузе, где сестре предложили место по специальности. Нуну была с ними. Ши Ту и Ши Нам нашли работу недалеко от Парижа, жили вместе. За младшей сестрой уже ухаживал Патрик — ее будущий муж. Он славный. У них дружная семья, трое... да, трое детей. Не четверо... Недавно мы сыграли свадьбу Стефана — моего племянника, их старшего сына.

И только Мин Хунг... Мин Хунг и его семья...

Никто не знал, где они и что с ними. В той сумятице и неразберихе сразу улететь из Вьетнама удалось не всем. Вылетали разными рейсами, с промежутками в несколько дней. Возможно, Мин Хунгу удалось отыскать жену и дочерей еще во Вьетнаме. Может, они встретились на одном из перевалочных пунктов. Этого никто не знал. Но во Францию ни Ти Ань с дочерьми, ни Мин Хунг так и не прилетели. Мы потеряли их на долгие годы. Вместе с ними пропал и мой сын.

Я работала в фирме по пошиву детской одежды и одновременно оканчивала университет. В Сайгоне мне так и не удалось этого сделать. В университете познакомилась с Мари... Мы дружим до сих пор. Мари — большая умница. Предприимчивость и коммерческое чутье — редкие качества для женщины. Через два года у нас с Мари уже была своя крошечная фирма по производству детской одежды.

Теперь я не шила сама, на нас работали портнихи. Я разрабатывала модели нарядов для маленьких граждан, Мари вела бухгалтерию.

Не раз, рисуя какую-нибудь хорошенькую рубашечку или жилетку для мальчиков, я мысленно примеряла их своему русоволосому сыну. Я так ясно представляла себе его лицо, улыбку, чуть раскосые черные глаза. Какой он сейчас? Вырос, изменился...

Что? Мишель? Да, Мишель... Не торопи меня. Зачем торопишь? Я и так расскажу...

Мишель...

Конечно, я искала его, мечтала о встрече. Я знала лишь имя, фамилию и год рождения. Тогда не было Интернета и поисковых сайтов. Обращалась в справочную службу — безрезультатно. В Париже жили два Мишеля по фамилии Данс, но ни один из них не был моим Мишелем. Еще полтора десятка парижан носили эту фамилию, но никто из них не был родственником Мишеля. Даже очень дальним. Как могло такое случиться? Очень просто! Мишель жил не в самом Париже, а в небольшом городке в сорока километрах от столицы. В городской базе данных его, разумеется, быть не могло.

Первое время его образ преследовал меня. Он мерещился мне буквально на каждом перекрестке, в уличной толпе, за стеклом проезжающих автомобилей. Я хватала за рукав всех высоких светловолосых мужчин, бежала за отъезжающим автобусом, бешено

тарабаня в дверь. Когда же эта дверь наконец открывалась, я бросалась к молодому человеку, сидящему рядом с красивой девушкой, и наталкивалась на его удивленный, сочувственный взгляд и подозрительный взгляд его спутницы. Однажды в метро, обознавшись в очередной раз, я бежала вверх по эскалатору, скользящему вниз, споткнулась, упала, прокатилась по ступеням, порвав брюки и больно расцарапав коленку. Я сидела на заплыванном бетонном полу парижского метро и плакала беззвучно и безутешно. Симпатичный белокурый парень наклонился ко мне, желая успокоить, помочь. В этот момент я не соображала, что делаю. Мой собственный мозг вышел из-под контроля. Я видела перед глазами только светлые кудрявые волосы Мишеля. С силой я вцепилась в воротник его кожаной куртки и дернула так, что парень потерял равновесие и еле удержался на ногах. С трудом высвободившись из моих рук, он отшатнулся, посмотрел недоуменно. Тогда я поняла, что попросту становлюсь параноиком. Дальше так продолжаться не могло. Неожиданно где-то внутри возник тихий, всепроникающий голос старого бонзы: «Страдание — это столкновение желания с невозможностью осуществления...»

Я занялась изучением буддийской философии. Главное — не слишком углубляться в дебри, всегда оставаться на поверхности. На какое-то время это действительно отвлекло, помогло переключить сознание. Я поняла, что нельзя заикливаться на ситуации. Сформулируй свое желание и отпусти. Положись на волю божью. Сумей подавить в себе недоверие к Всевышнему. Суждено — сбудется! А не сбудется — значит, это тебе не нужно. Господь действует в твоих интересах.

Работа тоже отвлекала от грустных навязчивых мыслей. Наша фирма росла, расширялась, крепла. Я работала практически без выходных.

Но на праздники обязательно ехала в Тулузу к маме, сестре и брату. Собиралась вся семья. Точнее, все мы, живущие во Франции. Рассказывали о жизни, делились новостями и обязательно результатами поисков Мин Хунга и его семьи. Никто не терял надежды отыскать их. Младшему брату по каналам вьетнамской диаспоры удалось узнать, что Мин Хунг выехал в Соединенные Штаты. Как его там найти, пока не представляли. Но я знала, чувствовала наверняка: мой сын жив.

Прошло ни много ни мало девять лет. За это время я, получив кредит в банке, открыла небольшой бутик детской одежды в торговой галерее Дворца конгрессов. По сей день с удовольствием одеваю юных модниц, подбирая не только платья, но и все необходимое, от туфелек и носочков до сумочек и заколок. Дело хлопотное, но благодарное. Я люблю свой бутик, люблю работать с детьми. Да и с их родителями, которые зачастую капризничают больше своих чад, легко нахожу общий язык.

Мы по-прежнему были близки с Мари. Именно ее муж помог мне получить кредит, наладить дело. Я люблю ее мальчишек — у нее их двое. Даже стала крестной матерью младшего. Мари с мужем не раз пытались познакомить меня с кем-нибудь. Женщина не может жить одна. Для счастья нужна семья и дети. Дети — ее высшее предназначение.

Конечно, у меня были поклонники, как без них. Но замуж я не торопилась. Все эти годы я ждала своего Мишеля, не признаваясь в этом даже самой себе.

И вот однажды... Тот день помню по минутам...

С раннего утра не заладилось. На улице лил дождь. Сильно болела голова. Поставщики, и без того задержавшие партию товара, ошиблись в расцветках и размерах. Я не терплю неточности в работе. У меня

не гипермаркет, где товар в наличии десятками килограммов и экземпляров. Разнервничалась. Для успокоения решила обновить витрину. Рождество на носу.

В моей витрине нет обычных мертвых и безликих манекенов. Вместо них хохочущие, растрепанные конопатые девчонки и мальчишки с большими ртами и оттопыренными ушами. Невозможно пройти мимо, не улыбнувшись. Покупатели и заходят ко мне с улыбкой. Я отвечаю тем же. Разнаряженные в настоящие фраки и балльные платья для семейных торжеств, свадеб и крестин, эти куклы еще потешнее. А вот изысканные платья и фраки неожиданно теряют холодную чопорность.

Я стою в витрине своего бутика, прикрепляю одетому с иголки юному манекену галстук-бабочку. Мои витрины всегда ярко освещены. Когда люди проходят мимо, внутри происходит затейливая игра теней. Тени мелькают, куда-то торопятся, бегут, обгоняя друг друга. Время от времени я поворачиваю голову, улыбаюсь, киваю. Люди спешат по своим делам. Кое-кого я знаю. По соседству много разных бутиков.

Одинокая тень падает на витрину, неподвижно замирает. Краем глаза замечаю вытянутый силуэт с непропорционально удлиненными руками и ногами. Как в кривом зеркале. Продолжаю свое дело. Держу за руку манекен, вставляя в рукав белоснежной рубашки миниатюрную, почти игрушечную запонку. Тень не двигается с места. Минута, две, три... Целая вечность... Тревожащий взгляд испепеляет мне затылок. Взгляд — энергия. Энергия притяжения. Медленно, как во сне, поворачиваюсь... Огромное прозрачное стекло отсвечивает. Пляшущие блики не позволяют разглядеть лицо. Лишь глаза... Они смотрят на меня прямо и открыто, очень внимательно и чуточку удивленно. Я стою в узкой витри-

не, держа за пластмассовую руку вихрастого хохочущего мальчишку с длинным светло-русым чубом. Предательски подкашиваются ноги. Внезапно обессилев, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Широкая, до мельчайших черточек знакомая ладонь ложится мне на лоб, скользит по невидимой глади витринного стекла, по моим волосам, по щеке. Две одинокие капли катятся по стеклу. С той стороны и с этой. Они стремятся друг к другу, разделенные лишь прозрачной, невидимой глазу толщиной. Непреодолимой толщиной...

(Ми Фонг закрывает лицо руками. Мы все еще сидим в теплой буляющей грязи. Никто не посягает на наше место. Нас не трогают, нам не мешают. Вылезать не хочется. Хочется дослушать до конца.)

Казалось, теперь все будет хорошо...

Не тут-то было! Только в сказках бывает счастливый конец.

Мишель был женат и воспитывал сына.

Скажи, когда мужчина рассказывает тебе, что с женой у него не ладится, живут без любви, исключительно ради детей, по привычке, и что теперь все будет по-другому, потому что теперь есть ты, что ты отвечаешь ему на это?

Ну вот. Я тоже сказала, что не верю... Но совсем отказаться от него у меня все же не хватило сил. Я оказалась слаба, не сумела проявить решительность. Интуиция подсказывала, что он не лжет, он действительно по-прежнему любит меня. Я чувствовала, что, оттолкнув любимого человека, обреку его на одиночество. Разве мало мне было моего собственного одиночества все эти годы, прожитые без него? Но разрушать семью я не хотела. Решила — будь что будет! Я так долго ждала, что могу подождать еще. Время все расставит на свои места.

Начался новый период наших отношений. Романтический.

Мишель ухаживал за мной, как истинный француз, красиво и весьма искусно. Цветы, конфеты, подарки... Обычный набор атрибутов влюбленного. Но каждый подарок с выдумкой, с потаенным смыслом, с подтекстом.

Мы встречались и шли куда-нибудь обедать или просто гулять. Но только днем. А вечером я отправляла его к жене и сыну. Я не переступала запретной черты, а Мишель не настаивал. Мы, казалось, забыли обо всем, что было между нами когда-то. Высокие платонические отношения. Никто не знает, чего мне стоило возвращаться в пустую сиротливую квартиру и ложиться в просторную и удобную ледяную постель. Я ничего не просила и ни о чем не спрашивала. Не торопила. Он должен был для себя что-то решить. Сам.

Наш странный роман длился девять месяцев. Однажды Мишель вошел в бутик в самый разгар рабочего дня. У меня полно клиентов. Попросила подождать. Он стоял в сторонке, пряча что-то за спиной.

Толпа покупателей потихоньку рассосалась. Я стояла рядом с Мишелем, смотрела ему в подбородок и чувствовала напряжение. «Все, — сказал он. — Теперь все». Он положил мне на ладони теплый оранжевый цветок. Тот самый. Огромный, мясистый, откровенный до неприличия. Экзотика в центре Парижа. Объяснять ничего было не нужно.

Бракоразводный процесс во Франции длится долго. Год, если без осложнений. А если с осложнениями...

У Мишеля все шло с осложнениями.

Мы жили вместе в сорока километрах от Парижа на берегу темной реки — рукава Сены. Жена больше не хотела тратить время на нестоличную жизнь, а Мишель хотел. Ей — квартира в центре, ему — дом на берегу.

Дом был белый, старый и уютный. Коротко стриженная зеленая лужайка. Каменная дорожка бежит

прямо в воду. Огромная плакучая ива по утрам осторожно прикасается гибкими ветками к холодной воде. К иве привязана лодка. Мы катаемся по воскресеньям и понедельникам с утра. В остальное время я работаю в бутике в городе.

Мишеля любят в моей семье. Любят все без исключения, потому что он исключительный. С ним легко и весело. Даже когда есть проблемы. Потому что и проблемы с ним решаются легко и весело. В нем харизма. Ши Хай и Ши Нам замужем за французами. Муж Ши Ту — итальянец. Девочки из славного рода Ли Мин Тан. Парадокс жизни.

У Мишеля сын Кристоф. Пятнадцать лет. Сложный подростковый возраст. Разводиться не время. Хотя когда оно — время? Для детей — никогда. И для взрослых — никогда. Но это в идеале. У Мишеля все далеко не в идеале. Поэтому Крис часто бывает у нас. Мама устраивает свою новую жизнь. Слава богу, что устраивает. Мама — человек сложный, своеобразный. Крису с ней нелегко. С отцом легче. И со мной, как оказалось, тоже легче. Он бы совсем к нам переселился, но мама не согласна. Из принципа. Почему Мишелю все — дом, сын, любовь, а ей — разбитое корыто. Неважно, что корыто бриллиантовое. Корыто — оно и есть корыто! Крис в состоянии навигации между двумя домами, между отцом и матерью. Я для него — остров спасения, где можно передохнуть после штормовой качки.

На тридцатипятилетие Мишель подарил мне поездку во Вьетнам. Обычную туристическую поездку. Да, обычную...

Во Вьетнаме правят коммунисты. Но туризм развивается бешеными темпами. У меня давно французский паспорт. Я ничем не рискую. Мне не по себе. Мне страшно. Но со мной Мишель. А рядом с ним ничего не страшно. Мы едем.

Я не буду описывать своих впечатлений, переживаний и чувств. Скажу только, что, вернувшись однажды,

вот уже много лет я возвращаюсь туда каждый год. Мне необходимо пережить все еще и еще раз, пока не выболит, не засохнет и не отпадет короста, пока не затянется рваный шрам. Возвращаюсь не для того, чтобы помнить, а для того, чтобы забыть. Я не знаю, сколько для этого понадобится времени. Мишель всегда со мной. Знаешь, он мечтает выиграть в лото и выкупить у правительства наш дом в Сайгоне, тот самый, что ты фотографировала вчера. (Ми Фонг грустно улыбается.) Только мне это уже не нужно... Я не плачу! Не буду плакать! (Соломенный зонтик-грибок, пропитанный слезами дождя, протекает. По щеке Ми Фонг катится одинокая дождинка.)

В аэропорту Сайгона нас встречал Мин Танг — мой кузен. Вместо радости от встречи на его лице застыла тревога.

— Звонил твой брат из Тулузы. Они нашли Мин Хунга и твоего сына. Все летят в Париж. Вся семья. Вот ваши билеты. Обратный рейс через полтора часа. Лететь придется через Ханой, других вариантов не было. Но завтра утром вы уже будете на месте.

— А они когда?

— Они на четыре часа раньше.

Из Руаси ехали на такси. Мишель все время держал меня за руку. Он держал меня так все тринадцать часов полета. Ему казалось, что если сейчас он выпустит мою руку, произойдет что-то ужасное. Меня трясло. Пришлось пить снотворное, чтобы хоть как-то отключиться. Я боялась поверить... А не поверить боялась еще больше.

Автобан практически стоял. Пробка в такое время — обычное дело. Вместо четырех полос двигалась только одна. Слава богу, вообще двигалась. Остальные три полосы были перекрыты. Огромную фуру еще не оттащили с места аварии. Фура была разбита. Судя по изуродованному корпусу, столкновение было ужасным. Я поехала. Кто виноват? Фура с ее непостижимыми размерами?

Скорость? Невнимательность водителей? Хотя какая разница, кто виноват, когда трагедия уже случилась.

Аварийные машины мыли асфальт. На нем огромным жирным пятном растеклось машинное масло, смешанное с бензином. Вместе с радужными разводами в темной луже отражались легкие бегущие облака.

О грустном думать не хотелось. Скорее бы, скорее вырваться из этого случайного ада. Это не наш ад. Чужой. Ну почему эта авария отбирает драгоценные минуты у нас и нашего сына!

Ми Фонг замолчала. Я уже знала, что тот ад для них не был чужим. Мин Хунга с женой, двумя дочерьми и сыном Мишеля и Ми Фонг в тот день ехали встречать всей семьей на трех машинах. Одну из машин вел Патрик — муж Ши Нам. Жена сидела рядом. Их двенадцатилетняя дочь Алиса и пятнадцатилетний сын Мишеля и Ми Фонг — на заднем сиденье. Взрослые выжили. Но дети не были пристегнуты...

Душ под открытым небом. Тропический влажный тяжелый воздух. Мы плещемся под солеными струями минеральных вод, смешивающихся с пресными небесными струями, смывая с себя целебную сульфатную грязь вместе с грязью прошлой жизни Ми Фонг. Внизу нас ждет седой, но не согнутый годами и жизнью необыкновенно красивый Мишель.

— Крис звонил. — Его голос дрожит взволнованной радостью. — Поздравляю, старушка, у нас — внук! Три шестьсот. Пятьдесят четыре сантиметра. Богатырь! — Счастливые смеющиеся глаза наполнены волшебным светом прекрасной птицы феникс.

Люксембург

КАФЕ НА ПЫЛЬНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Вот так просто и тихо, без слез и истерик, рухнуло все, что составляло основу ее жизни последние десять лет. Почему она не видела то, что замечали все? Дэн счастлив со своей семьей. Наверное, потому что она знала его другим. Важный начальник на серой «Волге» и веселый парень с растрепанными волосами верхом на мотоцикле — это все Дэн, словно два разных человека, два характера соединились в нем. Она знала их обоих. А вот Маша и все остальные — только одного. Но пусть так, пусть. Должно быть, она ошибалась, все придумала. Но он не мог, не имел права ничего не заметить! Десять лет! Почему-то несмотря на ясность ситуации она никак не могла смириться с этим. Десять лет фантазии, ее фантазии, а на самом деле?

Хозяин кафе, сочувственно посмотрев на одиноко сидевшую девушку, скрылся за порогом трейлера-кухни. И тут Рите пришла в голову мысль, простая и, наверное, немного нечестная. Но ей просто необходимо, обязательно надо было увидеть все своими глазами. Что же говорил совсем недавно Дэн? «Знаешь, как смешно топают маленькие детские ножки за дверью, стоит лишь нажать на кнопку звонка...» Нет, она этого не знает. Наверное, и не узнает уже никогда. Но она посмотрит, как он возвращается домой. Увидит его счастливое лицо, детей, радостную

Машу, обнимающую мужа... Вот тогда она поверит, что все, конец. Большая жирная точка после десятилетнего бреда. Только что же ей тогда делать, она пока не знала.

Перемещение на несколько минут не составляло для нее проблемы. Пока загорелый «пират», как они с Дэном прозвали хозяина кафе, в трейлере, она успеет. Здесь пройдут секунды, там — минут двадцать, может, полчаса. Координаты кафе ей не требовались, вернется по обратному следу. Хотя Денис и ставил защиту, Марго в себе не сомневалась. Оглянувшись еще раз на походную кухню, она глубоко вздохнула и... оказалась на лестничной площадке возле квартиры Дэна. Быстро взбежав по ступенькам на верхний этаж, Рита выглянула в окно. Светло-серой «Волги» пока не наблюдалось. Что ж, значит, надо подождать. Хотя задерживаться сегодня Дэн вроде не собирался... Вдруг ей почему-то стало страшно. Очень страшно, даже пот холодный выступил на лбу, а зубы пришлось крепко стиснуть, чтобы унять так некстати начавшуюся дрожь. Что случилось? Почему ей кажется, что что-то случилось? Ведь может он просто опаздывать? Внезапно, подобно выстрелу, снизу раздался щелчок замка, и Рита увидела Машу... Жена Дэна выбежала из квартиры, явно не понимая, что делает, схватилась

за лестничные перила. Она не плакала, нет. Она тихо и жалобно скулила, подвывала, словно собачонка... За ней тут же вышла женщина, наверное, ее мама, и осторожно обняла за плечи.

— Пошли домой, Машенька. Тебе беречь себя надо. Ради детей. Пойдем, милая, пойдем же...

— Не говори мне ничего, мама! Я не верю, что его нет! Не верю... Он придет, я его здесь подожду, здесь... — Маша начала рыдать и что-то невнятно бормотать. Что, мол, зачем Денис пошел на обед в город, что в институте есть столовая...

В квартире раздался детский плач. Дверь оставалась открытой, и Рита слышала, как кто-то пытается успокоить малышкой. Наконец дети замолчали. Только Маша все никак не уходила, вцепившись в перила, повторяла постоянно одну и ту же фразу: «Я его здесь подожду, здесь... Не мешайте мне...» А ее мама стояла рядом с красными от слез глазами.

Дальше слушать и смотреть не требовалось. Все и так было предельно ясно. С Дэном случилась беда. И не когда-нибудь, а при возвращении из кафе. Надо ей скорее возвращаться. Может быть, она успеет понять, что произошло. Понять и, кто знает, спасти Дэна... Пусть не для себя, для Маши, для их детей... Пусть так... Главное — успеть спасти.

Загорелый «пират», выйдя из трейлера, сразу посмотрел на девушку. Эта пара мотоциклистов приезжала к нему давно. Похоже, иностранцы. Парень говорил с акцентом, а как разговаривала девушка, он не слышал. Они пили чай, а он к ним близко не подходил. Зачем мешать? Ведь ясно, свидания здесь у них. А сегодня, видно, поругались. На девчонку смотреть больно. Вся бледная сидит, глаза огромные, шепчет что-то про себя. А жаль... Девушка ему нравилась очень. Красивая девушка, таких и не встретишь в этих местах. И в городе, что в десяти километрах отсюда, тоже не встретишь. Хозяин кафе задумчиво покачал головой. Зря ее парень обидел, ох зря... Хорошая ведь девчонка, жаль ее.

А Рита уже все поняла. Она знала, что случилось с Дэном. Даже расследовать ничего не надо. Обрыв... Нельзя же стоять на обрыве, если там дорога поворачивает под прямым углом... Ох Дэн... Отсюда ты уехал живой и невредимый, около километра до поворота, то есть до обрыва, затем еще метров сто, затем два совершенно безопасных временных перемещения, и ты должен был попасть прямо в институт. А вот в институт ты и не вернулся. Это обрыв... Рита чувствовала, знала, что сейчас Дэн еще жив. Он стоит на своем любимом месте и смотрит на море. Трагедия должна произойти буквально через несколько минут. А вот, кажется, и виновник катастрофы...

На горизонте показалось небольшое облачко пыли, которое довольно быстро приближалось к перекрестку. Машина, большой джип с открытым кузовом, шла неровно, рывками. Наверное, что-то неблагополучно с водителем, может, уснул... Вот эта машина сбросит Дэна в пропасть, в море, на скалы... Рита понимала, что все будет именно так, а проверить уже не успевала. Да и не требовалась ей

проверка. Она знала, что все будет так и никак иначе. Конечно, можно мгновенно перенестись в кабину джипа, нажать на тормоз, но... Как же сказал Дэн? «Настоящая жизнь там, здесь всего лишь работа...» Нет, милый Дэн, здесь тоже все настоящее. Ведь если безо всяких перемещений мне надо остановить это железное чудовище, то существует только один способ.

Марго быстро вскочила и бросилась к своему мотоциклу. Затем она объехала прощальный круг: два трейлера, столики, хмурый «пират» пристально смотрит на нее из-под руки... Эх Дэн, Дэн... Прости, но ты должен жить, ты так нужен всем, тебя любят, ждут. А вот я? Мне больше там, в настоящей нашей жизни, похоже, делать нечего.

Она остановила мотоцикл посередине дороги, глянула на быстро приближающуюся машину и замерла. Будет больно... Только бы недолго...

Выстрелы, невероятно громкие, заставили ее вздрогнуть. Прямо к ней, наперерез неуправляемой машине, стреляя на ходу в воздух, бежал «пират». А затем скрип тормозов, огромный бампер перед глазами и облако теплой пыли, окатившее ее с головы до ног... Джип застыл буквально в полуметре от нее. Все. Она зачем-то осталась жива. Но главное — Дэн. Он спасен. И теперь у него все будет хорошо. Надо только не думать больше о Дэне.

Неожиданно для себя Марго вдруг поняла, что сейчас упадет в обморок, но в этот момент чьи-то сильные руки стащили ее с мотоцикла и усадили на землю. Никогда еще помощь не приходила к ней так своевременно. Падать в обморок Рита совсем не хотела. Хозяин кафе бегал вокруг нее и что-то кричал на каком-то непонятном языке. Он кричал на нее и на молодого мужчину, водителя огромной машины. Тот пытался было отвечать, но растерянность и даже испуг слишком явно читались на его бледном лице. Хорошо, что, несмотря на пыль,

окна в машине были открыты. Иначе не услышать бы ему выстрелы и... Подумать жутко, что могло бы тогда случиться.

Водитель подошел к Рите, присел на дорогу рядом с ней и начал что-то говорить.

— Что? — тихо спросила Марго. — Я не понимаю...

— Вы русская?! — почему-то радостно, с чуть заметным акцентом воскликнул ее собеседник.

— Да. А вы?

— У меня мама русская, поэтому язык знаю хорошо. С самого детства родители говорили со мной на двух языках — французском и русском. Живу в Париже. Сам я журналист, а здесь у моего отца собственное дело. Там были большие проблемы, я не спал больше суток. Вот и... — Он немного помолчал, а потом продолжил: — Меня зовут Поль. Хотите, я доведу вас до города? И мотоцикл ваш в кузов поместится. Кстати, очень интересная модель.

Рита согласно кивнула. Но что ей делать в городе? Узнать бы, где она находится и, главное, когда? Не чувствуя под собой ног, с трудом она забралась в кабину джипа. Поль вместе с «пиратом» грузили ее мотоцикл. Рита слабо улыбнулась: «Надо же, каким милым человеком оказался хозяин кафе. А сразу и не подумаешь...» На заднем сиденье она заметила несколько газет и яркий гляцевый журнал. Плохо зная французский, главное прочитать все же смогла — июль 2005 года. Что ж, не так и далеко.

Наконец погрузка мотоцикла была завершена. Поль, не отходя от машины, выпил кофе, принесенный заботливым «пиратом», и они поехали. Когда впереди показался обрыв, Марго сжалась в комочек от охватившей ее тревоги. Дэна не было. И никаких следов недавней аварии также не наблюдалось. Все получилось, все хорошо... Только почему же так хочется плакать?

Проехав поворот, Поль вдруг тихо спросил ее:

— А знаете, мадемуазель, ведь вы мне жизнь спасли.

— Знаю, — безучастно ответила Рита. — Вы бы спали и ехали прямо, а там обрыв...

— Верно. Это просто чудо. На краю света встретить русскую девушку, которая спасет мне жизнь...

Поль еще что-то говорил, но она ничего не слышала, кроме фразы «а знаете, мадемуазель...». Как же сказал тогда Дэн, десять лет назад? «Прогуливаете, мадемуазель?» Тогда они и познакомились. Десять лет! Но нельзя, нельзя думать о Дэне! Никогда больше, никогда! Не думать, не думать о Дэне! Нет! Она вдруг судорожно всхлипнула, обхватила голову руками и разрыдалась так, как не плакала, наверно, с самого детства. А Поль остановил машину и просто сидел рядом. А потом он стал ей что-то тихо говорить по-французски. Его слова звучали ласковой утешающей музыкой, Рита понимала не все, но говорил он ей что-то очень доброе, нежное. Никто и никогда не говорил с ней так. А затем, когда она успокоилась, Поль спросил:

— Так кто же вы? Прекрасная принцесса или пришлица с далекой звезды? Кто вы? Как вас зовут? Куда лежит ваш путь?

— Я... Я не пришлица и не принцесса. Я просто человек, который примерно час назад узнал, что все последние годы были заблуждением, ошибкой. Никто не виноват, только я сама. Я жила иллюзией, только больше жить мне нечем.

— И вы выбрали мою машину, чтобы решить все проблемы разом? Милая, эгоистичная мадемуазель, а что же вы обо мне не подумали?

Рита опустила голову так, что волосы совсем закрыли ее лицо. Не могла же она сказать, что подумала, обо всем подумала. Под колесами джипа нашли бы только ее мотоцикл, а она сама в этот момент лежала бы на пешеходном переходе в Москве 1985 года. Человек, сбивший ее там, сожаления не стоил, трезвый он

за руль редко садился. Пусть лучше ее, чем кого-нибудь другого. Она все просчитала, поставила защиту так, чтобы даже Дэн больше не смог найти их кафе. Пусть он никогда не узнает, что она его спасла. И еще она спасла Поля. А ее спас «пират». Вот как все закрутилось. Нельзя этого рассказывать, иначе быстро в сумасшедший дом попадешь. Поэтому Рите оставалось только промолчать.

— Куда вас в городе отвезти? В отель? Или у вас там друзья?

Сейчас, когда опасная ситуация осталась позади, Марго разглядела водителя джипа более внимательно. Лицо у него оказалось совсем не бледное, а даже загорелое, но, конечно, не так сильно, как у хозяина кафе. Светло-русые волосы, резко очерченный подбородок — он больше походил на героя американского фильма, чем на французского журналиста. Хотя французских журналистов в реальной жизни раньше ей встречать не приходилось, тоже только в кино. Она осторожно посмотрела на часы. Время возвращения в 85-й давно истекло. Конечно, можно вернуться позже, прямо в «канцелярию», объяснить ситуацию. Конечно, ей сделают выговор, придумают алиби... Но возвращаться не хотелось. Да и куда? В свою неухоженную квартиру? На работу? Родственников у нее не было, близких друзей тоже. Только Дэн. Нельзя думать о Дэне, нельзя. Если думать о Дэне, захочется вернуться. А зачем? Она ему не нужна. Он за десять лет ничего не понял. А ведь и нужно-то было — всего лишь понять. Жаль, что о «временных полетах» теперь придется забыть. Хотя она и ас, след во «временном коридоре» оставит наверняка, и тогда ее быстро вычислят. Но, пожалуй, ей все же можно будет заглядывать в прошлое или будущее. Это процесс слишком стремительный, не каждому под силу. Да, если заглядывать на несколько мгновений, исключи-

тельно ради безопасности и крайне редко, вычислить не успеют. А ведь ее будут искать, обязательно будут. Дэн тревогу поднимет. Но найти не должен никто и никогда. Она начнет новую жизнь, совсем новую. Раз уж судьба в лице хмурого «пирата» дала ей еще один шанс, нельзя им не воспользоваться. Если, конечно, получится, если, например, тот же Поль поверит, что нет в ней зла, и поможет на первых порах. Если сможет помочь, если захочет... О! Сколько же «если» предстоит ей преодолеть, особенно в начале. А там она и сама справится, ведь 2005-й от 1985-го не так уж и далеко... Осознавая всю серьезность предстоящего момента, Рита глубоко вздохнула, а затем негромко, но решительно сказала:

— У меня никого здесь нет, ни родных, ни друзей. Нет даже документов. Но, поверьте, я никому не причинила вреда, я не шпионка и не контрабандистка, правда. У меня нет прошлого, и, возможно, не состоится и будущее... Пожалуйста, помогите мне... — Она замолчала, не зная, стоит ли продолжать. Потом добавила очень тихо: — А если нет, если вы откажете, я пойму...

Впереди оказался город, невысокие белые строения, плоские крыши, совсем незнакомая, непривычная архитектура. Поль задумчиво поглядел на Риту и произнес:

— Я ваш должник. Вы спасли мне жизнь. Хотя наверняка и не думали спасать меня. Но так уж вышло. Должно быть, сама судьба свела нас на перекрестке двух дорог. Теперь я помогу вам. Не думайте больше о плохом...

* * *

Давно уже Денис Валентинович не испытывал никакого волнения или беспокойства перед авиAPERелетами. А раньше, много лет назад, все обстояло совсем иначе. Особенно когда он работал в НИИ. Тогда, в годы незабываемой моло-

дости, сама атмосфера аэропорта внушала ему душевный трепет. Удивительное состояние, необъяснимое, ведь с его-то способностями он мог и безо всякого самолета мгновенно оказаться в любой точке планеты в любое (или почти в любое) время. Сейчас, став мудрее, Денис Валентинович все понял. На самолете он обычно летал в заграникомандировки, куда посылали далеко не всех сотрудников. Будучи мальчиком из хорошей семьи, он владел двумя иностранными языками, что выгодно отличало его от многих других ведущих специалистов НИИ. А если добавить к этому остальные положительные качества перспективного начальника отдела, то лучшей кандидатуры для командировок за рубеж и общения с иностранными делегациями руководству НИИ и искать не надо было. Да, обычное тщеславие. А может быть, и нет. Может быть, Денис Валентинович судить себя слишком строго начал с годами. Но затем, когда он перешел на новую работу, где на самолете приходилось по делам летать частенько, а еще пару раз в году в отпуск со всей семьей, очарование аэропорта ушло. Да и какое там очарование! Авиаперелеты стали обычным, будничным делом. В залах толпы народа, рейсы порою задерживались, а он с женой и тремя маленькими детьми, которые постоянно что-то просят: то есть, то пить, то в туалет им надо... Какая уж там романтика, какое очарование! Смешно сказать, за тридцать лет совместной жизни они с Машенькой только сейчас первый раз выбрались отдохнуть вдвоем. Дети настояли, чтобы они отметили тридцатилетие бракосочетания поездкой в Париж. Вот и отметили. Неделя прошла чудесно, но к концу романтического путешествия их обоих потянуло домой. В парижский аэропорт они приехали заранее. Маша все торопила, беспокоилась: «Опоздаем, опоздаем...» Вот и сидели теперь,

ждали. Денис Валентинович читал книгу, когда его жена вдруг тихо сказала:

— А ты стал совсем другим с тех пор...

— Что? — Денис вздрогнул, непонимающе нахмурил брови. — Каким другим? С каких еще пор?

— Ты стал другим в тот день, когда пропала ваша институтская библиотечка, помнишь? Ты меня с ней знакомил — Рита...

— Не говори глупости. — Он отложил книгу, чувствуя нарастающее раздражение. Зачем жене вздумалось про это вспоминать? Марго исчезла после их последнего разговора в кафе. Ее искали, проводили расследование. Его несколько раз вызывали в «канцелярию», он сам искал ее — все бесполезно. Мало того, он так и не смог больше найти их кафе. Рита была мастером высочайшего класса, разгадать ее защиту у него не получилось. Поэтому, наверное, про кафе он никому и ничего не рассказал. Зачем упоминать то, что сам найти не можешь. Да и неловко как-то. Получалось, что Марго намного сильнее его... Она даже прошлое свое защитила. Переместившись во времени обратно, можно было только видеть ее, словно старый фильм смотреть. Но никакого вмешательства в происходящие события! При малейшей попытке всего лишь просто приблизиться к ней, не то что заговорить, его утягивало обратно и с невероятной силой бросало по «временному коридору» опять в настоящее. А казалось бы, чего проще — не брать Марго с собой в тот последний роковой полет. Может, и обошлось бы, не исчезла бы она тогда...

— Я помню, ты пришел и сказал, что пропала Рита. Ушла на обед и не вернулась. Ты сказал это так, словно потерял очень близкого человека.

— Маша, пойми, мы с Ритой дружили, просто дружили! А потом она пропала. Не уехала куда-нибудь, не... Пойми, неизвестность хуже всего.

— Вы не просто дружили.

— Мне надоело слушать чушь! — Денис Валентинович резко захлопнул книгу и собрался встать.

— Может быть, ты и дружил. А вот она тебя любила, сильно любила. Неужели ты ничего не замечал? Вряд ли. Хотя... Просто не желал замечать. Мне кажется, что ты ее тоже любил, но тебе это было совсем не нужно. Ну, как бы ты на ней женился? Твои родители вряд ли бы обрадовались этой библиотечке. Ни родственников, ни квартиры приличной, ничего. А тут подвернулась я! Со всех сторон блестящая партия для такого честолюбивого человека, как ты. Невозможно устоять перед подобным соблазном. И ты не устоял, а Рита... Скажи, а ты бы женился на ней все-таки, если бы не я?

— Маша, я, безусловно, всегда любил только тебя.

— Безусловно? Сильно сказано, особенно если это о любви...

— Так ты считаешь, что мы с тобой плохо жили и живем?

— Хорошо живем, Данечка. И никакой Рите я бы тебя не отдала, не сомневайся. Только, знаешь, мне иногда кажется, что это отражение ее любви погасло в тебе тогда, в тот самый день. И ты стал другим... — Жена Дениса Валентиновича виновато улыбнулась и, должно быть, пожалев о затеянном разговоре, продолжила: — Извини меня, дорогой. Перед самолетом, наверное, волнуясь. Вот и приходит в голову всякое. Ты пойдешь по залу, может, сердиться на меня перестанешь.

Он встал. Пожалуй, правда, надо пройтись. Скрыться вон за той колонной и выпить кофе, пока Машенька не видит. А то все «у тебя сердце, давление»... Денис подошел к буфетной стойке, как вдруг...

— Сережа! Ну что же ты так расшался! Нас папа с собой больше в командировку не возьмет.

Голос! Он уже и не думал услышать его когда-нибудь. Не может быть... Денис осторожно выглянул из-за колонны. Совсем рядом с ним

маленький светловолосый мальчик, примерно лет трех, от волнения перед предстоящим путешествием буквально прыгал на месте.

— Ма-ам! А мы когда домой вернемся? Через неделю, да?

— Если ты так будешь себя вести, гораздо раньше. У папы много работы, а мы с тобой не должны ему мешать.

Лица женщины, голос которой прозвучал для Дениса Валентиновича словно эхо давно ушедших событий, он не видел. Она как раз склонилась над сыном, чтобы поправить крохотный походный рюкзачок у него за плечами.

— Папа! А на самолете летать не страшно?

Мужчина, стоявший вполборота к Денису Валентиновичу, держал мальчика за руку и весело улыбался.

— А ты маму спрашивал?

— Да. Она сказала, что все будет хорошо.

— Значит, так и будет. Ведь наша мама — добрая волшебница.

— Ну папа... Я ведь уже большой, а волшебницы в сказках живут!

— Конечно, в сказках! Все добрые волшебницы живут в сказках, кроме одной. — Мужчина говорил по-русски с почти неуловимым акцентом, а сколько нежности чувствовалось в его словах...

Денис Валентинович, не желая быть замеченным, буквально слился со своим укрытием — колонной возле буфетной стойки. Он хотел увидеть лицо этой женщины! Что же

она так долго возится с рюкзачком мальчишки! Ее голос! Может быть, просто похожие интонации? Он должен знать наверняка!

Но вот она выпрямилась, откинув волосы назад, мягкие локоны рассыпались по ее плечам, и Денис увидел Риту... И замер, боясь пошевелиться. Конечно, он уже и так понял, что это именно она. Понял после первой же услышанной фразы. Вот, значит, где она теперь. А этот маленький мальчик — ее сын. А мужчина, похожий на голливудского героя, — муж. Заметный парень — светло-русые волосы, слегка загорелый, спортивный... Интересно, кто он? Судя по одежде, в деньгах они явно не нуждаются. А Рита! Никто и никогда не признал бы в ней сейчас институтскую «серую мышку».

Кремовый, теплого оттенка брючный костюм великолепного покроя, удобные туфельки, небольшой саквояж в тон туфлям — никакого серого цвета. Ее волосы изящными волнами ложились на плечи, чуть вздрагивая при каждом шаге. Они прошли мимо, болтая о чем-то по-французски. Рита смотрела на сына и на мужа. Конечно, она его не заметила. А если бы и заметила? Разве узнала бы в располневшем немолодом мужчине, у которого «и сердце, и давление», своего Дэна?

Они не спеша удалялись от Дениса Валентиновича. Невозможно красивые, они крепко держали за руки маленького мальчика и смотрели

друг на друга влюбленными глазами. Он понимал, что еще несколько мгновений — и они растворятся в гигантском комплексе аэропорта.

Все хорошо. Все получилось, как он и хотел. Рита жива и счастлива. Почему же так режет глаза? Должно быть, читал сегодня много, а зрение уже не то... Он все смотрел в том направлении, куда только что ушла Марго, надеясь хотя бы еще раз увидеть ее стройную фигурку в безупречном кремовом костюме... Конечно, теперь он знает, где она. Можно попробовать ее найти. Вот только зачем? Как он тогда говорил ей? «Каждый из нас уже давно живет своей жизнью, своей семьей...» Ясно, что у нее счастливая семья. Да и не хочется, чтобы она видела его таким постаревшим, усталым... Все хорошо, все как он и хотел.

Но неужели Маша сегодня сказала правду? И частичка Ритиной любви погасла в нем тогда, далекой весной 85-го? И он стал другим, ни разу не мчался он больше на мотоцикле по пыльным дорогам, не пил чай в скромном кафе прямо под открытым небом, не любовался морем, стоя на краю обрыва... Все в прошлом. Но хорошо, что Рита жива и счастлива. Ведь именно этого он и хотел. Что же так глаза-то режет? Даже слезы наворачиваются. Наверное, давление... Не стоит все же кофе пить. Не стоит...

г. Москва

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 2012 г.

АГЕНТУРНЫЙ РОМАН

Глава VII. Внедрение

Буран легко выпрыгнул на ходу из электрички и с легким фанерным чемоданчиком направился по перрону к выходу. На площади заметил сидящих в ряд пожилых женщин, торгующих семечками и выращенной на частных огородах зеленью. С веселой приветливой улыбкой Буран направился к уличным торговкам.

— Привет, девицы-красавицы. Я в вашем славном городе проездом. Больше недели не задержусь, нельзя ли поквартировать у кого-нибудь из вас?

Толстая старуха в черной косынке окинула его оценивающим взглядом:

— Ты сначала купи у меня товар. А потом уж вопросы задавай.

— Ну дай пару стаканов семечек, если они у тебя жареные.

Буран все рассчитал правильно. Оттопырив карман, позволил насыпать в него семечки и достал из кармана пачку десяток. Посветив деньгами, решил поторговаться:

— Ты, мамаша, совсем от жадности с катушек съехала: у тебя стакан чуть больше шкалика для водки. Досыпь еще немного.

— С тебя и этого хватит. Есть деньги помельче? У меня сдачи не будет.

— Нашла о чем печалиться. Бери к себе на постой, потом рассчитаемся. В цене сойдемся. Мне особых хвором не надо: я не дворянского происхождения.

— Да это по морде твоей видно, и в метрику заглядывать не надо. Только сдается мне, что последние галоши из дому у меня, мазурик, вынесешь. Убытку будет больше, чем выгоды.

— Да ты, мать, свихнулась. Мне своих галош девать некуда. Багажом отправил, скоро придут. Бери на постой веселого холостяка, не пожалеешь.

— Ладно, уговорил. Зовут меня баба Ксюша. Есть у меня лишняя койка в углу. Отзанавесься от меня простынею. И возьму с тебя по-божески — не обеднеешь.

— Ну вот и договорились. Давай сворачивай свою торговлю. Веди к себе. Я с дальней дороги отоспаться хочу. Только забежим в магазин, водкой и закуской отоваримся.

— Это можно. И мне пару лафетников нальешь. Колбаски только взять не поспеешь. Давно я ее не пробовала. У меня кроме картошки и соленых помидоров ничего нет.

— Хорошо, мать, ублажу твой аппетит. Сам давно разносолов не пробовал.

Старуха подхватила свой мешочек с семечками и сноровисто зашагала в сторону от вокзала. Худая низенькая женщина по прозвищу Керосинка злобно позавидовала, глядя вслед нашедшей выгодного постояльца подруге:

— Этой Ксюхе вечно везет. Правду говорят: «Деньги к деньгам». И не надо целый день на солнце тут париться.

Бабу Ксюшу торговли не любили, но побаивались: ранее судимую за спекуляцию женщину за проницательный взгляд черных глаз считали колдуньей. И часто одинокие женщины приходили в ее дом погадать на картах или по нагару со свечи, растопленному в тарелке с водой. А потому, боясь сглаза, предпочли промолчать и не осуждать удачливую подругу.

Через час, продолжая разыгрывать роль недавно освобожденного из лагеря рецидивиста, Буран сделал вид, что изрядно опьянел после полутора стаканов водки, и обратился к хозяйке напрямую:

— Слушай, баба Ксюша. Я пару лет без женской ласки обходился. Соскучился неимоверно. Может, пригласишь кого-нибудь из соседних молодок мое одиночество скрасить? Я ее деньгами не обижу и тебя отблагодарю щедро.

— Я так и знала, что об этом попросишь. Ладно, подожди с полчаса. Я к Дашке сбегая. Она девка в теле. Без мужа двоих растит. И по своему одиночеству тебя от души приголубит. Ты у нас парень видный. Видать, не воевал, и потому целехонький, как медный пятак. Потерпи малость, сейчас приведу гостью.

Баба Ксюша исчезла за дверью, и Буран мигом прошелся по комнате, изучая пути отхода в случае опасности: «Комнатушка маленькая. Окно выходит на задний двор. Это, пожалуй, хорошо: если успеть выскочить наружу, то сразу можно юркнуть за деревянную будку туалета, а там через штaketник провинциального палисада на соседнюю улицу. Но, надеюсь, до панического бегства не дойдет».

Сев на прежнее место, Буран начал терпеливо дожидаться появления очередной неприятельной бабенки, готовой без особых рассуждений лечь в постель к мужику, способному хоть на одну ночь приласкать случайную знакомую.

Ночью Буран почти не спал, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Он почти наверняка знал, что должно произойти. Уже ближе к утру, едва начало светать, партнерша по любовным играм, стараясь его не разбудить, мягко соскользнула с постели. Неслышно ступая босыми ногами по полу, подошла к свисающему со стула пиджаку и, запустив руку в внутренний карман, вытащила пачку денег и небольшой немецкий браунинг. С опаской быстро вернула оружие на место, засунула деньги в лифчик, схватила лежащую на стуле одежду и поспешила удалиться, осторожно прикрыв за собой дверь.

Буран не сделал никакой попытки остановить воровку: «Эта хипесница мне даже копейки не оставила. Девка явно связана с блатными: и по фене болтает, и наколка с сердечком, проткнутым стрелой, на руке. Теперь остается только ждать, когда она слух о появлении в городе фартового уголовника донесет до нужных мне людей. Пока все идет по плану. Надо только затырить подальше браунинг на случай визита местных мусоров. Неизвестно, кому Дашка первым донос сделает — блатным или местным операм, если она ссученная стукачка. Для схрона, пожалуй, подойдет туалет, если найду, куда сверток запрятать, или зарюю в палисаднике между цветами. Этим надо заняться немедленно: не знаю, куда девка с утра заявится».

И Буран, сделав вид, что только что проснулся, накинул на плечи пиджак и отправился на улицу.

Зайдя в туалет, перешагнул через «очко» к задней стенке и, найдя под самой крышей между угловыми бревнами зазор, засунул туда завернутый в платок пистолет: «Тут ему самое место. Пусть отлежится. Он свою задачу выполнил: девка об имеющемся у меня оружии наверняка проболтается. А дождавшись пацанов, уже буду действовать по обстановке. Сейчас самое время поднять хипиш и сделать еще один ход».

Вернувшись в дом, Буран зло растолкал хозяйку:

— Ты что же, старая карга, мне воровку в постель подсунула? Я встал по нужде, сунул руку в карман — а там один ветер гуляет. Исчезли хрусты.

— А какие ко мне претензии? Сам знаешь: голова бо-бо, а денежки тю-тю. Не надо было напиваться до бесчувствия. Я к твоим червонцам не прикасалась.

— Верю. Тогда сообщи, где Дашку искать?

— Так откуда же мне знать? Небось в каком-нибудь притоне со своими дружками пропивает добычу, приплывшую к ней от такого дурня, как ты.

— Подскажи хоть какой-нибудь адресок, где она может чалиться.

— Да я если бы и знала, и то не сказала. Не Дашку, а тебя, дурака, жалко. Появишься там некстати, так ее кореша тебе последние зубы повыбивают. Не посмотрят, что свой, из блатных, и пальцы в наколотых перстнях. Конечно, из уважения к твоим отсидкам в целости оставить могут, но деньги все равно не вернут. Только уважать перестанут раззяву. Так что никуда не ходи, не позорься. Стоп, а ведь ты теперь без копейки. А чем тогда за постой расплачиваться будешь?

— Подожди, не мельтеши без толку. Дай-ка лучше ножницы.

Сняв пиджак, Буран аккуратно подпорол подкладку и извлек женский кулон на золотой цепочке. Протянув хозяйке, предложил:

— На, продай эту вещичку. Она из золота высшей пробы. На вырученные деньги я у тебя в доме полгода столноваться смогу.

— И не думай. Мне лишние неприятности не нужны. Я там у «хозяина» побывала. Больше не хочу. А ты ворованное с темного дела украшение продавать просишь.

— Было бы опасно, не предлагал. Это рыжье ко мне прилипло из мест отсюда отдаленных. Хозяйка, небось, еще пропажи и не хватилась. Так что риску никакого. К тому же ты в доле. Толкнешь вещь и процент получишь свой сполна. Так что расстарайся, баба Ксюша, и ради себя, и для моей пользы. Надо по-срочному, а то без копейки остался.

— Ладно, уговорил. Только сам знаешь: побыстрому хорошо не бывает. Так и в любви, и в серьезных делах. Так что сбегрю кулон по дешевке. Не возражаешь?

— А куда я денусь? Только уж совсем по бросовой цене не отдавай. Если дело не выгорит, сам на баракхолку схожу.

— Хочешь, чтобы тебя в «мусорку» замели? Ладно, не гоношись. Вещичка действительно дорогая. Свой риск с лихвой вернешь.

Одевшись, баба Ксюша быстро шмыгнула за порог. Она направилась напрямик к часовщику Яшке. Тот приторговывал краденым и добытое воровством золото переплавлял, изготавливая вполне приличные обручальные кольца, или перепродавал драгметалл зубным техникам. От желающих после войны вставить модные золотые коронки отбоя не было. Баба Ксюша расчетливо прикинула: «Этот хлюст Яшка даст мне приличную сумму. Часть денег возьму себе, да еще с квартиранта свой процент востребую. В любом случае я не внакладе».

А Буран, отправив хозяйку сбывать дамский кулончик, мало заботился о его цене. Ему было важно, чтобы слух о фартовом урке, сбывающем краденое золотишко, как круги по воде, разошелся по городу.

Информация о прибытии Бурана в город первой дошла до милиции. Но вопреки расчетам агента операм настучала не развратная Дашка и не «золотых дел» часовщик, а худющая торговка семечками Керосинка, позавидовавшая удаче бабы Ксюши, сдавшей комнату приезжему мужику.

Ожидающий возвращения хозяйки с деньгами Буран залег отсыпаться после бурно проведенной ночи. Зашедшие в никогда не закрывающуюся дверь опера разбудили, грубо сбросив его с кровати на пол. Обшмонав одежду, кроме справки об освобождении ничего не нашли и, приказав одеться, привезли его в отдел милиции. Заведя в дежурную часть, высокий крепкий опер сильным пинком в поясницу опрокинул Бурана на пол лицом вниз:

— Вот, полюбуйтесь, еще один залетный гастролер — любитель до чужого добра к нам в гости пожаловал. Вас в наш город отовсюду заносит. Справку об освобождении я видел. Почему именно в наш город прибыл?

— Да все просто, гражданин начальник. Невеста по переписке у меня была из этих мест. Пару лет назад письма перестали приходить. Видимо, судьбу свою устроила. Только она писала, что невест в городе много. Вот я и подался в ваши края. Хочу завязать, осесть на одном месте, устроиться на работу на ваш завод.

— Да кто же тебя с тяжелыми судимостями на номерное предприятие возьмет?

— Я могу в другом месте шоферить или на крайний случай грузчиком устроюсь.

— Точный адрес по переписке с невестой, конечно, не помнишь? Ну тогда хоть улицу назови. Не можешь? Тогда получи за вранье.

Опер умело ударил в живот, а когда Буран согнулся от боли, начал равномерно дубасить его по спине.

Буран боль терпеть умел, но после пятого удара оценил ситуацию: «Этот мусор ждет, когда я попрошу пощады или закричу от боли. Надо будет ему подыграть, а не то легкие и почки всерьез повредит. Мне это ни к чему. Воровской форс я уже показал. Достаточно»

И Буран, сохраняя достоинство, медленно, с тяжелым придыханием произнес:

— Хватит, начальник. Я все осознал и понял. Бить-то меня пока не за что. Я только вчера в город прибыл. Не успел никак отметиться.

Запыхавшийся от усилий опер удовлетворенно кивнул головой:

— Вот так-то лучше. Ты, я вижу, парень понятливый. Даю тебе сроку три дня: либо устраиваешься на работу, либо уезжаешь. Если съедешь от бабы Ксюши, то сообщишь, куда. Бегать и тебя искать по городу не буду. Я должен постоянно знать, где ты находишься. А теперь посиди в дежурке пару часиков, пока я справки о тебе наведу по нашим учетам.

Буран с трудом добрался до массивной деревянной скамьи и сел рядом с двумя задержанными парнями и девицей с подбитым глазом. С уважением глядя на его покрытые наколками пальцы, один из парней сочувственно произнес:

— Крепко тебе, мужик, досталось. За что он тебя так невзлюбил?

Буран отвесил парню крепкую оплеуху:

— Это тебе, пацан, не в наказание, а в учебу. Ты, видимо, зону еще не топтал. Иначе поостерегся спрашивать, кого и за что легавые к себе в отдел тащат. А насчет моего битья — так это сущие пустяки. Один раз деревенские мужики меня оглоблями и вожжами вознаграждали. Тогда было невтерпеж. Так что кулаки взбесившегося опера — сущая безделица.

Съездившийся от обиды парень постарался отодвинуться подальше от Бурана на край скамейки. Зашедший в дежурную часть участковый начал шумное разбирательство с задержанным. Из воспитательной беседы Буран понял, что накануне шумная компания справляла у Людки с подбитым глазом день рождения. В разгар веселья все перемешались. Соседи вызвали милицию. Кто из шпаны оказался пошустрее, тот скрылся, а хозяйку с двумя гостями доставили в отдел. Выслушав объяснения, капитан милиции подвел итог:

— Вот что я тебе скажу, Людка. Если хоть раз еще поступит жалоба на твой шалман, я приму строгие

меры. Хватит тебя увещевать по-хорошему. Собери материалы — и вновь поедешь в лагерь на дармовые харчи за притоносодержательство. С твоей прошлой судимостью за кражу точно лет пять огребешь. И не надо ничего объяснять и оправдываться. Я сказал, а ты услышала. А сейчас заплатите по протоколу штраф — и марш по домам. Смотреть на вас тошно.

Подписав протоколы, компания шумно направилась к выходу. У дверей разбитная девка обернулась и внимательно окинула взглядом Бурана, словно старалась запомнить получше. Агент был доволен: «С этим битьем в милиции мне повезло. Наверняка на хату к этой марухе блатари и покрупнее этих хулиганов-бакланов ныряют. И слух о моем появлении в городе дойдет до авторитетных людей. Хотя рассчитывать сразу на знакомство с дядей Мишей вряд ли можно».

Сразу после освобождения из милиции Буран отправился к бабе Ксюше. Та его огорошила неприятной новостью:

— Плохо дело, касатик. Часовщик отказался принять кулончик: цепочка, дескать, тонкая, а оправка у кулона с большой долей примесей. В общем, сказал, возни и риска много, а навар ждет слабоватый.

— Так что же делать?

— Есть у меня на примете одна баба. Леденцы-петушки из сахара делает. От продажи детишкам неплохую прибыль имеет. Попробую ей толкнуть, но хорошей цены не даст. Если согласен, то я пойду, сделаю попытку. И то не для тебя, а для себя стараюсь: за постой хочу получить.

И Буран вынужденно согласился.

Едва хозяйка скрылась из виду за штакетником палисада, как в калитку вошел высокий мужик, на шуплом тельце которого свободно болтался черный пиджак. Поднявшись на крыльцо, посетитель вошел в комнату и, изобразив приветливую улыбку на изможденном туберкулезом лице, вскинул руку вверх:

— Привет, бродяга. Меня урки послали тебя проведать. Как после милицейских кулаков себя ощущаешь?

— Зачем пожаловал? Я тебя не звал.

— Что так не приветливо встречаешь? Я к тебе всей душой.

— Так, может, тебя ко мне мусора подослали.

— Ты хоть и авторитетный вор, но за языком следи. Я тоже две ходки за плечами имею, и подозревать меня в стукачестве прав не имеешь.

— А что я должен думать? Едва я успел из дежурки на свободу выскочить, как ты сюда явился.

— Чтобы сомнения развеять, давай собирайся, со мною пойдешь. Тебя авторитетные люди видеть хотят. Там убедишься, что я не ссученный.

— А зачем мне эта встреча? Я всю жизнь сам по себе в одиночку работаю.

— Здесь, в городе, ты никого не знаешь. А потому, как слепой в темноте, не знаешь, куда двигаться. А мы тут местные и в курсе, где, у кого и сколько добра лежит. Да и отказываться от встречи с серьезными людьми тебе нельзя. Западло посчитать могут.

— Ну ладно, пойдем. Посмотрим, кто меня видеть хочет. Тебя-то как кличут?

— Тебе ни к чему. Я с тобою дел иметь не буду. Мне лишь приказали доставить тебя на место и представить нужным людям. Больше мы с тобою, скорее всего, не увидимся. Если завалишься, то я в стороне.

— Значит, все-таки обиделся. А зря! Береженого бог бережет, а не береженого вертухай стережет. Сам знать должен.

Выйдя из дома, Буран с посыльным направились в сторону железной дороги. Не доходя до вокзала, перешли через рельсы и остановились возле водоканчки. Провожатый строго приказал:

— Жди здесь. К тебе подойдут.

Глядя вслед сгорбленной фигуре ранее судимого туберкулезника, Буран с опаской осознал: «Да, я имею дело с серьезными ребятами. Запросто к себе не допускают. Сейчас наверняка проверяют, нет ли за мной хвоста. Надо держать ухо востро. Иначе пережут на ремни и свиньям скормят».

Размышления Бурана прервало появление парня лет двадцати с блеклыми, почти бесцветными глазами. Не здороваясь, тот кивнул головой в сторону стоящего невдалеке на запасном пути старого, давно сломанного товарного вагона:

— Там тебя ждут. Ты иди, а я здесь покараулю.

Стараясь сохранить спокойствие, Буран подошел к товарняку и, схватившись за ржавый поручень, легко вскинул свое мускулистое тело вверх. Внутри Буран увидел двух человек — молодого и пожилого с седыми волосами. Мгновенно оценив, с кем его свела судьба, подумал: «Пожилой из своих, блатных. Вон, все руки в наколках. Взгляд жесткий, цепкий. С таким зверем шутить нельзя. Мигом горло перережет. А молодой парень, похоже, не судим: у пожилого на подхвате служит. Физически крепок и на морду смазлив. Небось от девок отбоя нет. Ему бы на танцы бегать, а не в рискованные дела опасных людей влезать».

Прекратив рассматривать Бурана, седовласый протянул крепкую ладонь:

— Я Сивый, а ты о себе сам доложи.

Молча выслушав рассказ Бурана об освобождении, задал несколько вопросов об условиях содержания в Ивдельлаге. Убедившись, что Буран действительно отбывал там наказание и у них имеются общие знакомые из блатных, перешел сразу к делу:

— Ты подкатил сюда, в город, в самый нужный момент. Мы в последние дни сразу двоих человек потеряли: один парень загремел в уголовку по старому делу, а другой с аппендицитом в больницу слег. А другие мои хлопцы сейчас в отъезде. Только Жорка при мне остался, потому что ногу вывихнул. Бегать резво не может. Так что не от хорошей жизни мы к тебе обратились. Нужен крепкий мужик для одного фартового дела. Если соглашаешься, то посвящаем в подробности, а если идешь в отказ, то разбегаемся.

— Я сейчас на мели, а потому подписываюсь идти с вами, хотя не люблю играть втемную.

— Ну что же, тебя никто за язык не тянул. Обратного хода не будет. Брать будем кассу на автобазе. Пойдем втроем. Ты, я и вот этот парень.

— Надо бы подготовиться.

— Это не твоя забота. Все уже готово. Да и времени у нас в обрез. Сегодня к вечеру деньги для выдачи зарплаты завезут, а раздавать будут лишь завтра утром. Так что на дело надо идти часика через четыре, когда начнет смеркаться и на базе лишь сторож-инвалид останется.

— А почему именно ко мне обратился?

— Так это понятно. Ты вор опытный. Тебя в городе никто не знает. Сделаешь дело и исчезнешь. Гуляй ветер в поле. Я лишних людей в дело не допускаю. Но вот так сложилось, что идти брать кассу некому. А все рассчитано и подготовлено до мелочей. Окно в кассе на втором этаже рядом с пожарной лестницей не будет закрыто на шпингалеты. У нас в распоряжении имеется дубликат ключа от сейфа, сделанного с воскового слепка. Так что откладывать дело нельзя.

— Если так все гладко, зачем вам третий лишний?

— Если ключ, изготовленный со слепка, не подойдет, сейф взламывать придется. Для этого инструмент нужен тяжелый, и его по пожарной лестнице легко вверх не затащить. К тому же шум придется поднять на все здание, а тут уж надо будет сторожем заняться вплотную. Нет, втроем все же сподручнее.

— Не люблю по чужому плану действовать. Но раз теперь в курсе дела, то в отказ не пойду. Лишь бы на засаду легавых не нарваться.

— Сам знаешь: фарта без риска не бывает. Все, трепотня закончена. Ложись на сено, отдыхай. Готовься к бессонной ночи.

Как только начало смеркаться, выбрались из вагона и направились пешком на окраину города. Миновав церковь, превращенную после революции в склад, подошли к деревянному забору. Легко раздвинув две доски в заборе, едва державшиеся на заранее ослабленных гвоздях, пожилой сиделец легко просунул свое жилистое тело в образовавшийся

широкий проем. Буран, успев оценить тщательность подготовки к краже, нырнул следом, прислушиваясь к натужному дыханию прихрамывающего вслед за ним с тяжелой сумкой парня. Зайдя с торца старого четырехэтажного здания, на котором была выложена надпись из красного кирпича «1910 год», приблизились к пожарной лестнице, до нижней ступеньки которой было около двух с половиной метров.

Сивый достал из сумки моток толстой веревки и протянул Бурану:

— Вот, возьми. Сейчас мы с Жорой на руках тебя подсадим. Зацепишься за нижнюю перекладину и поднимешься до второго этажа. Вон то окно слева должно быть лишь для видимости прикрыто, а шпингалеты не закреплены. Доберешься, толкнешь ставни внутрь и влезешь в кассу. Нам сверху веревку спустишь. Сначала инструмент поднимешь, а уж потом мы вскарабкаемся.

— Ты, похоже, издеваешься. От пожарной лестницы до окна не менее трех метров будет.

— А карниза из кирпича, вдоль фасада выложенного, не видишь?

— Так он шириной с двадцать сантиметров. Я же в цирке акробатом деньги не зарабатывал.

— Зато хвастался, что форточником первую судимость заработал.

— Так мне тогда едва четырнадцать минуло, и я был легче на полста килограммов.

— Ничего, покажи, что навык не потерял.

Злобно выругавшись, Буран снял пиджак, взял моток веревки, перекинул через плечо и, спружинив на сплетенных ладонях подельников, дотянулся до нижней ступени лестницы. Легко добравшись до второго этажа, прижался грудью к шероховатой поверхности кирпичной кладки и, стараясь не смотреть вниз, приставными шагами добрался до окна. Толкнул легко открывшиеся створки и соскочил на пол. Затем привязав веревку к батарее, спустил ее вниз. Его подельники поднялись следом. По тому, как неуверенно держался в темной комнате Сивый, стало ясно, что он в этом кассовом помещении, как и Буран, впервые. Зато молодой парень явно хорошо знал обстановку в комнате. Он включил небольшой фонарик и направил луч в угол комнаты, где стоял массивный железный ящик. Подойдя к сейфу, вынул из кармана ключ, всунул в замочную скважину и повернул. Воры с облегчением вздохнули: дверца легко открылась. Сивый удовлетворенно выдохнул:

— Молодец, слесарюга, не подкачал: смастерил копию ювелирно. Давай, Жора, надевай перчатки, аккуратно вытащи из сумки инструмент, положи на пол. А взамен загрузи деньги. Да все не бери. Оставь немного работягам на пропитание.

— Это еще зачем?

— Пусть легавые покумекают, почему мы все не взяли. Начнут догадки строить, подозревая местных бухгалтеров и кассиров в причастности к краже ради покрытия недостачи.

— А если на Нинку мою подумают?

— Да они и так всех сотрудников бухгалтерии подозревать будут. А мы инструмент здесь оставим. Пусть видят, что у нас ключа не было. А для видимости ломиком дверцу разворотим. Но, услышав шум, сторож внизу тревогу поднимет.

— Да, сторожа придется ликвидировать.

Мгновенно сориентировавшись, Буран принял решение:

— Сторожем я займусь. А вы тут следы наши затрите. Особенно с подоконника и сейфа. Да не забудьте окно вновь на шпингалеты закрыть. Пусть для мусоров еще одна загадка появится: каким путем мы сюда пробрались. Как только со сторожем разберусь, свистну, и вы спуститесь вниз.

Сивый и парень не возражали. Выйдя на лестничную клетку, Буран поспешил вниз: «Сивый наверняка бы прибил сторожа до смерти. А я лишь придушу маленько до потери сознания. Пусть инвалид еще поживет. Спасу чужую душу. А потом оправдаюсь, сославшись, что был уверен в смерти старика».

Неслышно войдя в комнатушку, где инвалид спокойно посапывал на кожаном диване, Буран сильным ударом кулака оглушил ветерана и, нащупав сонную артерию, отключил на время сознание сторожа. Затем подошел к входной двери и негромким свистом позвал поделщиков.

Выбравшись на улицу, налетчики закрыли дверь и снаружи отжали замок, создав видимость силового проникновения в здание снаружи.

Сивый ободрающе хлопнул по плечу парня:

— Видишь, Георгий, план сработал. Мой опыт и твое умение своей страстной любовью доводить баб до безумия еще не раз приведут нас к большим деньгам. Да и для отвода глаз с твоей Нинки мы сделали все возможное. Пора отсюда выбираться.

Оказавшись за пределами забора, Буран потребовал немедленно разделить добычу, ссылаясь на желание спешно покинуть город. Но Сивый возразил:

— Мы же не будем здесь, на пустыре, деньги считать. К твоей трепливой хозяйке бабе Ксюше не пойдешь. Ко мне и Жорке в дома путь тоже заказан. Там лишние глаза и уши. Придется, Жора, к твоей сеструхе в гости закатиться. Скажем, что загуляли, а домой идти не хочется. Она у тебя человек гостеприимный. Позволит мужикам горло промочить ввиду позднего времени. Больше идти некуда. Только ты, Буран, язык про наши дела держи на замке. Ульяна не при делах. Думает, что я инвентарь спортивный

храню и латаю. А тебя представим как нового водителя с завода. Только не вздумай к ней подкатываться. Не то Жорка тебе шею свернет, а я ему подмогну по мере сил. Ну что, Жорик, скажешь?

Последний довод снял последние сомнения и, немного помявшись, Георгий согласился. Все трое направились вдоль обрыва реки к дому сестры поделщика.

Хозяйка встретила их радушно. Глядя на ее миловидное лицо и простодушную приветливую улыбку, Буран сразу понял, что молодая женщина к уголовным делам брата отношения не имеет. Но по переглядыванию Сивого с хозяйкой и мимолетным, словно невзначай, прикосновениям агент заподозрил: «Похоже, у Сивого тайная связь с сестрой поделщика, о которой тот не знает. Эту запретную любовь надо взять на заметку и сообщить оперу Титову. Пусть использует потом на допросах. Узнав о предательском поведении Сивого, тот может со зла расколоться по полной».

Сивый, по-хозяйски расположившись за столом, ласково спросил:

— Ну, чем будешь нас угощать, Ульянушка?

— Я сегодня гостей не ждала. Есть несколько картофелин и две воблы.

— Я не об этом спрашиваю. Выпить-то в этом доме найдется?

— Да после гибели мужа не держу.

В разговор вмешался Георгий:

— Давай сбегай к толстухе за самогоном. У нее всегда сивуха для продажи имеется.

Как только хозяйка вышла из дома, Жора затопил поделщиков:

— Самогон в конце улицы одна баба гонит. Так что у нас до возвращения Ульяны в запасе минут пятнадцать есть. Успеем деньги посчитать?

— А нам, Жора, много времени и не нужно. На глазок справедливо определю.

Сивый высыпал пачки денег на стол и, примерившись, сдвинул в сторону часть денежных пачек:

— Это тебе, Буран. Забирай свою долю.

— Похоже, тебя глазомер подвел. Тут явно не одна треть.

— А с чего ты решил, что тебе такой куш положен? В деле кроме нас еще люди участие принимали: без их наводки и помощи мы бы так ловко не сработали. Я с ними рассчитаться должен. А потому бери свою долю и не гоношись. И еще благодари бога, что имеешь дело с вором старой масти, чтящим блатные законы. А не то бултыхался бы сейчас мертвяком в холодной речке. Другой бы так и поступил и долю твою в наследство взял, к тому же есть на кого свалить вину за кражу на автобазе. Усек сказанное мной?

— Ладно, Сивый, я понятливый. Завтра из города уеду и больше не свидимся. Но среди братвы, если начнут тебя на лицо выворачивать, подтвержу, что ты не скурвился и блатные законы соблюдаешь.

— Ну вот и ладно. Долю свою по карманам заховай. А ты, Жора, остальное в сумку забрось. Да и спрячь за диван. Смотрите, за выпивкой перед Ульяной лишнее не болтните.

Снаружи хлопнула дверь, и в комнату вошла хозяйка. Поставив на стол бутылку самогона, виновато объяснила:

— Вот, последняя у толстухи осталась. Обещала только завтра к вечеру еще нагнать.

— Эх, Ульяна, не умеешь ты врать. Просто не хочешь, чтобы твой брат-футболист лишнего перебрал. Зря беспокоишься: он как только ногу окончательно поправит, то на первой тренировке с потом всю дурь выгонит. К тому же мы и сами много не нальем: нам с Бураном одной бутылки лишь для начала разогрева хватит.

И действительно, уже через десять минут бутылка была пуста. Заметив выжидающий взгляд Сивого, хозяйка, ощущая вину перед гостями, решила:

— Ладно, так уж и быть. Есть у меня в записке еще четвертинка: для изготовления лекарства от кашля на соке столетника купила. Выставлю вам, гости дорогие, в знак уважения и еще банку соленых помидоров поставлю. Только ты, Жора, больше ни капли.

Ульяна поднялась и кивнула сидящему с краю у двери Бурану:

— Пойдемте, поможете мне снять угощение с антресолей. Не хочу стремянку из кладовой тащить. А вы высокий и с табурета дотянетесь.

Заметив предупреждающий взгляд седовласого урки, Буран успокаивающе махнул рукой, давая понять, что не позволит себе ничего лишнего. Зайдя на кухню, он ловко взгромоздился на табурет и снял с антресолей чекушку, опечатанную белым сургучом. Передал бутылку хозяйке и, начав выдвигать банку с помидорами, заметил сбоку, у самой стенки, массивную пепельницу с изображением бородатого мужика с рожками, жадно взирающего на голую бабу, вылезавшую из воды. Сразу всплыло в мозгу описание похищенной вещи, взятой в доме вырезанной семьи Бодровых. Как можно равнодушнее поинтересовался:

— А чего пепельницу тут держишь, а не в комнате на столе?

— Да мне она после гибели мужа ни к чему. Да и не моя эта вещь. Жорка пару месяцев назад приволок. Купил у кого-нибудь по дешевке, а домой нести забоялся: отец у нас очень уж строг, не потерпит такого непотребства в доме. Вот брат и попросил пока ее сохранить. Мне не жалко, пусть на антресо-

лях пылится. Я тоже такие виды не жалую. Разврат это. Жорке простительно. Уж двадцать пять, а все в неженатых ходит. Парень видный, невест нынче в переизбытке. Гуляй — не хочу. Надо ему невесту постороже сыскать, чтобы сразу в узде держала. Ну ладно, пойдем в комнату, а то братан сдуру заподозрит дурное и скандал устроит.

Буран поспешил вместе с Ульяной вернуться в комнату. Обнаруженная им спрятанная на антресолях пепельница вселила уверенность в успехе проводимой совместно с сыщиками операции.

Завершив пиршество, начали готовиться ко сну. Хозяйка, постелив гостям на полу, пошла ночевать к соседке. Буран, устроившись спать на брошенной на пол солдатской шинели, сквозь полуприкрытые глаза заметил на спине скинувшего рубашку Сивого крупное родимое пятно. «Да это же и есть искомый операми дядя Миша. А мне пора отсюда линять. Аресты должны начаться, когда меня уже в городе не будет. Уйду с концами и останусь вне всяких подозрений. О моем участии в краже на заводе оперу Титову докладывать не стану. Оставлю выданную ворами долю себе. Судя по результатам моей гастропроцедуры, я вполне заслужил крупное вознаграждение. Нельзя же всерьез принимать жалкие копейки, которые получу от милиции за успешно выполненное задание».

Мысль о возможности присвоить деньги, взятые при налете на кассу автобазы, приятно грела воображение, и Буран удовлетворенно погрузился в сон.

Едва начало светать, Буран поднялся, быстро оделся и, попрощавшись с поделщиками, заспешил к дому бабы Ксюши. Он не хотел вызывать подозрений у хозяйки, оставив в ее доме свой нехитрый скарб. К тому же надо было получить расчет за проданный кулон. Стараясь не обращать внимания на ворчание хозяйки, осуждающей кобелиные забавы ночевавшего неизвестно где жильца, получил деньги и, щедро отблагодарив бабу Ксюшу за гостеприимство, покинул временное пристанище. Забыв якобы по нужде в туалет, достал из тайника так и не пригодившееся оружие и направился на вокзал. Ему надо было поскорее вернуться в Москву и сообщить добытые с риском сведения.

На следующий день Титов доложил начальству о результатах миссии Бурана. Тут же был разработан план реализации собранной информации. За бандой спортсменов решили немедленно установить наружное наблюдение и взять их с поличным при очередном налете в городе, где будет проводиться календарная футбольная встреча. Главным доказательством должно стать изъятие при обыске в доме Ульяны пепельницы с изображением купальщицы, бесстыдно выходящей из воды на глазах у наполненного блудными помыслами мужчины.

Начальник уголовного розыска озабоченно спросил:

— А если Жорка скажет, что купил эту вещичку у случайного барыги? А показания Ленки-дворничихи о знакомстве его с дядей Мишей — Сивым к делу не пришьешь.

— Ну и что? Репетитор-студент нам дядю Мишу и других налетчиков стопроцентно опознает, когда пригрозим ему расстрелом по приговору суда за соучастие в убийстве семьи Бодровых. Ведь, как ни крути, именно он обеспечил проникновение убийц в квартиру. В обмен пообещаем пустить по делу свидетелем.

— Ты, пожалуй, прав. Против такой угрозы студентик не устоит. Пойдет на сделку. Опознает всех, на кого укажем. Похоже, в банде, кроме дяди Миши и Георгия, участвовали еще только двое человек из футбольной команды. Остальные к налетам не причастны. Думаю, что эти спортсмены, соблазненные большими и легко доставшимися деньгами, недолго будут запираяться. Нам будет легко расколоть неопытных и ранее не судимых молодых парней.

— К тому же надо использовать на полную катушку сообщение нашего агента о непотребной связи любимой братом Ульяны с пожилым уголовником. Жорка наверняка такое не стерпит и выдаст от ревливой злости похотливого поделщика со всеми потрохами.

— Все, ребята, информации у нас теперь достаточно. При каждом выезде футболистов в другой город их будет негласно сопровождать опергруппа для захвата преступников с поличным. Похоже, наступает конец банде спортсменов.

Все произошло, как и планировали сыщики. Задержанные при попытке очередного налета на квартиру торговки из пивного павильона члены банды начали давать признательные показания. После предъявления изъятой в квартире сестры Георгия пепельницы он вынужден был признать свое участие в убийстве. При допросах упорно не хотел опи-

сывать в деталях основную роль в убийстве Бодровых своего старшего поделщика. Но когда ему дали прочитать допрос Ульяны, признающей любовные отношения с Сивым, пришел в ярость и дал согласие на изобличение главаря. При проведении очной ставки с опасным уголовником подробно описал, как Сивый убивал своих жертв и выкалывал глаза, опасаясь снятия с них фотоизображения. После очной ставки Сивый, кляня поделщика за присвоенную тайком пепельницу, изобличавшую их в налете, вынужден был сознаться в эпизодах, ставших известными следствию. О краже из сейфа автобазы и он, и Георгий благоразумно умолчали, поскольку по этому эпизоду их на допросах не спрашивали: московские сыщики были озабочены раскрытием лишь разбоев на квартиры состоятельных людей, совершенных на их территории. За изобличение опасной банды Титов получил именные часы. И было ему невдомек, что он совершил серьезный промах при проведении обыска в доме Ульяны. Его подвело точное знание нахождения на антресолях похищенной в доме Бодрова пепельницы. Зашифровывая агента, Титов сразу не полез за вещественным доказательством, а для виду покопался в шкафу, на полках, проверил содержимое чемодана, вытащенного из-под кровати. И только потом отправился на кухню. Обследовав банки с крупой, заглянул озабоченно в чайник, сняв с его крышки предназначенную для сохранения тепла толстую куклу, одетую в сшитое из разноцветных лоскутов широкое платье. Убедившись, что среди кухонной утвари нет ничего интересного, с видимой неохотой полез на антресоли, обнаружив якобы случайно важное вещественное доказательство.

Ему и в голову не могло прийти, что он, приподняв розовошековую куклу с чайника, был близок к обнаружению баснословно дорогого кольца, проданного расхитителю Бодрову бывшим чекистом, оказавшим лично ему, Титову, протекцию при устройстве на работу в милицию.

Продолжение следует.

Надежда ГЛУШКОВА

Здравствуйте, «Юность»!

Мне двадцать лет. Пишу с двенадцати стихов и прозу, а сейчас пародии, иногда даже на себя, и юмористические рассказы...

От РЕДАКЦИИ

Надежда стала постоянным автором нашего журнала. Она прошла нелегкий, но веселый путь, почти как Элли в Изумрудный город! Мы рады и предлагаем вашему вниманию новую юмореску Надежды Глушковой из далекого, но очень близкого Забайкальского края.

ФОРУМ САМИЗДАТА, ИЛИ «ПИСУЧИЕ ЛЮДИ» В ИНТЕРНЕТЕ

Сейчас редакторы многих литературных газет и журналов, устав от наплыва разного рода писателей и поэтов, или, как они их называют, «писучих людей», нашли гениальный выход. Они создали в Интернете на сайтах своих изданий форумы самиздата, предложили всем «писучим» выкладывать туда свои опусы и вирши и пообещали все хорошее публиковать в бумажных версиях.

Авторы кинулись в Интернет, выложили на форум самого популярного издания свои творения и стали ждать звездного часа. Но шли дни, недели, месяцы, а час все не наступал. «Писучие люди» виртуально перезнакомились и стали обсуждать свои опусы и вирши, потихоньку переругивались и, наконец, все друг с другом перегрызлись. Они оказались очень амбициозными, злобными и завистливыми. Теперь на любого, кто выложит на форум свое очередное творение, они, как стая волков, дружно набрасываются и в пух и прах разносят его писанину. Особенную неприязнь «писучие люди» испытывают

к новичкам, так как видят в них опасных конкурентов. Вот зрелая незамужняя поэтесса Наташа впервые зарегистрировалась на форуме, выложила свою фотографию и стих — крик души:

Хочу мужика настоящего,
Только вперед смотрящего,
На все сверху вниз плюющего,
Лошадиные подковы легко гнущего,
Всех баб под себя подгребающего,
Но лишь с меня глаз не спускающего.
А пока его нет, я смотрю в пустоту
И снова лелею все ту же мечту,
Кому-то другому себя отдаю,
А после одна на балконе курю.

И началось. Первым откликнулся блюстителем нравов старый поэт Петрович:

— Кому и почему отдаешь себя, распущенная, озабоченная стихоплетка? Подумай, зачем настоящему

мужику нужна такая развратная, пошлая, прокуренная, вонючая баба?

Ему подпеваает молодая поэтесса Катя:

— Давай, озабоченная деваха, дуй в Египет, я там недавно побывала и насмотрелась на таких, как ты, одиноких бабешек, заикленных на мужиках, вот и стих наваяло:

Красное море, Египет, Хургада,
Теплу и морю безмерно рада,
Лежит на пляже, раздвинув ноги,
Как будто сильно устав с дороги,
Понятно сразу — с России баба,
Уже ведь шарит в трусах араба.

Тут же вмешался писатель-патриот Михалыч:

— Катька, ты опять со своей подставой? В нашей стране женщины не такие развратные, вульгарные и низкие, как ты их описываешь. Если ты сама шарила в трусах у араба, наверное, аж двумя руками залезла туда, то не думай, что все женщины такие. Ты написала этот стих для унижения нашего государства и его державного достоинства, ты, Катька, враг нашей страны.

Ему отвечает поэтесса по имени Люба:

— Михалыч! Ты достал всех на форуме своим показным квасным патриотизмом. Запомни, достоинство только тогда станет державным, когда за него хоть кто-нибудь подержится. Молодец, Катюха, нам с ней теперь есть что и с чем сравнить, я сама недавно приехала из Турции.

На это откликнулся холостой поэт Юрий:

— Дамы и господа! Я не хочу вмешиваться в ваш бессмысленный спор, а вот озабоченной поэтессе Наташе отвечу:

Стихоплетка! Ты спутала форум с казармой,
Тут не найти тебе мужика с такой кармой,
И никто тебе не поможет на всем белом свете,
Пока не повесишь свое фото в мужском туалете.

— Ах вы, злобные писаки! — не выдержал школьный учитель литературы Иван. — Сначала научитесь писать настоящим грамотным, литературным, русским языком, а затем учите писать других. Ну, захотелось Наталье мужика, что здесь такого? Любой нормальной бабе хочется — естественное желание. Ну не клюют мужики на ее фотографию на сайтах знакомств и в социальных сетях. Что ей теперь, бедной, делать? Вот и зашла сдуру на наш форум, наверное, подумала, здесь люди творческие, им главное духовная составляющая, а не ее крокодиле лицо. Я не согласен с Юрием. Наташа, если ты повесишь свою фотографию в мужском туалете, ничего

хорошего из этой затеи не выйдет, только ускоришь процесс облегчения мужиков. Когда на форуме я увидел твоё фото, то чуть не облегчился прямо в штаны!

— Мужчины! Как вам не стыдно, набросились на некрасивую беззащитную поэтессу как стая злобных волков, — возмутилась ехидная писательница Агния. — Да, я согласна, лицо у нее, судя по фотографии, сшито из кожи крокодила (хоть бы фотешопом немного подправила). Но не это главное, Наташа в своих стихах выражает глубокие чувства одинокой женщины, свою тоску по сильному мужскому плечу, нетерпимость к своему положению, жгучее желание женского счастья. Она жертвует собой, отдаваясь кому попало, не в силах противостоять закону природы, потом глушит всю эту грязь водкой и сигаретами, а по ночам плачет в подушку.

Опять вмешался поэт-моралист Петрович:

— Наш форум создан для начинающих молодых и зрелых, но пока еще не признанных писателей и поэтов, а если каждый будет выкладывать сюда свои рекламные опусы, то мои хорошие стихи просто потонут в этих бездарных продуктах.

Поэт Юрий съерничал:

— Если бы ты, Петрович, утонул по пьянке в своих бывших продуктах, ведь у тебя в деревне туалет на улице, а в нем вместо унитаза дырка в полу, мы бы всем форумом написали тебе некролог и эпитафию, я уже и начало некролога придумал:

Оступился пьяный поэт в своем туалете,
Случайностей много бывает на свете,
Весь ушел в то, что было недавно едою.
Легенда гласит иль анекдот с бородой,
Так в деревнях поэты кончали с собою,
Когда в туалет забегали они с перепоею.
И будет случаться горе такое не раз,
Пока в деревнях не в чести унитаз.

Ехидная Агния тут же блеснула знанием темы:

— Юрий! Ты прав, такое горе случилось с одним из известных поэтов: «И жил грешно, и вмер смешно».

Не выдержал и зашел на форум давно молчавший писатель Вован, пишущий на криминальные темы:

— Вы чо тут, в натуре, оборзели все разом? Волки позорные. Пишете мерзко, слова заершенные находите, слогом каким-то забубенным владеете так, что криминал со своим жаргоном просто отдыхает. Как выражается герой моего нового рассказа уголовник Илья по кличке Бадья, «мозг нарастопырку от ваших опусов». Вы то ли по фене богаете, то ли по тюле вяжете, начитались теток-детективщиц, которые плодят свои книжки быстрее крольчих, и стали подражать их пошлому языку. Если верить теткам,

все граждане в стране говорят на сленге уголовников и думают, что, где и когда украсть, а если кто помешает, его тут же надо замочить.

— Уважаемый Вован! Вы таки меня с ума сведете, мой мозг тоже отказывается понимать, что вы еще на свободе, — ответил патриот Михалыч. — Мы уж было всем форумом собрались скинуться вам на посылку в колонию строгого режима. Кто-то пустил слух, что вы опубликовали в популярном журнале «Огонек» вашу обжигающую повесть «Прокуроры —

самые законные воры» и вас увезли немного охладиться в лютый Магадан.

— Не дождетесь, как говорят самые авторитетные люди, — разозлился Вован. — Меня нельзя посадить, я же не дуб, как ты, Михалыч.

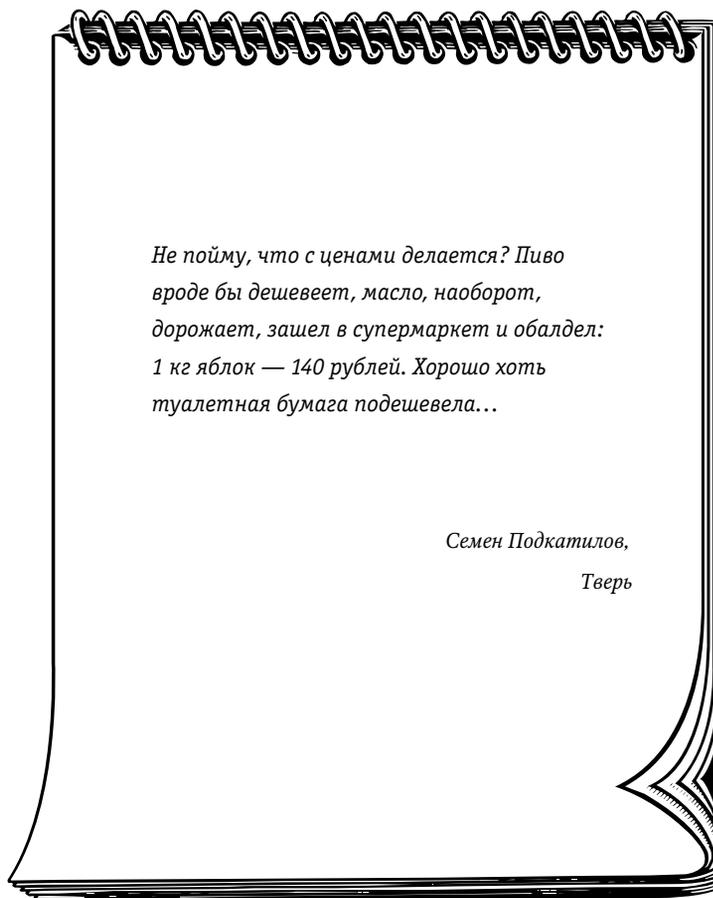
Ответить Михалыч не успел. В это время совершенно случайно форум просматривал модератор, он ошалел от прочитанного и немедленно закрыл доступ к форуму самиздата распоясавшимся авторам.

Забайкальский край, Улетовский р-н, с. Арей

Галка ГАЛКИНА

*Не пойму, что с ценами делается? Пиво
вроде бы дешевеет, масло, наоборот,
дорожает, зашел в супермаркет и обалдел:
1 кг яблок — 140 рублей. Хорошо хоть
туалетная бумага подешевела...*

*Семен Подкатилов,
Тверь*

Галка ГАЛКИНА:

Всяческие кризисы имеют равно как отрицательные, так и положительные стороны. Цены растут, зато потребности уменьшаются. К сожалению, идеал, когда потребности и вовсе никакие не нужны, встречается в непрезентабельном для этого счастливого случая месте — в морге. Но бывают и исключения. Одно из них — подешевевшая туалетная бумага. О чем этого говорит? В первую очередь о том, что публика стала меньше кушать и, наконец, вплотную занялась своим внешним видом. Во всяком случае, толстых граждан на наших необъятных просторах стало меньше.

Но что делать, если подлый организм по-прежнему требует свое, положенную, как говорится, по штатному расписанию порцию калорий и прочие излишества? Попробуйте объяснить ему, только спокойно и аргументированно, что времена

нынче трудные, кризисные, надо бы потерпеть. Что в масле много холестерина, от хлеба пучит, а мясо и вовсе яд. Приводите почаще ему в пример случаи из жизни какого-нибудь благоразумного вегетарианца, который перед смертью сделался буддистом, отказался от мяса, сбежал в Гималаи, питался там одними кореньями и акридами, вдыхал свежий воздух и прожил еще сто пятьдесят лет. Если и этого ему мало, то можно и припугнуть: будешь плохо себя вести — вообще есть перестану, вот тогда ты у меня запоешь Лазаря!

И потом, старайтесь обходить всяческие значные заведения типа магазина «Продукты» стонной. Не смущайте себя и свой организм видом птицы, копченой рыбы, сыров, паштетов и особенно — цен. Радуйтесь тому, что вы еще живы, а остальное приложится!

Актуализмы

- ☛ Если негр тебе приснился, значит, ты уже женился!
- ☛ Лев Толстой — теперь отстой!
- ☛ Я уехала в Вермонт, там встречал меня Бальмонт!
- ☛ Я вчера сменила пол, и меня прожег глагол!
- ☛ Сдали нормы ВТО и вступили в ГТО!
- ☛ От Болотной до Кремля стонет русская земля!
- ☛ В огороде зреет просо — от простуды и поноса!
- ☛ В огороде зреет хрен — от гангрены и Шенген!
- ☛ На балконе зреет репа — я смотрю, как жизнь нелепа!
- ☛ Жили гномики в саду и любили какаду!

**ФАЗА МЕСЯЦА:
Проеё!**

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

Пофигизмы

- ☺ Если в школу ты пришел, школой правит рок-н-ролл!
- ☺ Если твой учитель пьян, прикрепи к нему баян!
- ☺ Если прозвенел звонок, дай учителю пинок!
- ☺ Как услышишь ты Карузо, ешь попкорн из кукурузы!
- ☺ Если ты директор школы, не ходи по классам голым!
- ☺ Если завуч пьет и кос, гаджет вставь скорее в нос!
- ☺ Вынь планшетник из штанов и к диктанту будь готов!
- ☺ Если гаджет твой сгорел, значит, это — беспредел!
- ☺ Если гаджет твой потух, то появится евтух!
- ☺ Если гаджет твой в порядке, вырастет банан на грядке!

**SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ
ДуСЕ:
Трах-тибидох!**